КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXIV.

1899 г.

ЯНВАРЬ

Кіевъ. типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.

1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

ОТДѢЛЪ II-й.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXIV.

1899 г.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1898.

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 31 декабря 1898 года.

М. Г.

26 мая 1899 года исполнится столѣтіе со дня рожденія А. С. Пушкина.

Россія уже готовится къ торжественному чествованію памяти великаго поэта въ этотъ день.

Желая внести свою лепту въ это общерусское дѣло, Одесское Литературно-Артистическое Общество, въ засѣданіи литературной секціи, избрало особую Коммиссію, которой поручено: а) выработать программу празднованія 26 мая 1899 года нашимъ Обществомъ, б) собрать находящіяся въ частныхъ рукахъ письма Пушкина за время пребыванія его на югѣ Россіи, а также его вещи и вообще предметы, имѣющіе то или иное отношеніе къ его памяти, в) собрать воспоминанія о немъ за то же время, г) издать Литературный Сборникъ, включивъ въ него неизданныя письма Пушкина, воспоминанія о немъ за время пребыванія въ Кишиневѣ и Одессѣ и литературно критическія статьи, касающіяся дѣятельности поэта на Югѣ и д) устроить въ помѣщеніи Общества „Пушкинскую комнату", собравъ здѣсь изданныя сочиненія Пушкина и литературу о немъ, бюсты и портреты Пушкина, автографы и предметы его и т. п.

Пребываніе Пушкина на Югѣ представляетъ очень важный моментъ въ его поэтической дѣятельности.

Годы 1820—1824—это Drang und Sturm-Periode въ жизни Пушкина. Это—по справедливому замѣчанію одного критика Пушкина—„періодъ смутныхъ, титаническихъ стремленій еще несознающей себя вполнѣ, неопредѣлившейся натуры, броженіе еще незрѣлыхъ идей, исканіе прочнаго и свѣтлаго идеала, молодое возмущеніе противъ общества и людей, желаніе отстоять, во что бы то ни стало, собственную самобытность противъ судьбы и жизни, не отвѣчающихъ идеальнымъ стремленіямъ молодого, еще неопытнаго сердца. У Пушкина этотъ періодъ его поэтическаго развитія совпадаетъ съ его увлеченіемъ байронизмомъ и освободительными идеями, бродившими тогда въ русскомъ обществѣ. Онъ оканчивается вмѣстѣ съ выѣздомъ его изъ Одессы и возвращеніемъ на Сѣверъ, въ грустную, сѣрую обстановку его Михайловскаго".

Такимъ образомъ, важность литературно-критической разработки матеріала о пребываніи Пушкина на Югѣ не можетъ подлежать сомнѣнію.

Правленіе сознаетъ, конечно, всю трудность настоящаго начинанія. Но оно надѣется, что цѣль до извѣстной степени можетъ быть достигнута при дружномъ, единодушномъ участіи Общества.

Въ виду этого, Правленіе считаетъ своимъ долгомъ просить почитателей великаго поэта оказать ему содѣйствіе посредствомъ сообщенія свѣдѣній и матеріаловъ, относящихся до пребыванія Пушкина на Югѣ, или—указанія лицъ, къ которымъ можно было бы обратиться за полученіемъ ихъ.

Правленіе съ благодарностью приметъ и матеріальную помощь для наилучшаго изданія Сборника, а также даръ—въ видѣ сочиненій Пушкина, бюстовъ, портретовъ его и т. п. предметовъ для образованія „Пушкинской комнаты" и, наконецъ,—статьи для Сборника.

Всѣ свѣдѣнія и запросы Правленіе проситъ адресовать на имя Члена Коммиссіи—Секретаря общества Ивана Антоновича **Смирнова** (Бульваръ, д. Маразли). Сообщенія могутъ направляться также на имя членовъ Коммиссіи: Александра Спиридоновича **Попандопуло** (редакція „Одесскаго Листка"), Николая Петровича **Цакни** (редакція „Южнаго Обозрѣнія"), Власа Михайловича **Дорошевича** (редакція „Одесскаго Листка"), Александра Митрофановича **Ѳедорова** (редакція „Южнаго Обозрѣнія"), профессора Алексѣя Ивановича **Маркевича** (Канатная, собств. домъ), Адольфа Игнатьевича **Черкасса** (Спиридоновская, № 7), Николая Гавриловича **Вучетича** (редакція „Южнаго Обозрѣнія"), Михаила Георгіевича **Попруженко** (Публичная библіотека), Митрофана Васильевича **Шимановскаго** (Яиская, собств. д. № 84) и Валеріана Николаевича **Петровскаго** (Яиская, д. № 92).

Предсѣдатель **П. Чеховичъ**.

Секретарь **И. Смирновъ**.

ЗНАКОМСТВО И. И. СРЕЗНЕВСКАГО СЪ И. П. КОТЛЯРЕВСКИМЪ.

Среди бумагъ И. И. Срезневскаго, въ ряду массы листковъ, записей и замѣтокъ по малорусской старинѣ и народной словесности, находится, между прочимъ, разсказъ Измаила Ивановича о его свиданіи въ іюлѣ 1837 года съ Иваномъ Петровичемъ Котляревскимъ. Написанный наскоро на простой сѣрой бумагѣ, бѣглымъ почеркомъ, съ обиліемъ недописанныхъ словъ, очевидно подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ давно желанной встрѣчи, разсказъ этотъ представляетъ собою большой интересъ. Если прибавить къ сказанному, что Срезневскій былъ замѣчательнымъ наблюдателемъ, какъ давнымъ-давно отмѣтилъ еще Шафарикъ, что часто въ своихъ описаніяхъ, замѣткахъ и очеркахъ онъ изображалъ предметъ, если можно такъ выразиться, съ фотографической точностью и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣлъ влагать душу въ свои описанія, то значеніе рукописи должно еще болѣе увеличиться.

Свиданіе Срезневскаго съ Котляревскимъ произошло, какъ сказано выше, въ іюлѣ 1837 года, т. е. за полтора года до смерти Ивана Петровича, когда ему было 68 лѣтъ. Срезневскому тогда было 25. Это былъ человѣкъ полный силъ, съ энергіей отдавшійся изученію Украины, только что выступившій въ свѣтъ съ своей „Запорожской Стариной", уже извѣстный въ литературѣ, благодаря ряду статей по исторіи и народной словесности Малороссіи. Такимъ образомъ, одинъ изъ встрѣ-

тившихся въ Полтавѣ въ 1837 году былъ человѣкъ, только что начавшій свою литературную жизнь, другой—уже ступившій одной ногой въ могилу. Но взаимное сочувствіе и уваженіе, соединенное съ общностью литературныхъ интересовъ и взглядовъ, ихъ сблизило, какъ ровней, какъ товарищей во время этого перваго и, какъ надо думать, послѣдняго ихъ свиданія.

Для почитателей таланта И. П. Котляревскаго 1830—40-хъ годовъ встрѣча его съ Срезневскимъ должна была быть дорога тѣмъ, что благодаря ей, можно предположить, Котляревскій ввѣрилъ Срезневскому свою рукопись Москаля-Чаривныка и Наталки-Полтавки, разрѣшивъ ему ихъ печатаніе въ Украинскомъ Сборникѣ, который тогда издавалъ Срезневскій. „Украинскій Сборникъ“, по словамъ его издателя, долженъ былъ быть „собраніемъ всякаго рода памятниковъ народности украинской“; Наталка-Полтавка, разбираемая съ той стороны, на которую главнымъ образомъ обращалъ вниманіе И. И. Срезневскій, вполнѣ подходила къ программѣ издателя. „Я началъ Украинскій сборникъ Наталкой-Полтавкой Ивана Петровича Котляревскаго“, писалъ Измаилъ Ивановичъ въ предисловіи къ сборнику, „и, кажется, не могъ выбрать лучшаго начала: а) Наталка-Полтавка была не только однимъ изъ первыхъ книжно-народныхъ произведеній Украины, но вмѣстѣ и первымъ сборникомъ памятниковъ украинской народности, образцемъ для всѣхъ последовавшихъ; б) Наталка-Полтавка имѣла сильное вліяніе на изученіе Украинской народности, можно сказать, пробудила его и до сихъ поръ остается лучшимъ указателемъ почти на всѣ важнѣйшія стороны, съ которыхъ должно изучать украинскую народность. Можно бы послѣ этого и не упоминать о томъ, что Наталка-Полтавка изъ книжно-народныхъ украинскихъ произведеній большого размѣра по своему внутреннему достоинству занимаетъ первое мѣсто, что она болѣе всѣхъ любима во всей Украинѣ, что, наконецъ, она доселѣ была неиздана и переписчиками искажалась все болѣе и болѣе. Такимъ образомъ, Наталка-Полтавка, занимая первое мѣсто въ моемъ Украинскомъ Сборникѣ, можетъ быть съ одной стороны считаема какъ бы

вступленіемъ ко всему тому, что будетъ за нею помѣщаемо въ немъ, а съ другой—останется навсегда однимъ изъ лучшихъ его украшеній".—Эти слова И. И. Срезневскаго обращаютъ на себя вниманіе, между прочимъ, тѣмъ, что являются первой печатной оцѣнкой литературнаго значенія Котляревскаго: отзывы о его поэзіи, встрѣчавшіеся въ печати ранѣе, были слишкомъ случайны и отрывочны.

Наталка-Полтавка вышла въ 1838 году. По словамъ Стеблина-Каменскаго,[1]) Котляревскому удалось ее увидѣть незадолго до смерти; Москаля Чаривныка, который вышелъ въ свѣтъ лишь въ 1841 г., онъ уже не увидѣлъ напечатаннымъ. Какъ говорится въ письмахъ И. И. Срезневскаго къ матери, веденіе изданія Москаля-Чаривныка, вслѣдствіе отъѣзда Измаила Ивановича за границу въ 1839 году, взялъ на себя Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ, съ которымъ Срезневскій познакомился во время проѣзда черезъ Москву: „онъ—страстный охотникъ до всего малороссійскаго", писалъ Срезневскій,... я передалъ ему Москаля-Чаривныка, онъ издастъ его, какъ вторую книжку Украинскаго Сборника" [2]); тогда же обѣщалъ содѣйствовать изданію и Гоголь, предложившій Срезневскому держать корректуру [3]). Москаля-Чаривныка, какъ говорится въ тѣхъ же письмахъ, Щепкинъ предполагалъ поставить на сценѣ Московскаго театра.

Знакомство съ Котляревскимъ, можно думать, зародило въ И. И. Срезневскомъ мечту о составленіи его біографіи; по крайней мѣрѣ изъ писемъ къ Срезневскому полтавскаго священника о. Мазанова, пріятеля Котляревскаго, видно, что Измаилъ Ивановичъ собиралъ матеріалы для біографіи. „Къ сожалѣнію моему", писалъ Мазановъ, „не могу ничего особенно сообщить вамъ на счетъ Ивана Петровича; Стеблинъ въ некрологѣ своемъ весьма хорошо выразилъ его характеръ и образъ жизни; онъ точно былъ оригиналъ въ своемъ родѣ, говаривалъ всегда остро, но нерѣдко и съ аттическою солью..., трудно уберечься, чтобы

[1]) Сѣверная Пчела, 1839, № 146. с. 584.

[2]) Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери (Спб. 1892) с. 20.

[3]) Ibid. 20.

онъ къ чему не привязался, не всегда резонно; былъ душею общества, и гдѣ онъ, тамъ всегда было не скучно. Но особенно его анекдоты были всегда преуморительны; даже и тогда, когда онъ, заболѣвши, почувствовалъ близкій конецъ жизни, то, когда пріѣхалъ къ нему докторъ, онъ ему на отрѣзъ сказалъ: не поможе баби кадыло, колы бабу сказыло, и рѣшительно не захотѣлъ принимать никакихъ лекарствъ; болѣе отъ него никто ничего и не слышалъ" [1]). Изъ другого письма Мазанова видно, что для И. И. Срезневскаго онъ просилъ у Котляревскаго позволенія снять копію съ его портрета; это позволеніе, вмѣстѣ съ обѣщаніемъ надписать портретъ, было имъ получено незадолго до смерти Котляревскаго, 29 августа, въ день его именинъ, когда Мазановъ обѣдалъ у него съ нѣсколькими близкими лицами [2]). Біографіи Котляревскаго Измаилъ Ивановичъ не составилъ; даже матеріаловъ для нея не сохранилось въ его бумагахъ [3]). Неосуществленіе этой мечты Срезневскаго находится въ связи съ тѣми перемѣнами, которыя наступили въ жизни и направленіи его дѣятельности въ 1839 году съ отъѣздомъ въ западно-славянскія земли.

Вс. Срезневскій.

28 окт. 1898 г.

Полтава, 11 іюля 1837.

Сегодня въ пять часовъ послѣ полудня началась для меня новая жизнь въ Полтавѣ. Я забылъ на время, насколько могу забыть и прошедшее, бывшее для меня еще такъ недавно настоящимъ, и будущее, еще такъ недавно казавшееся мнѣ вовсе лишнимъ въ жизни человѣческой. Пролежавши добрый часъ на диванѣ, я очнулся, очень важно задалъ себѣ вопросъ: „зачѣмъ-же я въ Полтавѣ?"—и невольно

---

[1]) Письмо Мазанова 10 янв. 1839 г.

[2]) Письмо Мазанова 28 ноября 1838 г.

[3]) Единственное исключеніе составляетъ листокъ съ выборками изъ біографіи, составленной С. Каменскимъ. Изъ относящагося къ Котляревскому въ бумагахъ И. И. Срезневскаго есть еще начало перевода Наталки-Полтавки на чешскій языкъ (Natalka-Poltavanka).

изумился, когда, не успѣвши самому себѣ договорить вопроса, уже успѣлъ договорить въ отвѣтъ—„Могила и Котляревскій". Могила и Котляревскій—ничто другое не могло меня привлечь въ Полтаву, въ эту беззаботно-скучную, простодушно-пустынную, хоть и милую Полтаву. Пробило 5 часовъ; я отправился къ хозяюшкѣ съ просьбою о совѣтѣ, что мнѣ дѣлать—получилъ совѣтъ ѣхать къ Котляревскому, послалъ за извощикомъ и черезъ пять минутъ сидѣлъ на дрожкахъ.—Куда прикажете?—Къ Котляревскому.—Но—но... Поди—и—и!—Да развѣ ты знаешь его домъ?—Гмъ-съ! Какъ не знать. Важивали къ нему и генераловъ.—Что-же, ты знаешь Котляревскаго?—И видалъ-съ.—А знаешь о немъ что нибудь?—Да тутъ—мальчишка-дуракъ скажетъ вамъ о немъ что ни есть, и къ дому доведетъ, и собаку его по имени назоветъ.—Ну, кто-жъ онъ?—Да Богъ его знаетъ, кто онъ—не то майоръ что-ли, хоть и бѣдный, а знатный баринъ. Вишь ты, сказываютъ, что де онъ что-то по хохлацки писалъ, да вотъ какъ писалъ, что де и какую-то нашу Наталку Полтавку описалъ. Объ ней и пѣсни его ходятъ. Я бы вамъ сказалъ и пѣсни, да по хохлацки мудрено сложены.—Ну вотъ и... тпру.—

Заборъ, ворота съ калиткой, подъ заборомъ и подъ воротами трава—будто вокругъ обгороженнаго памятника. Извощикъ помогъ мнѣ отворить калитку, приласкалъ „жучка", встрѣтившаго было насъ лаемъ, и провелъ до крыльца. Мы шли по едва протоптанной тропинкѣ по дворику, маленькому и чистенькому, какъ садикъ, а впереди былъ и въ самомъ дѣлѣ садикъ, отгороженный рѣшеткой, и слѣва углублялся въ него старенькій маленькій домикъ съ чудною высокою крышей, съ крылечкомъ въ полторы ступени, съ крошечными оконцами...—Извольте идти направо, сказалъ мнѣ извощикъ, и пошелъ къ лошадямъ, а я, признаюсь отровенно, я остановился на крылечкѣ и вздохнулъ отъ радости.—Я увижу его! О еслибъ онъ меня принялъ хорошо, радушно, хоть съ тысячной долей того чувства, которое влечетъ меня къ нему! Какая то женщина лѣтъ тридцати попросила меня взойти, повела за собой по сѣнямъ, отворила

дверь направо и ввела въ длинную комнату, темную и странную, можетъ быть и темную и странную отъ обоевъ, на которыхъ пепельно-кофейными красками разрисованы были различные портреты и что-то еще въ этомъ родѣ. Изъ этой комнатки одна притворенная дверь вела въ маленькую же комнату, которая, какъ я узналъ послѣ, есть спальня Ивана Петровича, а другая растворенная дверь выказывала другую комнату, гораздо болѣе свѣтлую и помѣстительную, и растворилась еще болѣе, когда моя путеводительница просила меня взойти въ нее. Я вошелъ... никого не было. Низенькая комнатка была свѣтла, довольно велика и какъ-то мила, прихотливо-уютна, покойно-весела. Тутъ направо столъ, за нимъ два или три стула; окно и опять столъ въ углу, большой, накладенный книгами, полуприкрытыми синей скатертью, а надъ столомъ двѣ картины; отъ стола прямо по стѣнѣ стулья и между ними вольтеровское старинное кресло, бокомъ къ окну; между этимъ окномъ и двумя другими два маленькія зеркальца; далѣе опять въ углу столъ, тоже съ книгами, тоже подъ синей скатертью; стѣна направо украшена картинками въ папковыхъ рамкахъ, между которыми два гравюрованныхъ портрета—императоровъ Александра и Николая—отличаются отъ другихъ богатствомъ и изяществомъ рамокъ, и подъ ними диванъ, а передъ диваномъ столъ, покрытый драдедамовымъ платкомъ, и на немъ бронзовый чернильный приборъ, бумаги, прикрытыя томомъ Исторіи Карамзина, и еще какія-то развернутыя книжки; далѣе въ углу опять столъ и опять съ книгами; за нимъ два шкафа съ книгами, печь и за нею дверь, въ которую я вошелъ. Вотъ эта комната, этотъ гостинная-кабинетъ Ивана Петровича! Едва я успѣлъ окончить мой tour вокругъ комнатки, какъ въ комнатку вошелъ довольно высокого роста, худой старикъ, въ кашемировомъ халатѣ... Это онъ. Пріятная улыбка на лицѣ, и рука протянута ко мнѣ....

— Извините, Иванъ Петровичъ, если я васъ обезпокоилъ. Быть у васъ и засвидѣтельствовать вамъ лично то глубокое, душевное уваженіе, которое издавна питаю къ вамъ,—вотъ одна изъ немногихъ причинъ, которыя заставили меня вос-

воспользоваться нѣсколькими днями досуга и поѣхать въ Полтаву... Позвольте мнѣ представить вамъ первый опытъ моихъ трудовъ объ Украинѣ, странѣ хотя и не родной мнѣ, но тѣмъ не менѣе любимой.—Я подалъ ему мою Запорожскую Старину.

— А!... Очень радъ, Измаилъ Ивановичъ, знакомству съ вами. Я давно знаю васъ, и жалѣлъ, что до сихъ поръ мнѣ удалось читать только одну изъ книжекъ вашего прекраснаго изданія.

Онъ поцѣловалъ меня, дружески пожалъ руки и повелъ къ дивану. Мы сѣли. Разговоръ быстро завязался. Иванъ Петровичъ говорилъ мало и все по-русски, но говорилъ умно, отчетливо, просто. Мнѣ очень пріятно было сойтись съ нимъ въ мысли, что исторія Украины или, какъ я зову, Малороссіи, составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи Россіи, и что этотъ эпизодъ долженъ быть обработанъ съ особеннымъ тщаніемъ, потому что Украинѣ принадлежитъ слава разрѣшенія судьбы и Польши, и Россіи.—„Когда-то мы дождемся историческаго описанія Малороссіи, ея достойнаго!"... „Когда желаніе понять ее будетъ замѣнять желаніе ее описать", отвѣчалъ я. „Ваша правда: теперь она невозможна",—и Иванъ Петровичъ, припоминая о томъ, что сдѣлано, прекрасно высказалъ, чего еще не достаетъ въ массѣ матеріаловъ. Видно было, что онъ слѣдилъ зорко за движеніемъ разработки матеріаловъ. Потомъ у насъ завязался маленькій споръ о важности памятниковъ народной словесности: онъ отчасти отрицалъ эту важность, называлъ современную любовь къ собиранію народной поэзіи порожденіемъ моды, ведущимъ къ немногому, и собирателей винилъ въ недальнозоркости, въ неумѣніи пользоваться сокровищами.—„А сокровища все болѣе пропадаютъ, и скоро не надъ чѣмъ будетъ и трудиться; бывало десятками, сотнями слышишь старинныя пѣсни и думы, а теперь разъ въ годъ придется услышать одну. Пусть бы эти сокровища остались не болѣе какъ тѣмъ, чѣмъ стались пирамиды для Египта, все же-бъ остались памятникомъ народа, стоющаго памяти".

Я разсказалъ ему свои попытки къ собиранію памятниковъ народности, свои предположенія, свои надежды,—говорилъ, какъ думалъ, какъ чувствовалъ.....—„Колы бъ-то такъ уси за дило прыймалысь! Та ще колы бъ не москали, а наши“..... Не знаю, что я отвѣчалъ на это, но съ этихъ поръ Иванъ Петровичъ, позволяя мнѣ мѣшать русскія фразы съ украинскими, самъ говорилъ почти все по-украински. Взоръ его, до того направленный на меня какъ-то недовѣрчиво, какъ-то холодно, оживился, слова полились рѣкою, и нѣсколько разъ почтенный старикъ откашливалъ свой смѣхъ, свои краснорѣчивые періоды.

ФИЛОЛОГІЯ И ПОГОДИНСКАЯ ГИПОТЕЗА.

Даетъ-ли филологія малѣйшія основанія поддерживать гипотезу г. Погодина и г. Соболевскаго о галицко-волынскомъ происхожденіи всѣхъ малоруссовъ?

(Продолженіе [1]).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Кіевскіе и мнимо-кіевскіе памятники XI—XV вв.

а) Домонгольскіе.

Памятниковъ, писанныхъ въ домонгольскомъ Кіевѣ, сохранилось только два: *Изборники Святослава 1073 г. и 1076 года.* Оба они относятся къ тому періоду, когда русскій языкъ, собственно еще не распался на нарѣчія великорусское и малорусское. Конечно, онъ не былъ уже однимъ языкомъ „въ полномъ смыслѣ этого слова", но во всякомъ случаѣ приходится соглашаться съ замѣчаніемъ г. Шахматова, что въ XI и XII в. нельзя еще говорить о полномъ обособленія великорусскаго нарѣчія [2]), такъ-какъ самой существенной черты малорусскаго нарѣчія (ô и ê) тогда еще не было. Все таки извѣстныя діалектическія данныя въ Изборникахъ Святослава ужъ есть. Ихъ разсмотрѣніе показываетъ намъ, что кіевская рѣчь XI вѣка не

[1]) См. Кіев. Стар. 1898 г., іюнь и сентябрь.

[2]) А. Шахматовъ: Изслѣдованія въ области русской фонетики. Варшава, 1893, стр. 132, 138, 139.

заключала въ себѣ никакихъ элементовъ противомалорусскихъ, а напротивъ—имѣла въ себѣ въ зачаточномъ видѣ почти всѣ черты современнаго малорусскаго нарѣчія, кромѣ той одной, которая образовалась послѣ XI вѣка. Какъ же относится къ Изборникамъ г. Соболевскій?

Г. Соболевскій, касаясь правописанія Изборниковъ Святослава, отмѣчаетъ въ нихъ два начертанія, которыя онъ ясно [1]) называетъ немалорусскими особенностями: 1) т*обѣ* дѣлѣ (=для тебя), причемъ понимаетъ „т*обѣ*" какъ разновидность или неправильное написаніе вмѣсто „т*обе*", и 2) начертаніе *я* вм. *е*: по*я*млютъся, Елисавять, каж*а*ника, [2]). Разсмотримъ эти мнимые немалоруссизмы.

Въ параллель къ единичному *тобѣ дѣлѣ* укажемъ: 1) сѣверно-малорусское „край собѣ" [3]), 2) угорско-малорусское „въ тобе" [4]), 3) въ Энеидѣ Котляревскаго: т*о*бе [5]), 4) въ Кременчугскомъ уѣздѣ Полтавской губ.: поверхъ с*о*бе [6]), 5) у галицкаго наборщика: коло с*о*бе [7]). Не считаемъ нужнымъ пускаться

---

[1]) Прибавляемъ слово „ясно" во избѣжаніе недоразумѣній. Въ „Ж. М. Н. Пр." (1885, февр., ст. 352—353, въ статьѣ: „Источники для знакомства съ древне-кіевскимъ говоромъ") г. Соболевскій отмѣчаетъ въ Изборникахъ Святослава нѣсколько особенностей, которыя онъ считаетъ мѣстными кіевскими, напр. „чоловѣка" вм. „человѣка", „волоба" вм. „зълоба" и др. Такъ какъ онъ не говоритъ ясно, что считаетъ ихъ всѣ за немалорусскія, то было бы несправедливо съ нашей стороны приписать ему такое утвержденіе и показывать, напр., что *о* въ „чоловѣка"—вполнѣ въ духѣ малорусскаго нарѣчія. Но начертаніе „тобѣ" прямо объявлено г. Соболевскимъ за антималоруссизмъ.

[2]) См. „Очерки изъ исторіи русскаго языка", стр. 84. И въ устномъ диспутѣ съ П. И. Житецкимъ въ 1883-мъ году г. Соболевскій прямо заявилъ, что начертаніе *я* вм. *е* въ такихъ случаяхъ, какъ „по*я*млються"—рѣзкій антималоруссизмъ.

[3]) Довнаръ-Запольскій: Пѣсни Пинчуковъ, стр. 56 (К. 1895).

[4]) Угрорусскія народныя пѣсни Де-Воллана (СПБ. 1885, стр. 33): „Гей, козаче черноусый! Чому в т*о*бе жупанъ куцый?"

[5]) Виргиліева Энеида, вновь исправленная самимъ авторомъ и дополненная противу прежнихъ изданій, СПБ. 1809, ч. I, стр. 25: „то тутъ тобе лызне и чортъ".

[6]) Громада, № 2, стр. 72.

[7]) Передѣлка наборщика вм. написаннаго „с*е*бе". Зоря 1897, № 20, стр. 399, столб. 2-й. Добавимъ, что слово „цобе" (влѣво) многими объясняется какъ „одъ с*о*бе", т. е. „отъ себя". Въ Галичинѣ слышится и „цебе" съ *е* (словарь Закревскаго, 576).

въ разборъ всѣхъ этихъ начертаній (это насъ слишкомъ далеко отвлекло бы въ сторону),—одно лишь отмѣтимъ: писецъ Изборника Святослава, будучи малоруссомъ, прекрасно могъ написать „тобѣ“.

Другая якобы немалорусская особенность Изборниковъ—написаніе *я* вм. *е*: поямлються 212, *юя жя* 219, Елисавять 254 об., каж*а*ника 262; къ этимъ четыремъ случаямъ г. Соболевскій по своему произволу прибавляетъ еще два, встрѣчающіеся въ Галицкомъ евангеліи, но, по его мнѣнію, заимствованные изъ какого-нибудь кіевскаго оригинала: изъ далячa и кещ*а* [1]). Ужъ одно то обстоятельство, что *я* вм. *е* попадается въ памятникѣ галицкомъ, должно было бы внушить г. Соболевскому мысль о невеликорусскости этой черты [2]), но онъ вмѣсто того предпочитаетъ утверждать, будто малорусскому нарѣчію такой переходъ *е* въ *я* не свойственъ, и этимъ онъ обнаруживаетъ свое незнакомство съ однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ явленій малорусской фонетики. Приведемъ полторы сотни примѣровъ, въ которыхъ у малоруссовъ слышится то *е*, то *я* (или *а*, послѣ шипящихъ, послѣ *р* и въ кое-какихъ другихъ случаяхъ).

Отмѣтимъ чередованіе *е* и *я* прежде всего въ страдательныхъ причастіяхъ и въ тѣхъ существительныхъ, которыя отъ нихъ производятся. Говорится, напримѣръ: плет*я*ный, пал*я*ный, звед*я*ный, крыш*а*ный, прынес*я*ный, зачын*я*ный, зробл*я*ный, пряд*я*ный, выпол*я*ный (=выполотый), змін*я*ный [3]), напо*я*ный, похож*а*но-поброж*а*но, злож*а*ный [4]) и. т. д.; плет*я*нка, плет*я*ниця, пал*я*нка, пал*я*ниця, звед*я*ныця, крыш*а*нык [5]) и т. д. Очень

---

[1]) Очерки стр. 84.

[2]) Напротивъ, г. Шахматовъ прекрасно подмѣтилъ, что это черта общерусская. См. его Изслѣдованія въ области русской фонетики, стр. 63—64.

[3]) Срв. „Обмѣнявый“—въ протоколѣ магистрата Стародубскаго суда 1690 года. См. Кіев. Стар. 1886, нб., 563.

[4]) „Што было злож*а*не“—въ книгѣ гродской Луцкой 1596 г. Архивъ юго-зап. Россіи, т. I, ч. 3-я, К. 1863, стр. 92.

[5]) „Каж*а*никъ“ въ Изборникѣ Святослава 1073 относится именно къ этому роду явленій.

вѣроятно, что въ такомъ образованіи страдательныхъ причастій мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ нефонетическимъ: какое-нибудь „зачыняный“ (отъ „зачыныты“) или „зминяный“ (отъ „зминыты“) могли образоваться подъ вліяніемъ глаголовъ пятаго класса („зачыняты“, „зминяты“), послѣ чего и при „печеный“ могло возникнуть „печáный“ (Ogonowskij: Studien, 109).

Изъ другихъ случаевъ чередованія *е* и *я* укажемъ слѣдующіе [1]):

а) Послѣ шипящихъ. Часныкъ (галицкое чоснык, великорусское чеснокъ). Щабель. Очаретъ. (Руска Библіотека 1884, т. III, стр. XLI). Чарствый (Рудченко, II, 160). Чахоня (Cyprinus cultratus). Чапытыся (Жел.). Зачапка (у Іоанна Вышенскаго). Кочатъ (въ сказкѣ, записанной Костомаровымъ. „Саратов. малор. литер. сборн.“ 1859, стр. 366). Щапыты (Желех.). Защапка. Печарыця. Дочарми (въ дневникѣ Ханенка 1719 г. Кіев. Стар. 1896, іюль—авг., 169) [2]). Жавриты. Аджа (на Волыни) [3]). Жалаты. Жарнивкы (у Квитки). Жавкаты. Жажкый (у Старицкаго очень часто вм. обычнаго „жежкый“). Шамранье (въ Апокрисисѣ Христофора Филалета. Русск. Историч. Библ. VII, 1512).

б) Послѣ йоты. Явдокымъ. Явтухъ. Явдоха. Явреи. Явхымъ [4]). Ядвабный (Чайковскій: Олюнька. Л. 1895, ст. 149). Ядвабъе (Чайковскій: Въ чужимъ гнизди. Л. 1896, ст. 175). Ямлю [5])

---

[1]) При этомъ не будемъ дѣлать различія между тѣмъ *е*, которое происходитъ отъ стараго Є, и между тѣмъ, которое происходитъ изъ Ѣ: въ современномъ языкѣ законъ ихъ перехода въ *я*—одинъ, общій.

[2]) Кстати отмѣтимъ еще Чарнятинци въ Ипат. Лѣт. 555.

[3]) Именно съ этой фонемой слѣдуетъ сопоставлять старокіевское ѤѦ ЖА и также, вѣроятно, галицкое ѤЩѦ

[4]) Есть и въ дневникѣ Евлашевскаго подъ 1587-мъ г. Кіев. Стар. 1886, янв., 149.

[5]) Срв. старокіевское „поямлються“. Довольно правдоподобно, что звукъ *я* развился здѣсь не фонетически, но подъ вліяніемъ неопр. наклоненія *яти*. Впрочемъ въ пользу фонетическаго образованія этого слова говоритъ форма послѣдующаго слова („ямъ“ изъ „Ѥмь“), которую едва ли можно объяснить путемъ аналогіи. Объяснить современное *ям*лю и ямлити иначе, чѣмъ изъ *е*млю, намъ кажется труднымъ.

(=набираю), — откуда образовано и неопр. н—ніе „ямлыты" (напр., у Макаровскаго въ „Наталѣ": Наямлыла грушъ сушеныхъ, терну, слывъ въ базари). Ямъ (т. е. есмь,—Огоновскій: Studien 144). Якономія (очень часто у Чайченка-Гринченка). Ягынетъ. Яхыдна. Ялыця, ялына, яловець (=можжевельникъ). Ярема. Ярмола [1]), Ярмолынци. Ярошъ. Ярына. Ярусалымъ [2]), Ярусланъ (Гринченко: Этн. Мат. I, 189). Яретычый. Ясетръ. Ясокиръ. Суятытыся, суя́тный, суя́тъ [3]).

Послѣ *л*. Лящъ [4]). Лядащый. Зблякнуты (=поблекнуть). Лягомыны (Шевченко, т. III, стр. 6) [5]). Лямпачи (Lehmpatze). Холяра (записалъ В. Охрымовичъ у гуцуловъ или бойковъ. Житье и Слово 1895, т. I, стр. 144; и у Франка: „Въ поти чола", стр. 72). Облясныкъ (Тобилевичъ: Драмы и комедіи, II, 411). Пидлястытысь (Збирныкъ творивъ Кропывныцького, друге выдання, ст. 47). Скляпъ (склепка. Бытъ русскаго народа—Терещенко, 65; Чуб. III, 98). Глякъ (Жел. I, 143 и 145). Галяра (въ Подоліи. Кіев. Стар. 1884, сент. 59). Шпаляры (Громада № 5, стр. 110, письмо изъ Полтав. губ.). Куляша (им. п.=кулеша. „Въ Карпатахъ" Ив. Левицкаго. Львовъ 1885, стр. 50). Лягавый (лѣнивый, legawy). Голяныща. Малячъ. Далячъ [6]). Плясканка (Жел. II, 662). Каля́ндаръ (Руданскій, III, 139). Палястына. Таля́ры (им. множ.,—„Богданъ Хмельныцькый" Старыцького. Кіев. Стар. 1896, май, 280) [7]). Слово

---

[1]) См. въ Батуринской купчей 1671 г.—Кіев. Стар. 1883, іюль, 509.

[2]) Г. Соболевскій въ рецензіи на трудъ г. Шахматова отмѣчаетъ начертаніе Ярусалимъ въ Галицк. Еванг. Ж. М. Н. Пр. 1894, апрѣль, стр. 432.

[3]) Въ полтавскомъ сборникѣ 1679-го года читаемъ: „суѧта суѧтствуй, всѧческаѧ суєта" (Поповъ: Библіографическіе Матер., II, 69).

[4]) Интересно, что Котляревскій въ изданіи Энеиды 1809-го года (ч. I, стр. 25), напечатавши „лещъ" (съ е), считаетъ это за неправильность и, въ спискѣ опечатокъ, исправляетъ на „лящъ". Но форма съ е также употребительна. См. Желех.

[5]) Въ переводѣ (повѣсти „Художникъ") А. Конисскаго.

[6]) Срв. начертаніе „изъ даляча" въ Галицкомъ ев., приписанное г. Соболевскимъ Кіеву.

[7]) „Талярей" въ записи Ивана Малашкевича 1735 года. Кіев. Стар. 1898, кн. II, 36.

„телеграмма“ произносятъ въ Кіевщинѣ „теляграма“; такъ набрано и въ газетѣ „Буковына“ (1897, № 175, стр. 2, столб. 3-й). Халята (записалъ отъ галицкихъ крестьянъ Франко, Желех. II, 1033). Хлястаты, (въ Сѣдлецк. губ.,—сообщ. Н. А. Янчукъ). Пляќаты (Желех. II, 661). Коляйка (изъ польск. kolejka,—у Желех.). Alaxandra Skarżyńskiego (имя овруцкаго русина, писанное русиномъ же, въ жалобѣ 1648-го года. Архивъ юго-з. Россіи, т. I, ч. IV, 277).

в) Послѣ губныхъ. Грабъяжлывый (хищный). Любъязный. Свяпка (Желех. 854). Лыпъяшка (лепешка). П'ятербургъ (нѣсколько разъ наряду съ Петербургъ у Осташевскаго: Пивъ сотни казокъ. Кіевъ 1869, № 35). Мъятлыця (метелыця,—у Желех.). Замъятня (рѣдкое, у Желех., вм. заметня). Схамъянутыся (откуда, затѣмъ, схаманутыся, Жел.). Семъянъ (=Семенъ См. Жытье и Слово III, 305 и 307). Пымъянъ (срв. Пимянъ въ протоколѣ магистрата Стародубскаго суда 1690 г. Кіев. Стар. 1886, ноябрь, 568).

г) Послѣ *н*. Жовняръ. Панянка. Сонячко. Поняхаты (Желех.). Унява (род. падежъ отъ Унивъ, у Головацкаго,—см. Русалку Днѣстровую 122 № 9, и въ „Рускій Библіотеци“ III, 355). Сопротывнячыще (въ малорусской рукописи 18-го вѣка,—Гринченко: Этнографич. матеріалы II, 220) [1].

д) Послѣ зубныхъ. Навстяжъ (Котляревскій, изд. Катранова, 130; Тобилевичъ: Драмы и Комедіи, II, 152; Гринченко: Этногр. Матер. I, 246). Сердячко (Жел. II, 861,=Herzchen). Тячынка (изъ тычинка, течынка,—Чубинскій IV, 281, № 711). Стябло (плетенка изъ стеблей. Стороженко II, 150). Застяжка (застежка). Тясомка, тясмыця. Тябрычыты (изъ тебрычыты тербычыты. Номисъ, стр, 9, № 426).

е) Послѣ свистящихъ. Сячъ (у Верхратскаго,—см. Желех. II, 943, вм. обычнаго сечъ,—моча). Осятръ. Цякавый (изъ польскаго ciekawy, Желех.).

---

[1]) Здѣсь *я* изъ неударнаго *ы*, которое, какъ извѣстно, у малоруссовъ всегда смѣшивается съ *е*.

ж) Послѣ *р*. Ряминь, ряминный (раминный у Руданскаго: „Царъ-соловей", ч. II, гл. 1-я и гл. 3-я). Рамъя (=ремье. Кулишъ: Иовъ, стр. 49: „ты зъ голого здіймавъ остатнье рямъя". Также у Квитки, по Желех.). Тряба (въ Житом. уѣздѣ, сообщилъ Е. К. Тимченко). Тралиственъное (въ виршахъ буковинца В. Фирдеевича 1841 г.—см. статью проф. Смаль-Стоцкаго. „Буковына" 1897, № 138, стр. 3). Трямкый (Зоря 1896, стр. 249, изъ трымкый, черезъ тремкый). Гряхитъ (срв. grzechotać,—у Чайковскаго: „Въ чужимъ гнизди", Льв. 1896, стр. 260). Дряготиты, дрягитъ, дряговына, драгли (срв. Дреговичи и Дряговичи). Шкрябаты (гораздо чаще, чѣмъ шкребаты). Ра́ндаръ (arendarz).

Переходъ малорусскаго *е* (произносящагося твердо, за *э*) въ мягкій звукъ *я* есть, разумѣется, отголосокъ той старой эпохи, когда старорусское **е** еще не отвердѣло и произносилось за *je*. Но случается въ настоящее время, что малорусское *е* (*э*) переходитъ ужъ прямо въ *а*. Таковы, напримѣръ: Оксана (при Ксена), Ма́хтодъ (Меѳодій), Харсонъ (Гринченко: Этн. Мат. II, 120), сардакъ, до та́бе, царква, тепа́р, мане́ (Огоновскій: Studien, 42), парыверненый (перевернутый), парысоленый (Studien, 207), винъ ида́ (=идетъ,—сообщилъ В. Щуратъ), хлопаць (=хлопець,—Огоновскій: Studien, 235), дащо (Желех.); по сообщенію Е. К. Тимченка, въ Житомірскомъ уѣздѣ вмѣсто звука *е* часто слышится звукъ, близкій къ *а*.

Намъ не представляется необходимымъ уклоняться здѣсь слишкомъ въ сторону для освѣщенія всѣхъ этихъ фактовъ путемъ сравнительной филологіи и ссылокъ на старинные памятники [1]): и безъ того читатель видитъ, что появленіе звука *я*

[1]) Если мы и дѣлали по временамъ ссылки на докуметы, то лишь мимоходомъ, случайно,—просто потому, что кое-какія показанія памятниковъ вспоминались сами собою.—Въ извѣстномъ количествѣ фактовъ, собранныхъ здѣсь нами, звукъ *я* можетъ еще быть объясненъ какъ явленіе нефонетическое, но для общей массы пригоденъ только тотъ законъ *прарусской* фонетики, который предложенъ г. Шахматовымъ. (Изслѣдованія 62—64; Къ исторіи звуковъ—Извѣстія отд. русск. яз. Акад. Наукъ, 1896, кн. IV, стр. 732 и слѣд.). Рецензія г. Соболевскаго (Ж. М. Н. Пр. 1894, апр., 431—432) не можетъ поколебать этого закона,—особенно те-

вмѣсто *е*, считаемое г. Соболевскимъ (по незнанію малорусскаго нарѣчія) за немалорусскую черту, есть черта безусловно малорусская.

Итакъ въ Изборникахъ Святослава нѣтъ великоруссизмовъ. А какіе есть въ нихъ малоруссизмы?

Самой характерной особенности современнаго малорусскаго нарѣчія—звуковъ *ô* и *ê* (т. е. уо, у, і, юо, ю, і, іе)—странно было бы и искать въ Изборникахъ Святослава 1073 и 1076 года. Откуда возникли малорусскіе *ô и ê*? Эти долгіе звуки (и ихъ позднѣйшій потомокъ—*і*) явились какъ результатъ паденія глухихъ гласныхъ ъ и ь,—какъ замѣнительная долгота. А вѣдь въ XI вѣкѣ глухіе гласные русскаго языка были въ полной сохранности,—обстоятельство, отмѣченное въ свое время г. Соболевскимъ [1]) и особенно рельефно выдвинутое его ученикомъ г. Волковымъ [2]).—Для г. Соболевскаго видимымъ знакомъ замѣнительнаго удлиненія служило бы написаніе *ѣ* вм. *ê*,—такое, какое бываетъ въ такъ называемыхъ „галицко-волынскихъ" памятникахъ со второй половины XII вѣка; разъ такого ятя въ Святославовыхъ Изборникахъ нѣтъ, г. Соболевскій отказывается считать старыхъ кіевлянъ предками малоруссовъ. Ниже, въ главѣ пятой и шестой, мы покажемъ, что „галицко-волынское" написаніе *ѣ* не есть выраженіе замѣнительной долготы; но если-бъ эта буква и въ самомъ дѣлѣ была обозначеніемъ

перь, когда г. Шахматовъ, въ дополненіе къ своимъ двумъ десяткамъ фактовъ можетъ воспользоваться тѣми полутораста примѣрами, которые привели мы (число ихъ можетъ быть увеличено). Отмѣтимъ для свѣдѣнія г. Шахматова, что, по сообщенію г. Шурата, звукъ *е* переходитъ въ *а* преимущественно тогда, когда онъ оказывается подъ удареніемъ (срв. Огоновскаго Studien, 42).

[1]) Очерки, стр. 71.

[2]) Къ исторіи русскаго языка. Ж. М. Н. Пр. 1894, янв., стр. 214—221. Памятники XI вѣка плохо различаютъ юсы, вводятъ въ церковно-славянскій текстъ русское полногласіе, Ж и У вм. ЖД и ШТ и т. д., а между тѣмъ строго и послѣдовательно пишутъ Ъ и Ь; ясно отсюда, что правильное употребленіе Ъ и Ь не могло быть результатомъ церковно-славянской традиціи, но было отраженіемъ факта живой рѣчи. „Но какъ только перейдемъ за рубежъ XI в.", прибавляетъ г. Волковъ, „то начинаютъ попадаться чистые вмѣсто глухихъ,—вслѣдствіе требованій живой рѣчи".

замѣнительной долготы, то и въ такомъ случаѣ требованіе г. Соболевскаго крайне странно: едва успѣвши сказать, что до конца XI вѣка глухіе гласные еще не пали [1]), т. е. другими словами, что „галицко-волынскаго ѣ въ XI вѣкѣ еще и не могло быть, г. Соболевскій требуетъ отъ Изборниковъ 1073 и 1076 года, чтобы въ нихъ попадалось „галицко-волынское“ ѣ [2])!—не то кіевляне XI вѣка будутъ для г. Соболевскаго предками великоруссовъ, а не малоруссовъ!

Другія, менѣе характерныя, но все таки очень выразительныя особенности малорусской рѣчи: смѣшеніе ѣ съ и, смѣшеніе и и ы и смѣшеніе в съ оу—въ Изборникахъ Святослава ужъ отразились.

Вмѣсто ѣ мы находимъ и въ Изборникѣ 1073 года: вющии л. 5; въ вѣри, л. 17 об.; оутишенія, л. 100; видающи боудащая, л. 124 об.; видыи 149; имая 142; пламеније(ть) 153 об.; исцили 162; многыи (вм. многыѣ) 253; Андрия [3]) 261 об.;

---

[1]) Это онъ сказалъ въ упомянутомъ мѣстѣ „Очерковъ“, печатаніе которыхъ закончилось только къ 1885-му году (послѣдній листъ вышелъ въ февральской книгѣ „Университетскихъ Извѣстій“ 1885 года).

[2]) Именно въ февралѣ 1885 года въ Ж. М. Н. Пр. Кстати отмѣтимъ, что г. Колесса въ своей статьѣ (Archiv XVIII, стр. 492) таки старается доказать, что въ Изборникѣ 1076 года есть „галицко-волынское“ ѣ: онъ его усматриваетъ въ „трѣзвѣниѥ“ и „прилѣжьно“. Но вѣдь трѣзвѣниѥ прекрасно можетъ быть произведено отъ трѣзвѣти (тогда какъ трѣзвєниѥ отъ трѣзвити), а въ прилѣжьнъ пишется ѣ иногда даже въ церковно-славянскихъ памятникахъ. Кто желаетъ искать въ Святославовыхъ сборникахъ „галицко-волынскаго“ ѣ, тому мы можемъ указать слѣдующія начертанія: сѣмь (Изб. 1073, л, 47 а), бѣзмѣрьноѥ (Изб. 1076 г., л. 237 а), бѣсѣда (тамъ же, л. 147 б), бѣж нѥго (1073 г., л. 24), нѣ днињ, нь ноштињ (тамъ-же, л. 131 об.) Пожалуй, въ изд. Общ. Любит. Древ. Письменности нельзя найти двухъ изъ этихъ фактовъ (въ то изданіе внесены поправки издателей), но ѣ въ бѣж нѥго и нѣ днињ указано по подлинной рукописи Горскимъ и Невоструевымъ (Описаніе рукоп. Синод. библ. II, 394) и Буслаевымъ (Историч. Хрестом., 278 и 263).—Конечно, подобныя начертанія могутъ считаться за малорусскія только съ точки зрѣнія г. Соболевскаго; объ истинномъ ихъ значеніи мы будемъ говорить въ 6-й главѣ нашей работы.

[3]) Что въ этомъ имени былъ въ старину ѣ, видно изъ малорусскаго Андрій, Андріи и т. д.

въразоумниниѥ 263 об.; въ Изборникѣ 1076 года: волѧ [1]) ѥни (вм. ѥѧ) л. 111 об.; въ мироу (κατὰ τὸ μέτρον) л. 237 об. [2]).— Отсюда видимъ, что еще въ XI вѣкѣ старорусское ѣ (звучавшее, по многимъ признакамъ, какъ двугласный ïє) частенько переходило у кіевлянъ въ звукъ ї.

Само по себѣ, смѣшеніе ѣ съ ї не есть исключительно малорусская черта (въ Новгородѣ тоже было такое смѣшеніе). Логика говоритъ, что, если древніе кіевляне были предками малоруссовъ, то, допуская, смѣшеніе ѣ съ ї, они должны были тогда же произносить основное и потверже, чѣмъ ї, и что, слѣдовательно, въ Изборникахъ Святослава мы смѣемъ искать смѣшенія и съ ы [3]). И оно дѣйствительно оказывается: неправьди (Изб. 1073 г., л. 104 об., при сосѣднемъ начертаніи: неправьды), запони (Изб. 1073, л. 116) [4]), милостинѧ (Изб. 1076, л. 13 б., наряду съ милостыни, л. 13 а), осырѣнѧ (Изб. 1076, л. 112 б., при сирота 192 б). Не такъ характерны: риба (Изб. 1073, л. 251, при рыба на томъ же листѣ), прикриваѥ (1073 г., л. 185).

Замѣчается въ Святославыхъ Изборникахъ и смѣшеніе звуковъ ү и в,—смѣшеніе пока-что зачаточное: какъ разъ въ такихъ словахъ, гдѣ употребленіе предлога въ и оү не обусловливаетъ большой разницы въ смыслѣ. Такъ, въ Изборникѣ 1076 года

---

[1]) Въ подлинникѣ юсъ не йотированъ.

[2]) Что «въ мироу» здѣсь значитъ „въ мѣру", ясно изъ контекста: авторъ восхваляетъ „питиѥ мѣрьноѥ" и находитъ, что люди, *въ мѣру* пьющіе вино, лучше людей, безмѣрно пьющихъ воду.

[3]) Допустить, что предки малороссовъ, произнося *ѣ* за *і*, могли въ то же время произносить *и* какъ совсѣмъ мягкій звукъ *і*, вещь немыслимая. Вѣдь если-бы *ѣ* и *и* отождествились въ старину, то къ 14-му вѣку, когда у малороссовъ *ы* и *и* окончательно слились въ одинъ довольно твердый звукъ, *ѣ* также обратилось-бы въ твердый звукъ, и мы бы теперь говорили не „хлѣбъ", но „хлыбъ".

[4]) Въ виду этого окончанія *и*, Миклошичъ (Lexicon, стр. 215) рѣшилъ образовать имен. пад. ед. числа не „запона", но „запонъ" (слово, нигдѣ не встрѣчающееся). Однако, Востоковъ въ своемъ словарѣ не сдѣлалъ чего-нибудь подобнаго. Въ словарѣ Срезневскаго форма „запонъ" приводится съ ссылкой на Миклошича, а самъ Срезневскій понималъ *и* въ данномъ начертаніи Святославова Изборника какъ результатъ смѣшенія *и* и *ы*. (Славяно-русская палеографія. Спб. 1885, стр. 115).

мы съ одной стороны находимъ: оугодивъ 130 б., оугодить 168—169, оугодьна 74 а, а съ другой стороны на томъ же 74-мъ листѣ—въгодити. При оучиненъ (Остром. Еванг.=τασσόμενος) видимъ въ Изборникѣ 1976 года: въчиненъ 218 а. При въселиса 82 а-б, въселю 115 б. находимъ: оуселихъ 81 б., оуселиться 168 б. [1]). То же явленіе въ Изборникѣ 1073 года: оуселатьсѧ (л. 36 и 37), оуселенаѩ (л. 9 об. и 78 об.), оуселѥнѣи (л. 48 об.), оуселѥныѥ (л. 23); въгодити 91 об., въгожьша, въгаждали (тамъ же), въгодьно (л. 35, 82); въчипены (95 об., 97 об.) [2]).

Читатель видитъ, что въ Изборникахъ Святослава достаточно ясно отразилась малорусская рѣчь,—конечно, не наша современная, а только такая, какая была у малорусскихъ предковъ въ XI вѣкѣ. Очевидно, что будь у насъ кіевскіе памятники отъ второй половины вѣка XII и отъ вѣка XIII, въ нихъ бы все съ большей и большей рельефностью выступали малорусскія черты. Къ сожалѣнію, кіевскихъ памятниковъ XII—XIII вѣка, достовѣрныхъ хоть сколько-нибудь, нѣтъ у насъ ни одного, а тѣ десять рукописей XII—XIII вѣка, которыя г. Соболевскій рѣшилъ приписать Кіеву и въ которыхъ онъ не могъ усмотрѣть никакихъ малорусскихъ особенностей, отнесены имъ

---

[1]) Срв. введеніе Шимановскаго къ первому изданію Сборника 1076-го года стран. 54.

[2]) Г. Соболевскій отказывается видѣть здѣсь смѣшеніе в и ү и говоритъ, что во **ВЪГОДЬНЪ** начальное **ВЪ** надо понимать какъ особый предлогъ, а не какъ фонетическую замѣну предлога **ОҮ**, и т. д Но Срезневскій (Палеографія, 115) и Ягичъ (Критич. замѣтки, 84), филологическій авторитетъ которыхъ всякій, понятно, поставитъ несравненно выше авторитета г. Соболевскаго, видятъ въ данныхъ случаяхъ какъ-разъ смѣшеніе **ВЪ** и **ОҮ**. Г. Соболевскій для доказательства вѣрности своего утвержденія ссылается на то, что и въ староцерковныхъ памятникахъ попадаются подобныя же начертанія,—напр. **ВЪГОДЬНИКЪ** въ Супрасльской рукописи (Древній церковно-слав. языкъ, стр. 29). Но отсюда слѣдуетъ только то, что въ дошедшихъ до насъ староцерковныхъ памятникахъ также есть смѣшеніе **ВЪ** и **ОҮ**. И дѣйствительно, въ той самой Супрасльской рукописи, гдѣ есть **ВЪГОДЬНИКЪ** есть также **ОҮ ОСТАТЪКЫ** 321[16], **ВЬРАЖДЕНИЮ** 416[8].

къ Кіеву совсѣмъ произвольно: или безъ всякой мотивировки, или съ такой мотивировкой, которая противорѣчитъ основнымъ правиламъ логики. Эти десять памятниковъ слѣдующіе: 1) Пандекты Антіоха XI—XII в., 2) Мстиславово евангеліе начала XII в., 3) Юрьевское евангеліе 1119—1128 г., 4) Юрьевская грамота ок. 1130 г. (аттестуется, какъ „самый авторитетный“ памятникъ), 5) Успенскій Сборникъ XII—XIII в., 6) Архангельское евангеліе XII—XIII в., 7) Румянцевская Лѣствица XII—XIII в., 8) Сказаніе Ипполита объ антихристѣ XII—XIII в., 9) Оршанское евангеліе XIII в. и наконецъ 10) Тріодь новгородца Моисея Кіянина XII—XIII в.,—второй „самый авторитетный памятникъ“. Посмотримъ, годятся ли они для изученія кіевской рѣчи.

---

1) *Пандекты Антіоха XI—XII вѣка* [1]). Мѣсто написанія не отмѣчено, и нѣтъ никакихъ указаній, чтобы рукопись когда-либо находилась на югѣ. Почему г. Соболевскій считаетъ Пандекты за памятникъ кіевскій, не извѣстно [2]). Въ языкѣ Пандектовъ есть одна особенность, чуждая Святославовымъ Изборникамъ и переносящая насъ на сѣверъ,—смѣшеніе шипящихъ и свистящихъ: црьньць 84 и 98 [3]), съпътьная 53 (наряду съ обычнымъ шъпътаниѥ, шъпътьникъ и т. д.). Эта черта, въ связи со смѣшеніемъ ѣ и ѩ [4]), вполнѣ подтверждаетъ наблюденіе архим. Амфилохія, что Пандекты писаны въ Новгородской области. Замѣчается также употребленіе ѣ, а не є въ сьдѣ 26, 69, отъсѧдѣли 53,—употребленіе, которое и г. Соболевскій

---

[1]) Обширныя извлеченія изданы архимандритомъ Амфилохіемъ въ М. 1880: „Изслѣдованіе о пандектѣ Антіоха XI в.“ Въ томъ же году имъ изданъ „Словарь изъ Пандекта Антіоха“

[2]) Онъ просто говоритъ: „Пандекты Антіоха, писанные едва ли не въ Кіевѣ“. Лекціи, 1-е изд., стр. 11, 2-е изд. стр. 12.

[3]) Цифра указываетъ страницу „Изслѣдованія“ Амфилохія.

[4]) В[illegible] нииѥ 64, вѩстъ 69, пѩваньѥ 95 (μελῳδία), въ грѣнилѩ 95.

признаетъ за невозможное для кіевскихъ памятниковъ [1]). Какъ же изучать кіевскую рѣчь по новгородскому памятнику? Каковы-то будутъ результаты такого изученія?

---

2) *Мстиславово евангеліе* (до 1117 г.) Изъ приписки [2]) видно, что оно писано Новгородскому князю Мстиславу для Новгородской Благовѣщенской церкви. Тѣмъ не менѣе г. Соболевскій по немъ изучаетъ кіевское нарѣчіе! Пока у него не явилось желанія обратить кіевлянъ въ великоруссовъ, онъ заявлялъ, про *Мстиславово* евангеліе писано *несомнѣнно* въ Новгородѣ [3]).

---

3) *Юрьевское евангеліе* 1119—1128 г. Приписка свидѣтельствуетъ, что оно написано между 1119—1128 г. монахомъ Новгородскаго Юрьевскаго монастыря, для монастырскаго употребленія. Писано не тщательно, а потому оказались въ немъ новгородскія особенности: мѣна ѣ и и, мѣна ч и ц, мѣна къ и оу; отъ оумыти будущее время оумъж (срв. соврем. умью). [4]) Но г. Соболевскому необходимо было обратить кіевлянъ въ великоруссовъ, и потому онъ рѣшилъ считать Юрьевское евангеліе за памятникъ кіевскій.

---

[1]) Лекціи, 1-е изд., стр. 37; 2-е изд. стр. 64; срв. Изслѣдованія въ области русской грамматики. В. 1881, стр. 2.

[2]) См. у Срезневскаго: Древніе памятники русскаго письма. СПБ. 1882, ст. 49; Палеографія, стр. 142—146.

[3]) Изслѣдованія, стр. 4.

[4]) См. Срезневскаго: Древніе памятники, 2-е изд., 50; его же: Палеографія, 146—148; Амфилохій: Описаніе Юрьевскаго евангелія, М. 1877; вкратцѣ евангеліе характеризовано у Воскресенскаго: Евангеліе отъ Марка, Сергіевъ посадъ 1894, стр. 41.

4) *Юрьевская грамота* (1128—1132 г.), т. е. дарственная грамота князей Мстислава и Всеволода [1]), данная новгородскому Юрьевскому монастырю. Срезневскій (въ 1861 г.), принимая въ соображеніе, что грамота дана не только отъ имени новгородскаго князя Всеволода, но и отъ имени кіевскаго князя Мстислава, дѣлаетъ предположеніе, что она написана въ томъ году, когда оба князя сошлись вмѣстѣ, т. е. въ 1130-мъ г.; по лѣтописи, это было въ Кіевѣ. Понятно однако, что Мстиславъ могъ севершить даръ и заочно, а Всеволодъ, давая грамоту въ Новгородѣ, все таки долженъ былъ упомянуть имя Мстислава. Поэтому гипотеза Срезневскаго не имѣетъ неоспоримой убѣдительности, и г. Соболевскій въ 1881-мъ году утверждалъ, что Юрьевская грамота «писана *несомнѣнно въ Новгородѣ*» [2]). Но когда г. Соболевскій задумалъ обратить старыхъ кіевлянъ въ немалоруссовъ, онъ рѣшилъ воспользоваться догадкой Срезневскаго и торжественно заявилъ: „по даннымъ, собраннымъ И. И. Срезневскимъ, грамота писана въ 1130-мъ году въ Кіевѣ" [3]). Можно подумать, что Срезневскій произвелъ впослѣдствіи цѣлыя новыя изслѣдованія для подкрѣпленія своей скромной гипотезы 1861-го года, которыя ужъ не могли не переубѣдить г. Соболевскаго!

Съ своей стороны г. Соболевскій выставляетъ одну такую черту правописанія Юрьевской грамоты, которая будто бы свойственна только кіевскимъ памятникамъ и совершенно не свойственна новгородскимъ. Эта черта—постановка буквы **о** вм. **ъ** передъ слѣдующимъ **о**: изоѡстанеть. Но развѣ въ кіевскихъ Святославовыхъ Изборникахъ есть такая особенность?—Нѣтъ, въ нихъ такого **оо** нельзя найти. Эта особенность извлечена г. Соболевскимъ изъ Успенскаго Сборника XII в. и изъ Тріоди новгородца Моисея Кіянина XII—XIII в.,—памятниковъ, кіев-

---

[1]) Г. Соболевскій въ своихъ „Лекціяхъ" изгналъ общеупотребительное названіе этой грамоты „Юрьевская", равно какъ избѣгаетъ упоминать имя новгородскаго князя Всеволода. Онъ называетъ эту грамоту просто грамотой Мстислава.

[2]) Изслѣдованія, стр. 4.

[3]) Ж. М. Н. Пр. 1885, февр., стр. 352.

ское происхожденіе которыхъ—болѣе чѣмъ сомнительно; въ нихъ-то есть: изо олтаря [1]), изо о(ть)ца 42, 62, 79, 102, изообильно 101 об., безо о(ть)ца 123 и др. Ужъ одно то обстоятельство, что указанный признакъ попадается въ рукописяхъ сомнительныхъ и отсутствуетъ въ подлинныхъ кіевскихъ (Изборникахъ 1073 и 1076 г.), служитъ доказательствомъ, что онъ не можетъ быть сочтенъ за кіевскую примѣту. А кромѣ того мы можемъ указать г. Соболевскому еще цѣлый рядъ памятниковъ не кіевскихъ, въ которыхъ вмѣсто ъо пишется оо. Въ новгородской Минеѣ 1096-го г.: изообразилъ (окт. 56), изоѡбрѣтоша (сент. 106). Въ словахъ Григорія Богослова XI в.: изо обоѥ 154 β, безо о(ть)ца 148. Въ Рязанской кормчей 1284 года: безоѡбразия, л. 119. Въ Новгородскихъ Пандектахъ Никона Черногорца 1296 года: со ороужьи 141 об., ко обоимъ 144 об. [2]). Въ бѣлорусскомъ [3]) Житіи Саввы Освященнаго XIII в.: безо оуса 391, безо оуспѣха 503, прѣдо олтаремъ 453. Въ грамотѣ полоцкаго епископа Іакова около 1300 г. [4]): во отца. Въ лѣтописи Лаврентьевской: во о(ть)ца 77, ко ѡ(ть)цю 62, ко ѡлгови 17, со ѡгнемъ 20. Въ Ипатьевской ивоострился 540 (подъ 6759 г.). Въ Никоновской: изооруживъ (собр. лѣт., VII, 340). Въ Псковской I: воополчився (подъ 6831 г.). Въ договорѣ 1437 года Бориса Александровича Тверского съ Витовтомъ [5]): со ѡ(ть)чиною (два раза), во ѡ(ть)чинѣ. Въ Паисіевомъ Изборникѣ XV вѣка [6]): ізоѡбретено. Очевидно, такихъ примѣровъ можно подыскать въ русскихъ памятникахъ множество; мы ограничились тѣми двадцатью двумя, которые были намъ ужъ извѣстны, но и это количество показываетъ, что начертаніе оо вмѣсто ъо, неизвѣстное кіевскимъ сборникамъ 1073—1076 г., встрѣчается всюду (преимущественно въ Новгородѣ) и не даетъ права и Юрьевской грамотѣ считаться за кіевскую.

---

[1]) Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древностей 1870, № 1, 11 об.

[2]) Интересно, что оба эти случая извѣстны и г. Соболевскому. Лекціи стр. 50

[3]) Галицко-волынскомъ, по увѣренію г. Соболевскаго.

[4]) По Исторической Хрестоматіи Буслаева, стр. 421.

[5]) Срезневскій: Свѣдѣнія и замѣтки, т. II, стр. 215.

[6]) Въ Исторической Хрестоматіи Буслаева, стр. 528.

Впрочемъ, если догадка Срезневскаго вѣрна и грамота писалась дѣйствительно въ Кіевѣ 1130-го года, то и въ такомъ случаѣ она еще можетъ быть памятникомъ не кіевскимъ. Вѣдь когда Всеволодъ пріѣхалъ въ 1130-мъ году погостить въ Кіевъ, то были же съ нимъ новгородскіе спутники? Одинъ изъ нихъ могъ написать грамоту,—напримѣръ, какой-нибудь монахъ Юрьевскаго монастыря, въ интересахъ котораго и составлялась грамота [1]).

Значитъ, Юрьевская грамота не только не заслуживаетъ эпитета, даннаго ей г. Соболевскимъ: „самый авторитетный памятникъ кіевскаго говора", но напротивъ—оказывается совсѣмъ не авторитетнымъ. Пользоваться ею для рѣшенія серіозныхъ діалектологическихъ вопросовъ—по меньшей мѣрѣ, неблагоразумно. Великоруссизмовъ-то, во всякомъ случаѣ, въ ней нѣтъ, какъ нѣтъ и малоруссизмовъ [2]).

---

5) *Успенскій Сборникъ XII—XIII вѣка*, гдѣ переписаны произведенія Нестора (составленныя лѣтъ пятнадцать спустя послѣ Изборниковъ Святослава). Мѣсто переписки не отмѣчено. „Откуда былъ родомъ Несторъ—не извѣстно", говоритъ г. Соболевскій [3]), „но нѣтъ основанія считать его не кіевскимъ уро-

---

[1]) Послѣдній резонъ долженъ имѣть сугубо убѣдительную силу собственно для г. Соболевскаго. Вѣдь, по его мнѣнію, Апостолъ 1307 года, написанный *для* Псковскаго монастыря, долженъ *поэтому* считаться памятникомъ псковскаго говора. По той же причинѣ къ памятнику псковскаго говора г. Соболевскимъ отнесенъ и Прологъ 1383 года. См. его Очерки, ст. 142.

[2]) Въ Юрьевской грамотѣ есть извѣстная доза церковно-славянщины, что ужъ отмѣчено Буслаевымъ (Ист. Хрест., 317). Къ числу славянизмовъ относится начертаніе ѣ вм. ꙗ БРАТНѢ,—черта, которую г. Соболевскій, въ противоположность Буслаеву, объясняетъ произношеніемъ ѣ какъ є! Звательный падежъ этого слова очень часто сходенъ въ древнихъ памятникахъ съ падежемъ именительнымъ напр. въ XIII словахъ Григорія Богослова XI в., 291; въ Арханг. Еванг. 1092 года, л. 174—175 (Амфилохій: Описаніе Евангелія 1092-го года, стр. 4).

[3]) Ж. М. Н. Пр. 1885, февр., 354.

женцемъ". Конечно, нѣтъ основанія, но вѣдь въ Сборникѣ помѣщены его произведенія не въ оригиналѣ, а въ болѣе позднемъ спискѣ, изготовленномъ не извѣстно гдѣ. Списки, вообще, довольно вѣрно отражаютъ только тѣ стороны оригинала, которыя при списываніи не такъ легко поддаются безсознательному извращенію, напримѣръ,—лексическую часть; такъ, и Успенскій сборникъ сохранилъ малоруссизмы Нестора;—въ родѣ слова **принъріца** 29 б.; что же касается чертъ правописанія, то разумѣется, нѣкоторыя могутъ перейти изъ оригинала въ копію [1]), но вообще переписчики очень многое измѣняютъ въ правописаніи и вносятъ черты своего собственнаго говора. Все это— вещи, вполнѣ извѣстныя г. Соболевскому, и не будь онъ ослѣпленъ тенденціей—онъ никогда не рѣшился бы назвать Успенскій сборникъ „вполнѣ достовѣрнымъ источникомъ для знакомства съ кіевскимъ говоромъ домонгольской эпохи" [2]). Опять намъ вспоминается предчувствіе Потебни: „предположеніе, закинутое далеко напередъ болѣе основательныхъ фактическихъ изслѣдованій, по свойственной людямъ склонности поставить на своемъ, можетъ дать одностороннее пристрастное направленіе будущимъ работамъ автора".

Г. Соболевскій говоритъ, что онъ причисляетъ Успенскій сборникъ къ кіевскимъ памятникамъ „вмѣстѣ съ г. Ягичемъ". Рѣчь идетъ о „четырехъ палеографическихъ статьяхъ" г. Ягича [3]); въ нихъ говорится объ Успенскомъ сборникѣ на стра-

---

[1]) Напримѣръ, окончаніе **ТИ** вмѣсто **ТЬ** (передъ слѣдующимъ **И**), часто встрѣчающееся въ кіевскихъ Изборникахъ Святослава, могло перейти въ Успенскій сборникъ изъ предполагаемаго кіевскаго оригинала; впрочемъ это **ТИ** попадается и въ галицкихъ, и въ смоленскихъ, и въ новгородскихъ памятникахъ. Могло перейти въ Успенскій сборникъ изъ кіевскаго оригинала смѣшеніе **Ы** и **И**, извѣстное Святославовымъ Изборникамъ. Такъ, уже г. Шахматовъ (Archiv, VII, 77.) отмѣтилъ въ житіи Ѳеодосія по Успенскому списку: т**И** (—ты) и **СИ** (вм. с**Ы**; пожалуй, во второмъ начертаніи можно видѣть не **СЫ**, а **СЫН**, съ пропускомъ средней буквы). Также—смѣшеніе **ВЪ** и **ОУ** въ словѣ **ВЪГОДЬНИКЪ**.

[2]) Ж. М. Н. Пр., 1885, февр., стр. 351.

[3]) Въ 33-мъ томѣ сборника отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ, 1884 г.

ницѣ 95-ой. Но г. Ягичъ не называетъ Успенскаго сборника прямо кіевскимъ: онъ въ немъ видитъ черты малорусскія и называетъ его „южнорусскимъ", что можетъ означать и кіевскій, и галицкій, и волынскій. Это одно. Во-вторыхъ, въ чемъ видитъ г. Ягичъ южнорусскую черту Успенскаго сборника? Въ окончаніи хоуть имперфекта [1]). Будь эта черта даже дѣйствительно южнорусской, то и въ такомъ случаѣ нельзя опредѣлить, переписчикъ ли внесъ ее отъ себя, или же она была заимствована изъ кіевскаго оригинала. Но вѣдь она встрѣчается и въ памятникахъ новгородскихъ. Г. Соболевскій началъ свою статью (направленную противъ г. Ягича) заявленіемъ, что «окончаніе хоуть не относится къ числу характерныхъ особенностей южнорусскихъ говоровъ [2]). Но черезъ нѣсколько страницъ онъ «вмѣстѣ съ Ягичемъ» называетъ Успенскій сборникъ кіевскимъ памятникомъ.

Отъ себя г. Соболевскій указываетъ въ Успенскомъ сборникѣ „спеціально кіевскую особенность: вставочное **о** въ золодѣй". Правда, въ Изборникѣ Святослава 1073 года попадается **о** въ золоба,—возможно, что и Несторъ такъ писалъ; но вѣдь ясно, что будь это „вставочное" **о** въ самомъ дѣлѣ *исключительною* особенностью кіевскою, присутствіе ея въ Успенскомъ Сборникѣ, въ этой *копіи*, все таки нисколько не говоритъ въ пользу кіевскаго происхожденія кописта. Однако г. Соболевскій ошибается, называя „вставочное" **о** въ золодѣй *спеціально* кіевскою чертою: оно встрѣчается въ разнообразныхъ русскихъ памятникахъ,—напримѣръ въ новгородскихъ Пандектахъ Антіоха XI вѣка: съ золобоѭ 288, зольѭ [3]), въ новгородскомъ Евангеліи XIV в. золыи [4]), въ Часословѣ XIV в. („галицко-волынскомъ" по Соболевскому) бе золобы [5]); у Іоанна Дамаскина по переводу Іоанна Экзарха: золяще *κακίζοντες* [6]).

---

[1]) По крайней мѣрѣ другихъ резоновъ онъ не приводитъ.

[2]) Ж. М. Н. Просв. 1885, февр., ст. 349.

[3]) См. Словарь Срезневскаго 995 и Миклошича 233.

[4]) Купріяновъ: Обозрѣніе пергаменныхъ рукописей новгородской Софійской библіотеки, № XXI. СПБ. 1857 (или въ извѣстіяхъ VI, 278).

[5]) „Очерки" Соболевскаго, 46.

[6]) Словарь Востокова 142 а.—Кромѣ того см. данныя въ Словарѣ Срезневскаго, стр. 1003.—Повидимому, сюда относится и современное малорусское слово: „золокъ" (Желех. 312), означающее самый больной пунктъ раны, опухоли и т. п.

Итакъ, Успенскимъ Сборникомъ XII—XIII вѣка если и можно пользоваться для изученія кіевскаго говора, то только для говора временъ Нестора (до 1091-го года), да и то съ величайшей осторожностью; а предполагать, чтобы переписчикъ XII—XIII в. былъ кіевлянинъ, нѣтъ никакихъ основаній.

Самъ г. Соболевскій, съ теченіемъ времени, все больше и больше умѣрялъ свое сужденіе насчетъ Успенскаго Сборника: въ 1885-мъ году онъ его считалъ „вполнѣ достовѣрнымъ источникомъ“, въ 1888-мъ году—„едва ли не кіевскимъ“, а въ 1891-мъ году—ужъ просто русскимъ, безъ болѣе подробнаго опредѣленія.

А. Крымскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Просимъ читателей исправить въ нашей статьѣ слѣдующія опечатки и пропуски.

Въ іюньской книгѣ «Кіевской Старины»:

Стр. 349, примѣч. 4-е. Добавить: Очень интересныя свѣдѣнія о томъ, до какой степени (непредубѣжденные) великоруссы считаютъ рѣчь малоруссовъ за чужую см. въ „Этнографич. Обозрѣніи“, кн. XXXI, стр. 124.

Стр. 353, примѣчаніе къ 1-ой строкѣ: Мы, конечно, исключаемъ населеніе южной окраины современной Кіевской губерніи (окраины, не входившей въ область стараго Кіевскаго княжества), исключаемъ и населеніе Слободской Украины, и Кубанщины, и Новороссіи, и Сибири. Тамъ малоруссы, дѣйствительно, пришельцы.

Стр. 355. Добавить къ примѣчанію 1-му: Въ послѣдніе три года г. Соболевскій значительно умѣрилъ свое мнѣніе и склонился къ мысли, что въ старомъ Кіевѣ было нарѣчіе сѣверно-малорусское. См. объ этомъ четвертую главу нашей работы.

Стр. 359. Добавить къ примѣчанію 1-му: Такъ и г. Шахматовъ употребляетъ одновременно выраженія: „малорусскій языкъ“ и „малорусское нарѣчіе“,—смотря по тому, какой терминъ болѣе подходитъ къ общему ходу рѣчи.

Стр. 360, строка 18-я. Пропущена ссылка: Изслѣдованія въ области русской фонетики“, стр. 120.

Стр. 363, строка 4-я снизу. Вм. „слова“ чит. „сло́ва“, съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ.

Въ сентябрьской книгѣ:

Напечатано:	Должно быть:
Стр. 236, примѣч. 1-ое: отъ „Путило" или	подобно „Путило" отъ
„ „ 2-ое	Поставить вопросит. знакъ.
„ 237, строка 22: выходитъ	выходитъ
„ 238, примѣч. 3: А. Соловьевъ	А Соловьевъ (безъ точки послѣ А)
„ 241, строка 7: Мьстишенскій	Мьстишинскій
„ 242, примѣч. 13, стр 6. соварищѣ	товарищѣ
„ „ „ 2 снизу сильські	сільскі
„ 246, въ строкѣ 11 пропущено имя: Стецько.	
„ 248, стр. 19, 20, 23: Мостиша, Ратоша	Мьстиша, Ратьша.
„ 249, въ выноскѣ 2 строка: словамъ	словарю
„ 251, строка 21: кекотъ	кокотъ
„ „ 5 снизу: кривногій	кривоногій
„ въ примѣч. 1 мъ: Десятинѣ	Делятинѣ
„ 252, стр. 13: великорусское	общерусское
„ примѣч. 1-е: заря	зоря
„ 253, строка 12: qarrula	garrula
„ 254, стр. 8 должна читаться такъ:	понимать ли ихъ какъ уменьшительныя, или какъ прозвища.
„ 254, стр. 10: скучаѣ	случаѣ
„ 256, къ строкѣ 10 й прибавить: См. форму „бабуся" еще въ разсказѣ П. Засодимскаго изъ жизни сѣвера (Задушевные разсказы, т. II, стр. 4. СПБ. 1881).	
„ 256, стр. 11: твердое	тверское
„ строка послѣдняя: милушка	милуська
„ 257, къ строкѣ 18. П. Н. Милюковъ говоритъ: „У насъ—русскихъ вопросъ о происхожденіи славянъ до сихъ поръ продолжаетъ иногда ставиться не только даже такъ, какъ можно было его ставить во времена Пикте и Будиловича; нѣтъ, мы иногда возвращаемся къ временамъ Забѣлина и Иловайскаго и даже, наконецъ, ко временамъ Надеждина". Этнограф. Обозрѣніе, книга XXXVII, стр. 141.	
„ 258, въ примѣч. 2-мъ: Otdřlch	Oldřich
„ тамъ-же: veleslwny	veleslawny
„ 259. въ примѣч. 1 добавить: г. Гинкенъ считаетъ „Борисъ" уменьшительнымъ отъ Боримиръ или Болеславъ и принимаетъ *съ* за особый суффиксъ. См. его статью въ Живой Старинѣ 1893 г., вып. IV, стр. 445: „Древнерусскія двуосновныя личныя имена и ихъ уменьшительныя".	
„ 260, прим. 3-е: Вав. Миллеръ	Всев. Миллеръ
„ 261, стр. 2-ая: кырта	кырпа
„ „ „ дубаса	дубаса и дубоса
„ 262, строка 6-ая: вѣрна	несомнѣнна
„ „ „ Пропущена выноска: Роль *Галичины* въ заселеніи Слободской Украины недостаточно выяснена.	
„ „ стр. 2-я снизу: гуцулами	гупалами
„ 1-я стр. примѣч.: производныхъ	сродныхъ и производныхъ.

Стр. 263, послѣдняя строка: Послѣ слова „на Кіевщину" нужно добавить: съ ея особымъ географическимъ и топографическимъ положеніемъ, съ ея особымъ архаическимъ нарѣчіемъ.

Стр. 263, строка 21-ая. Пропущена выноска: Конечно, можно допустить, что современное толкованіе прозвища „буцъ" есть позднѣйшее осмысленіе. Очень правдоподобное объясненіе первоначальнаго смысла слова „буцъ" можно извлечь изъ довольно старой книги (Варш. 1853) Руликовскаго: Opis powiatu Wasylkowskiego. Въ настоящее время жители Васильковскаго уѣзда говорятъ такою рѣчью, которая въ извѣстной степени можетъ считаться однообразною, но во времена Руликовскаго только сѣверная лѣсистая, предросская часть уѣзда была населена коренными малоруссами, а южная часть, степная, заросская, получившая много новаго населенія въ новое время, заселена была при Руликовскомъ людьми, собравшимися изъ разныхъ мѣстъ, въ томъ числѣ въ большомъ количествѣ изъ Бѣлоруссіи (Литвы). По словамъ Руликовскаго, жители сѣверной, исконно-малорусской части уѣзда, относились къ пришлымъ южнымъ поселенцамъ съ насмѣшкою и издѣвались надъ ихъ рѣчью, „z przekąsem nazywając ich b u c a m i i hesztakami, bo ci za każdym wyrazem mają we zwyczaju powtarzać wyraz „heta" na sposób poleski" (str. 148—151). Судя по данному указанію, „буцъ" должно происходить отъ бѣлорусскаго „буцымъ", вмѣсто чего исконный васильковецъ говорилъ „наче", „неначе", „немовъ", „нибы" и т. п. Но и въ Подоліи слово „буцимъ" очень распространено и могло бы послужить поводомъ къ тому, чтобы подолянинъ получилъ прозвище „буцъ". Если точность сообщеній г. Руликовскаго подтвердится, то вышеприведенное объясненіе слова „буцъ" окажется наиболѣе правдоподобнымъ. А произвести „буцъ" изъ „бойко"—вещь прямо немыслимая.

Стр 265, строка 7-ая. Вм. „сосѣдніе" надо читать „сосѣднія".

„ПОПОКЪ".

*(Продолженіе *).*

XXIII.

Въ воскресенье съ утра пришла Полька. Поздоровавшись и узнавъ, что Машка еще у обѣдни, она сообщила Хведьку, что Машку сватають на ихъ кутокъ Бемовки „на Удильщыну", что ту семью она знаетъ—люди они хозяиновитые, своими волами пашуть, имѣютъ „витрякъ, а хлопцивъ тилько два", одинъ женихъ, а другой еще подростокъ, что старуха нарочно пристала къ ней, идучи съ базару и „дуже, дуже вговорюе", и какъ только „подадуть слово", то „воны заразъ зашлють людей", такъ чтобы послѣ „Здвыженя", або не далій якъ заразъ нисля Покровы, и весилля".

Съ этого у нихъ перешла рѣчь на то, что „дивка ще не зовсимъ справна", что „въ неи ни подушокъ, якъ слидъ, ни скрыни, ни кожуха нема", а потому слѣдуетъ потолковаться о томъ, что и какъ. При этомъ высказывалось, что покупку кожуха можно бы отложить и до Казанской, а ужъ подушки и все такое слѣдуетъ „прыдбать" а „на втрату" можно будетъ взять, что прійдется, со сватовъ. Съ своей стороны Полька совѣтовала не отказываться отъ хорошей партіи, а отдавать „дивку, колы люде трапляются", но во всякомъ случаѣ сейчасъ же, сегодня, нужно бы сообщить объ этомъ и „титци Горпыни", потому что у нихъ только и роду, такъ какъ „дядыну",

---

*) См. Кіев. Ст. 1898 г. № 12.

вдову ихъ родного дядька, и считать нечего: она всегда, сколько ее помнять, была для нихъ „чужа-чуженыця".

Хведько облокотившись локтемъ на столъ и подперши ладонью щеку, молча слушалъ эту „раду-пораду" сестры и только кивками головы и короткими „гмъ, гмъ" выражалъ свое согласіе съ ея мнѣніемъ.

Порѣшили, что сейчасъ послѣ обѣда онъ пойдетъ на деревню къ теткѣ Горпынѣ, а Полька съ Машкой отправятся къ Сугыбѣ и, „якъ що таке", то и въ волость къ начальству править долгъ.

Такъ и сдѣлали; но только сестры зашли еще за совѣтомъ къ Сохвѣ, которая дала имъ настоящія инструкціи, какъ и что говорить съ „начальныкамы".

Не доходя до саги, Хведько встрѣтилъ Мелашку, идущую „къ своимъ" на Красноселовку, и, постоявъ съ нею, условился, что будетъ ожидать ее на возвратномъ пути къ лугу въ концѣ Бемовскихъ огородовъ. По улицѣ вышелъ онъ на щляхъ и пошелъ стороной дороги, пролегающей здѣсь по сыпучему песку. Шелъ онъ, обдумывая положеніе своихъ семейныхъ дѣлъ, необходимость „справлять" Машку; припомнилось ему наставленіе Шляхового, его совѣты, думалъ онъ про то, какъ сестрамъ удастся „справыты гроши у Сугыбы"...

— А ось и винъ самъ!—вдругъ раздался за нимъ знакомый голосъ.

Хведько и не послышалъ, какъ по мягкой песчаной дорогѣ его нагнала запряженная парою лошадей телѣга, въ которой сидѣли Шляховой, Йосыпъ и еще какой-то человѣкъ.

Остановились и въ короткихъ словахъ разспросились. Хведько сказалъ, что идетъ по дѣлу къ теткѣ; онъ не захотѣлъ разсказывать по какому дѣлу: не хотѣлъ мѣшать семейныя дѣла съ дѣлами, связывавшими его съ этими людьми, а они сказали, что ѣдутъ „тутъ недалеко".

— Гляды жъ не забудь, що я казавъ—окрикнулъ на прощанье Шляховой, и они укатили; но видно было, какъ остановились около бакшевнаго надъ дорогой куреня, гдѣ стали вы-

бирать арбузы. Потому то они не предложили ему подъѣхать съ ними. Хведько понялъ, что они не желали быть замѣченными въ знакомствѣ съ нимъ, и поэтому прошелъ мимо бакчи, не останавливаясь. Уже на деревнѣ они еще разъ обогнали его, но не затронули ни словомъ, ни взглядомъ.

На деревнѣ по случаю праздничнаго дня много было людей на улицѣ: сидѣли подъ дворами „мужыкы" и „жинкы", играли дѣти, кружокъ дивчатъ букетомъ пестрѣлъ около одного изъ стоящихъ внѣ ряда хатъ амбара, около „витряка" въ группѣ парубковъ слышна была гармоника... Хведько нарочно пошелъ не около хатъ, а прямо шляхомъ и затѣмъ уже сразу повернулъ къ хатѣ титкы Горпыны.

Она сидѣла съ „жинкамы" у недалекихъ сосѣдей, узнала его, и какъ только увидала около своихъ воротъ, пошла домой. Хата была заперта, и Хведько ожидалъ тетку на крыльцѣ, куда спасся отъ взъѣвшейся на него собаченки... Титка Горпына отогнала собаку и, поздоровавшись, открыла прикутанныя оконницы и затѣмъ отперла хату.

— Орышка десь зъ дивчатамы, а старый ще й не прыходывъ зъ росправы, а я пишла посыдить зъ жинкамы—объясняла она вводя гостя. Сидай отъ тутъ на лавци! Якъ тамъ Господь васъ мылуе?—

Хведько разсказалъ теткѣ о томъ, что къ Машкѣ „люде трапляются", и о всѣхъ изъ сего истекающихъ хлопотахъ, что вотъ дивчата пошли „гроши правыть" и что только теперь вотъ онъ вспомнилъ спросить тетку, „якъ воны, ти гроши, оддани Сугыби, чы у срокъ, чы якъ"...

Титка Горпына сидѣла на лавкѣ рядомъ съ гостемъ, слушала его внимательно и, подперши щеку рукою, въ свою очередь поддерживаемою другою, покачивалась всею верхнею половиною туловища, какъ бы выражая этимъ пониманіе всей важности с бщаемаго и трудности разрѣшенія возникшихъ вопросовъ.

— Була! пры мени й отдани!.—заговорила она, когда послѣдними словами закончилась рѣчь Хведька.—Була тамъ и

у росправи... Ты жъ саме тоди... гм... гмъ... страждавъ.—Колы чую я про покійного Андрія, царство й его души, вашого батька, отъ такъ и такъ, кажуть бы то померъ, нехай йому земля перомъ; пійду, думаю, такъ у недилю провидаю дивчатъ. Прыйшла до ныхъ, ажъ ихъ саме у росправу поклыкалы: пысьмо, кажуть, прыйшло—а воно бачъ, чутка и ранійше була, ще якъ ото Олександровци верталысь знызу... Отожъ якъ прыбигъ за нымы десятській—я й зъохмалась и соби пійты послухаты, якъ пысьмо чытатымуть... Прыйшла, ажъ воно не пысьмо, а такъ одъ начальства шось прыпысано. Вычыталы якусь то бумагу, що отъ такый то Самченкивъ Андрій, хрестьянынъ, нещасною смертью по случаю померъ и що отъ грошей скилькы восталося й одежа де яка. Та тамъ такы у росправи и тебе згадувалы, не знаю тамъ скилькы у подушне повернулы, а ти оддалы у ростъ, покы ты вызволышся. Я сама була пры тому, якъ и бомагу вычытувалы, якъ и гроши оддани тому рудому Сугыби.

Поразговорились они о предстоящемъ сватаньи и пришли къ тому, что „людей цуратыся не слидъ“, что пока есть возможность, нужно дѣвку отдать по пословицѣ: сына жены, колы здумаешъ, а дивку оддавай, колы беруть. Разумѣется, похлопотать прійдется, какъ нибудь „покрыты недостаткы“, на расходы нужно со свата взять денегъ. Скрыню прійдется, если не въ городѣ на Головосика, такъ ужъ непремѣнно въ Андреевкѣ „на Здвыження“ купить.. Опроче, якъ Господь дасть. Имъ пытать ни зъ кого: воны сами бачуть, кого беруть... Сыроту—ни батька, ни матери... Лишь бы вотъ Сугыба хоть часть денегъ отдалъ..

Такъ они протолковали, пока вернулся и дядько Иванъ, мужъ титкы Горпыны, немного выпившій и голодный. Еле поздоровавшись съ Хведькомъ, онъ попросилъ чего нибудь поѣсть. Титка Горпына собрала пообѣдать и приглашала Хведька поѣсть вмѣсто полудника, но послѣдній отказался.

Утоливъ немного голодъ, дядько Иванъ разговорился и разсказалъ, что при немъ изъ росправы послали за Сугыбою по просьбѣ Польки и Машки, и что начальныкы уговаривали его

отдать „безъ звяги“, но что онъ упирался и все толковалъ, что еще будетъ судиться и требовать за украденную у него лошадь съ Хведька.

Послѣдній, молча потупившись, слушалъ этотъ разсказъ дядька Ивана и не могъ ничего придумать, какъ поступить въ данномъ случаѣ, а при упоминаніи о судбищѣ, готовъ былъ и совсѣмъ отказаться отъ денегъ, лишь бы не судиться, такъ какъ онъ и самъ сознавалъ себя участникомъ похищенія лошади у Сугыбы.

Такъ и не порѣшили самой главной сути дѣла, финансовой его стороны. Только титка Горпына пообѣщала прійти къ нимъ къ тому времени, когда будетъ заповѣдана присылка сватовъ, а во всякомъ случаѣ побывать въ Андреевкѣ въ первое свободное время.

XXIV.

Не дождалась Полька Хведька, проблаженствовавшаго до вечера на лугу съ Мелашкою, которой онъ дождался, припрятавшись за копной сѣна. Уже сгущались короткіе лѣтніе сумерки, когда онъ появился у воротъ своего двора, гдѣ на крыльцѣ засталъ сидящихъ и разговаривающихъ Машку и Сохву. Ему сейчасъ же передали про неудачу полученія денегъ съ Сугыбы, про извѣстную ему угрозу еще съ него по суду требовать стоимость украденной лошади и, наконецъ, что старшина велѣлъ имъ „якъ небудь, коли буде вольготнійше“, надойти въ какую нибудь изъ субботъ, чтобы ихъ „судъ розсудывъ“. Все сводилось на безконечную волокиту и почти окончательно убѣждало въ невозможности „выправыть гроши“. Въ концѣ разсказа Машка сказала, что пысарчукъ, Кучерчынъ Ванюшка, посовѣтовалъ имъ поговорить съ писаремъ у него на дому, и что это можетъ имъ пособить.

Хведько все время сидѣлъ опустивши голову, морщилъ лобъ и сдвигалъ брови, какъ бы придумывая способъ выйти изъ

затруднительнаго положенія, и злобою проникался къ этому „рудому Сугыбѣ и вообще ко всѣмъ начальныкамъ", подъ какимъ понятіемъ у него обобщались всѣ мѣстныя власти.

Замолчала Машка. Всѣ трое они молчали, не находя словъ, ничего не придумавъ, какъ пособить горю.

— Ну, зажурывся-задумався! — сказала Сохва, вставая съ лавки и тронувъ Хведька за плечи. Буде! Усе Господь управыть. А теперъ спочывайте! Завтра вранци за цицы—домолотымо до снидання въ мене, тай визьмемся за ваше.—На добраничъ!—и пошла со двора.

Долго не спалось въ эту ночь Хведьку: все онъ раздумывалъ, какъ раздобыться деньгами для выдачи замужъ сестры, а также, чтобы сколько нибудь имѣть ихъ по наставленію Шляхового. Обзаведеніе собственною лошадью опять казалось ему возможнымъ при помощи этого его ментора, но въ то же время онъ хорошо понималъ, что и на „справу" сестры деньги необходимы. Но гдѣ ихъ взять, добыть—онъ не могъ придумать. На писаря, къ которому совѣтовали пойти поговорить, онъ мало надѣялся, признавая Сугыбу отчасти вправѣ не отдавать денегъ, а удерживать ихъ въ возмѣщеніе похищенной у него при его, Хведька, участіи лошади. Но съ другой стороны онъ соображалъ, что еслибы Сугыба своевременно отдалъ ему деньги, то ему бы не пришлось вѣдаться съ Йосыпомъ, выстрадать отъ побоевъ—и опять всплывало въ немъ чувство озлобленія ко всѣмъ этимъ людямъ, прямо повиннымъ во всѣхъ постигшихъ его бѣдахъ и неудачахъ.. Такъ перебирая въ мысляхъ всѣ эти обстоятельства, онъ ворочался съ боку на бокъ, то укрывался черкескою, чувствуя холодъ августовской ночи, то разметывался, согрѣваемый внутреннимъ жаромъ, послѣдствіемъ возбужденія. Пропѣли ужъ пѣтухи, гуси гдѣ-то на рѣкѣ прокричали, и тогда только усталая мысль его натолкнулась на всю обаятельность его послѣдней подъ стогомъ на лугу встрѣчи съ Мелашкой, и онъ заснулъ, успокоенный сладостнымъ воспоминаніемъ.

Обмолотили и провѣяли коноплі Сохвы, дня за два управились и со своими $5^1/_2$ копнами жита. Оставалось только три дня

до ярмарки въ городѣ, до „Ивана постного—Головосѣка“ (29 августа). Подъ лопотъ цѣповъ при молотьбѣ, Хведько не переставалъ думать о предстоящей ярмаркѣ и о томъ, какъ и гдѣ добыть денегъ, чтобы съ ними обзавестись хоть какою нибудь шкапыною. Опять у него явились мечты о своемъ хозяйствѣ, о возможности заработковъ на приближающейся возкѣ свеклы на сахарный заводъ... При этомъ ему пришлось подумывать и о предстоящемъ, съ выходомъ замужъ Машки, одиночествѣ. Но это преткновеніе къ осуществленію своего мечтанія онъ сейчасъ же отгонялъ отъ себя. Вмѣстѣ съ тѣмъ его тревожила мысль о встрѣчѣ на ярмаркѣ съ Шляховымъ, исполненіе обѣщанія принести съ собою припрятанный халатъ, опасеніе опять участвовать въ какой нибудь воровской исторіи. Намолотившись до устали, онъ долго не могъ заснуть, перебирая въ мысляхъ всѣ эти соображенія, и никакъ не находилъ выхода изо всей этой запутанности своихъ дѣлъ.

Сохва, незнакомая со всѣмъ этимъ, задумчивость Хведька относила къ его заботѣ добыть денегъ, потребныхъ для снаряженія Машки, и отъ времени до времени успокаивала его своимъ обычнымъ:

— Не журысь, парень! Усе Богъ управыть!

Въ четвергъ они заработались до поздней ночи: пока убрали перевѣянное зерно, полову, сложили въ небольшой ометъ, поогребли и оправили солому,—совсѣмъ повечерѣло. Машка пошла еще раньше на огородъ къ сосѣдямъ варить „кулишъ“ на ужинъ, а Хведько и Сохва, усталые, молча сидѣли подъ ометомъ, каждый изъ нихъ какъ бы раздумывая что-то особое, но на самомъ дѣлѣ мысли ихъ были объ одномъ и томъ же: придумывали средство добыть денегъ.

А мени оце завтра на-вичъ мабуть треба рушаты у городъ—первый отозвался Хведько.

— Чого такъ заздалегидь? А-же ярмарокъ ажъ у недилю—що ты тамъ робытымешъ?

— Та все маракую, чы не розжывуся якою шкапыною хоть поганенькою... Усе бъ такы де що заробыть можна.

— А чымъ же ты іи, тую шкапыну годуватымешъ?—Вопросъ этотъ не приходилъ въ голову Хведьку, и онъ задумался.

— Ще то покы до зимы сякъ такъ перебьешся... а зимою?—разсуждала Сохва.—Хиба отъ що! добавила она... Ото въ мене есть кипъ зо дви ячменю; перемолотымо—солома буде, а тамъ наймешся барду возыть на обору... Якъ небудь розгорюемося.—Та тилькы, де грошей взяты? И опять сидѣли молча, передумывая высказанное.

— Ну, а якъ до пысаря пійти попрохать? Що винъ скаже?

— А що винъ скаже?.. Тежъ, що и казавъ: усе держатыме його руку... сказалъ, подумавъ Хведько.

— Та вже якъ тамъ не держатыме, а пійты треба; почуешъ, що скаже. А може!

— Шо жъ, колы треба, такъ и пійду.

— Ты отъ що: якъ пійдешъ до нього, то посулысь йому даты якого рубля, якъ що допоможе гроши справыть. Такъ такы й скажы: я вамъ дамъ рублевку, колы гроши справыте.

— Шо жъ, колы такъ, то и такъ—хиба мени жалко буде оддаты йому рубъ; абы тилькы справывъ.

— Такъ такы завтра вранци и сходы; гляды, може й выправышъ свое.

XXV.

Ходилъ Хведько и къ писарю на домъ, просилъ его пособить „справыть гроши“, но посулить ему что либо не съумѣлъ, а писарь хотя и понялъ смыслъ этого визита, но отдѣлался общими фразами:

— Что-жъ! Надойди въ субботу—пошлемъ за нимъ, что онъ скажетъ.—И отпустилъ его.

Пришлось идти въ городъ съ полутора рублями въ карманѣ и съ подкинутымъ халатомъ, завязаннымъ въ мѣшокъ. На вопросъ Сохвы, что это у него въ мѣшку, Хведько только буркнулъ что-то.

Когда онъ выбрался за Бемовку на шляхъ, то увидалъ, что много народу идетъ на ярмарку. Ѣхали Шереметьевцы „зъ чобитьмы“ и зъ ременемъ; Залыманци съ колесами, съ возами и съ тарантасиками; москали луковники „зъ цыбулею“; гнали кой какую скотину, а гдѣ и небольшія шаечки овецъ; шли и ѣхали по шляху и по узбочинамъ его...

Отъ моста Хведька взялъ подвезть обратный ямщикъ, такъ что онъ и этотъ второй разъ не пѣшкомъ вошелъ, а въѣхалъ въ городъ. Ямщикъ спалъ, свернувшись клубкомъ въ тарантасѣ, лошади шли шагомъ по зыбучему подъ городомъ песку.

Задумался опять Хведько: что дѣлать, гдѣ ему найти здѣсь въ городѣ, да еще ночью, Шляхового, куда ему дѣваться съ этимъ халатомъ?.. Какъ бы еще не влопаться съ нимъ! Дремота одолѣвала его, и онъ забылся, опершись на грядушку тарантаса, подъ слабое перерывчатое тиньканье колокольчиковъ и погромковъ. Сквозь облако пыли онъ было завидѣлъ городъ, кой гдѣ блеснувшіе огоньки, и наконецъ совсѣмъ забылся.

Тройка сама собой привернула къ первому кабачку на слободкѣ и по привычкѣ стала. Ямщикъ и его пассажиръ Хведько сразу проснулись.

— А! потянулся ямщикъ и спросилъ:

— Развѣ купишъ?

— Такъ що жъ... и куплю,—и оба они слѣзли и пошли въ кабачекъ, уже освѣщенный и полный людьми и гуломъ.

Протолпившись къ стойкѣ, Хведько купилъ себѣ и ямщику водки и уже хотѣлъ выходить—ожидалъ только, пока ямщикъ закуритъ сдѣланную „цыгарку“,—какъ къ нему подошелъ какой то человѣкъ на деревяшкѣ—„мылыци“ и шепотомъ сказалъ знакомую фразу „Шамро—мамро“.

Хведько насторожился и, не зная что отвѣчать, смотрѣлъ на подошедшаго.

— Шамро—мамро!—повторилъ тотъ, смотря уже прямо въ глаза ему.

— А що тоби треба? спросилъ Хведько.

— Иды за мною—сказалъ незнакомецъ и застучалъ „мылыцею“ по направленію къ дверямъ.

Они вышли вмѣстѣ и стали около тарантаса.

— Я тебе вгадавъ зразу—сказалъ незнакомецъ. Одежына тутъ? Прынисъ?

Хведько смотрѣлъ съ недоумѣніемъ и ничего не отвѣчалъ.

— Что жъ? Тутъ останешся?—спросилъ его вышедшій изъ кабака и подошедшій къ тройкѣ ямщикъ.

— Забирай свой мѣшокъ; я поѣду—добавилъ онъ.

Хведько снялъ съ тарантаса мѣшокъ и вскинулъ на плечо. Когда ямщикъ поѣхалъ, не оставлявшій его незнакомецъ опять спросилъ.

— Тутъ въ мѣшкѣ?—

— Тутъ.

— Ну такъ ходимъ же! трохы не проворонывъ було тебе... Ходимъ!

Недоумѣвая, что и какъ, пошелъ Хведько за бойко „шкутыльгающимъ“ на деревяшкѣ незнакомцемъ.

Они вышли изъ улицы на выгонъ и пошли вдоль ряда хатъ, обращенныхъ лицомъ въ поле. Рядъ этотъ почти упирался въ шеляговую заросль, насаженную горожанами для укрѣпленія сыпучихъ песковъ. Въ концѣ ряда хатъ, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ заросли, они вошли во дворъ, откинувъ плетневыя ворота.

— Сядь же оттутъ на „прызьби“, а це давай я прыховаю—сказалъ незнакомецъ и, взявъ отъ Хведька мѣшокъ съ халатомъ, пошелъ въ конецъ двора, гдѣ скоро послышался трескъ плетня, какъ бы кто черезъ него лѣзъ. Было уже темно, и нельзя было видѣть, что тамъ дѣлалось; въ хатѣ не свѣтилось, но слышался плачъ ребенка и убаюкиванье его.

Незнакомецъ очень скоро вернулся и повелъ Хведька въ сѣни, отворенныя по его требованію, и оттуда въ избу, гдѣ хозяйка зажгла сальную свѣчку, вставленную въ какой то глиняный, донельзя затекшій саломъ, подсвѣчникъ.

— Проходь отъ—сюды и сидай! сказалъ хозяинъ хаты, пока хозяйка усиленнымъ колыханьемъ люльки усыпляла попискивающаго ребенка.

— Ну, теперъ роздывляйся.—Вгадаешъ?

— Ни,—не вгадаю отвѣтилъ Хведько, рѣшительно не могшій припомнить, гдѣ и когда онъ видѣлъ этого человѣка.

— Ну, такъ и не треба. А я тебе добре та гараздъ запрымитывъ и у васъ, въ Андріевци на пидторжи, и на шляху побиля Бемовкы... Шо-жъ—повечеряты буде що?—обратился онъ къ женѣ.

— А ты прыдбавъ?—въ свою очередь сердито огрызнулась та, не переставая убаюкивать ребенка... Онде хлиба шматокъ йижте.

Хведько разсмотрѣлъ хозяйку. Это была высокая женщина, не смотря на худобу и неряшливость неоправленнаго костюма, все-таки выдающаяся красотою лица. На ней была какая-то затасканная юбка, грязная рубаха и на головѣ кой-какъ обмотанный платочекъ, изъ-подъ котораго выбивались густые черные волосы. Черные, какъ у цыганки, глаза злобно смотрѣли изъ-подъ сдвинутыхъ, рѣзко очерченныхъ, такихъ же, какъ и волосы, черныхъ бровей.

Въ хатѣ было грязно и убого. Изъ-за висѣвшей на вбитомъ въ сволокъ гвоздѣ люльки виднѣлась куча какой-то одежи, очевидно замѣнявшей постель на помостѣ, двѣ темныя иконки пристроены были безъ всякихъ украшеній въ переднемъ углу; не видно было ни скрыни, ни даже другой лавки „ослона". На кое-какъ сколоченномъ столѣ лежалъ скомканный, грязны „настильныкъ", прикрывающій собою очевидно небольшую краюху хлѣба, крошки котораго виднѣлись тутъ же. Жужжали проснувшіяся мухи да поскрипывала качаемая люлька.

— Ну, штожъ, братъ мой—подвечеряемо и хлибомъ, якъ що бильше ничого нема. Звыняй на цьому!—сказалъ хозяинъ и, доставъ изъ-подъ настольника хлѣбъ, предложилъ гостю.

— Та въ мене тамъ у мишку есть хлибъ,—сказалъ Хведько.

— Ну хочъ и есть—теперь вже не йти за нымъ. Йижъ осьде цей...

Хведько молча взялъ отрѣзанный хозяиномъ кусокъ хлѣба, но понявъ, что это у него чуть ли не послѣдняя краюха, предупреждая возможность отказа, сказалъ:

— Та мени, прызнаться, и йисты не хочется: зъ дому йдучы попойивъ...

— Ну, якъ знаешъ! Я тежъ не голодный. А то якъ що таке, такъ и спочыть можна, а удосьвита я вже тебе одведу, куды звелено...

— Тутъ, чы може въ синяхъ ляжешъ?—спросилъ Хведька хозяинъ, хорошо понимающій, что въ маленькой избѣ и негдѣ уложить гостя, такъ какъ единственная, на которой они сидѣли, лавка была узка и коротка.

— Та хоть и въ синяхъ або на двори ляжу, мени усе йидно... отвѣтилъ гость.

— Ни, ты якъ шо таке, такъ лягай въ синяхъ, а то, бувае, проспымо, такъ щобъ тебе хто не побачывъ... объяснилъ хозяинъ, и Хведько отправился въ сѣни, гдѣ и улегся на голомъ земляномъ полу.

Провожавшій и свѣтившій ему хозяинъ въ сѣняхъ сказалъ:

— Денысовычъ (Шляховой) усе тоби завтра розскаже, а теперъ спочывай здоровъ; ось возьмы хоть цю одежыну пидъ головы—и подалъ ему какой-то заскорузлый полушубокъ, стянувъ его съ перекладины.

Пока не заснулъ, Хведько слышалъ какія то пререканія между хозяевами. Слышался басовой буркотъ хозяина и недовольный шепотъ хозяйки. Сквозь тонкую дверь можно было ясно дослышать ея укоризны мужу:

— Шо ты соби думаешъ? Шо все не кыдаешся свого—поводышся зъ такымы...

Опять буркотъ—пискъ ребенка, укачиванье и убаюкиванье, и затѣмъ онъ забылся крѣпкимъ сномъ.

XXVI.

Рано прокинулся Хведько, разбуженный стоявшимъ надъ нимъ хозяиномъ хаты.

— Вставай, братко! Пора вже! Выпровожу тебе, покы ще мало хто й бачытыме. Ось нà тоби твій мишокъ. Та иды прямо на конну—аже знаешъ де. Якъ що не знаешъ, то дывысь, куды люде идуть. — Тамъ найдешъ Денысовыча—и я туды прыйду. Другому кому не кажы, що ночувавъ въ мене. Съ этими словами онъ отперъ двери, выглянулъ, нѣтъ-ли кого, и отпустилъ гостя.

Было еще рано, какой-то туманъ стлался надъ городомъ, и не совсѣмъ отчетливо можно было разглядѣть въѣзжающихъ по шляху въ улицу пригородней слободки ярмарчанъ. Хведько пошелъ вдоль хатъ по выѣздной улицѣ и смѣло зашагалъ, опережая тихо ѣхавшія по зыбучему песку подводы. Такъ онъ вошелъ въ улицу города и дошелъ до базарной площади, изъ-за мелкихъ лавокъ которой высился передъ нимъ знакомый ему острогъ. Онъ зналъ, что ярмарка располагалась за острогомъ на пространномъ полуостровѣ, образуемомъ изгибомъ рѣки Осередья. Сейчасъ же за зданіемъ тюрьмы онъ очутился между ярмарочными балаганами и установившимися и устраивающимися возами. Ярмарка только что просыпалась: между возами и балаганами пошевеливались люди, отвязывали и отковывали съ цѣпей отъ возовъ и вели на водопой скотину, лошадей; кто умывался изъ боклага, кто молился, повернувшись на востокъ. Послышался благовѣстъ къ заутрени въ церквахъ; кой гдѣ отдѣльные восклики, мычаніе, ржаніе; сталъ туманъ подъ первыми лучами восходящаго солнца,—смѣнили его облака пыли, закурились печи около ярмарочныхъ кухонь (борщивъ)—блеснули огоньки костриковъ въ цыганскомъ таборѣ... Ярмарка проснулась, росла и разворачивалась...

Изъ тюремнаго окна во время своего заключенія Хведько не разъ созерцалъ эту площадь и потому зналъ, что конная находится въ сторонѣ къ пристаннымъ амбарамъ, „туды геть за крамамы", и потому прошелъ „крамы", дошелъ до амбаровъ и тамъ усѣлся на сваленныхъ деревьяхъ, неподалеку отъ возовъ конскихъ барышниковъ, обставленныхъ привязанными къ рептухамъ лошадьми.

Мало по малу зашевелились на конной. Барышники сводили лошадей къ водопою, поприглаживали и попричесывали гривы, хвосты, почистили, установили такъ, чтобы передъ былъ немного выше, разсортировали коней, поставивъ лучшихъ съ краю для закрасы, отдѣливъ особо злыхъ и кусающихся. Попригнались табунки киргизскихъ саврасовъ, ночевавшихъ гдѣ-то на пастбищѣ; цѣлымъ эскадрономъ тронулись цыгане отъ табора; конная наполнилась всякаго рода лошадьми, начиная отъ рослыхъ битюкскихъ жеребцовъ на цѣпяхъ и кончая мужицкими „шкапынами". Зашагалъ народъ, началась продажа-купля.

Какъ ни всматривался Хведько въ шнырявшую толпу людей, все-таки не могъ найти глазами Шляхового. Наконецъ, онъ рѣшилъ пройти по ряду и попалъ въ самую гущу верховыхъ и пѣшихъ людей—хохловъ, кацаповъ и цыганъ.

Тутъ можно было видѣть всячину:—„Посторонись, посторонись!" кричалъ москаль, еле удерживая подъ устцы оплывшаго жиромъ темносѣраго жеребца; ѣхалъ верхомъ, спустивъ чуть не до земли ноги въ громаднѣйшихъ чоботяхъ, хохолъ въ перекошенномъ на головѣ малахаѣ; еле тащилъ за поводъ стараго мерина какой-то великороссъ въ лаптяхъ; бадёрили худыхъ калѣкъ цыгане, подобравъ поводья, вздернувъ имъ головы и незамѣтно подстебывая кнутомъ; оглядывали привязанныхъ къ возамъ коней, смыкали за хвосты, щупали подъ челюстями, смотрѣли зубы, хлопали руками, божились, ругались...

Чуждый всей этой обстановкѣ, непривыкшій къ лошадямъ, боящійся ихъ, робко шелъ Хведько по этой гущѣ, то

сторонясь отъ наѣзжавшихъ, то оглядываясь, со свернутымъ мѣшкомъ въ рукахъ. Такъ онъ прошелъ по ряду до „трахтыря", помѣщающагося въ большомъ балаганѣ и отмѣченнаго краснымъ флагомъ на высокомъ шестѣ. Его высокая фигура выдавалась въ толпѣ и даже обратила вниманіе тутъ же расположившихся „бублешныць".

— Молодець, молодець! въ мене, въ мене беры, въ мене саме горячи,—затараторили бабы, увидавъ его подвигающагося къ „трахтырю".

— Чорнявый—кучерявый! ось пять на семышныкъ—звала къ себѣ румяная, полная бублешныця. Мъякесеньки... протянула она, чуть не подъ носъ тыкая поджаренный бубликъ.

— Ты не дуже, кума; у нього тутъ жинка на ярмарку— съострила другая, провожая глазами отступающаго Хведька.

— Осьде винъ!—отозвался около него голосъ, и онъ, повернувшись, увидѣлъ Йосыпа.

— А я усю конну пройшовъ—ниде нема. Ну постій же тутъ побиля трахтыря, никуды не ходы, мы тебе тутъ знайдемо. Отъ тутъ ззаду пидъ стинкою и сядь--сыды;—и Йосыпъ куда то исчезъ въ толпѣ.

Долгонько пришлось Хведьку ожидать, глазѣть на ярмарку съ ея сутолокою и гамомъ. Ужъ перезвонили и къ „достойной" въ соборѣ, уже паны показались въ гущѣ мужиковъ на ярмаркѣ, трактиръ уже гудѣлъ говоромъ и восликами посѣтителей, слышными сквозь тонкую шалевочную стѣнку; уже онъ и вставалъ, и опять садился, и доходилъ до угла балагана,—все не видно было Иосыпа, и ѣсть ему уже захотѣлось, когда съ коннаго ряда показался Шляховой, а за нимъ вслѣдъ Йосыпъ, Шкавро и вчерашняя „мылыця". Шли они не вмѣстѣ, а на нѣкоторой дистанціи одинъ за другимъ. Шляховой подошелъ къ Хведьку и послѣ короткаго „здоровъ"! позвалъ его въ трактиръ.

Тамъ уже было такъ людно, что съ трудомъ удалось имъ найти свободный столикъ, который они и заняли вдвоемъ. Остальные усѣлись особо.

— Сидай оттутъ! Та ще бачъ... треба бъ бублыкивъ, або паляныци... сказалъ Шляховой и, вышедши на минуту, вернулся съ „паляныцею“ въ рукахъ.

Къ поданному чаю былъ потребованъ графинчикъ водки, которую Шляховой степенно „вычаступавъ“ себѣ и Хведьку, разломавъ на закуску принесенную мягкую паляныцю, и только уже за чаемъ спросилъ:

— Ну, щожъ, добувъ грошей? Скилькы?

— Ни, не добувъ—отвѣтилъ Хведько.

— Ну! Шо жъ—байдуже! Якось управымося! За халатъ вже далы тилькы пивтора рубля: оце нà—твоя полтына.

— Слухай сюды! продолжалъ онъ.—Ото вдывляйся добре та гараздъ: онъ де пидъ тією стиною трое сыдять—два кацапы и хохолъ; одынъ коцапъ—це той, що бувъ тоди у Стрибуля, а онъ той рябый—Лыповськый Красавыкъ, ажъ зъ Лыповны, а на хохла добре прыдывляйся: його тоби треба знать, бо въ тебе зъ нымъ дило буде—це старшый Кленовый зъ Майдану,— знаешъ, що пидъ лисомъ... А ото бачъ, що пидійшовъ до Шкавра—це здешній городськый—Орелъ. Чого ты насупывся? Ты мене слухай—чоловикомъ будешъ!.. Пый, пый, закусюй... Отъ тутъ походы по ярмарку, та не помижъ киньмы, а такъ-мижъ крамамы, а тамъ, якъ зверне сонце на пивдня, надійды у „борщи“—знаешъ, де воны? Оттутъ заразъ за трахтыремъ. Тамъ пойисы чого, та якъ прыйде туды Гандзя-салдатъ—ото що въ нього ночувавъ, на мылыци, такъ якъ що винъ кывне на тебе, такъ иды за нымъ назырцемъ—куды винъ йтыме и ты за нымъ, а тамъ винъ тоби розскаже якъ и що. А теперъ буде роздобарюваты—онде вже наши пишлы, давай и мы підемъ. Та не робъ, парень! Усе гараздъ буде!

И Шляховой подозвалъ подносчика, расплатившись вышелъ изъ трактира и вмѣшался въ толпу, оставивъ задумавшагося Хведька.

Задуматься было надъ чѣмъ: опять его втягивали въ какія то воровскія дѣла, дѣлали участникомъ этихъ дѣлъ, которыя были ему и не по мысли, и угрожали опять боемъ и тюрьмою.

Но съ другой стороны менторство степеннаго и такъ родственно относившагося къ нему „Денысовыча“ не дозволяло ему рѣшительно отказаться отъ этой компаніи, тѣмъ болѣе, что ему сулилась возможность сдѣлаться „чоловикомъ“ т. е. стать на свои ноги, а онъ ни откуда больше не видѣлъ помощи и сочувствія въ своемъ безвыходномъ положеніи.

— Ну, будь что будетъ! попробую, а тамъ и отстать съумѣю—разсудилъ онъ и порѣшилъ отдаться не имъ установленному ходу дѣлъ.

Потолкавшись по ярмаркѣ и даже прицѣнившись въ ряду деревянныхъ подѣлокъ къ стоимости „скрыни“, каковую нужно будетъ хоть на „Здвыження“ покупать для Машки, Хведько пошелъ къ „борщамъ“, которые тутъ же недалеко отъ трактира были расположены.

„Борщи“—это наскоро изъ глины сбитыя печи, иногда даже съ жестяною трубою, гдѣ варили для ярмарочнаго люду кушанье—большей частью только борщъ и жареное. Тутъ же около печей стояли наскоро сколоченные столы, на которыхъ крошили и рѣзали приготовляемые для варки продукты. Все это стряпается очень опрятно на глазахъ публики и исключаетъ всякую возможность заподозрѣвать недоброкачественность продуктовъ и нечистоплотность, чего нельзя сказать о „трахтирныхъ“ приготовленіяхъ. Обыкновенно въ такомъ предпріятіи участвуютъ чуть не цѣлыя семьи простыхъ селянъ (исключительно хохловъ), которые кочуютъ со всѣми своими незатѣйливыми приспособленіями этой походной кухни все время, начиная съ раннихъ весеннихъ и оканчивая поздними осенними ярмарками, оставляя дома только стариковъ для присмотра за огородами и домашнею птицею. Мужчины устраиваютъ глинобитныя печи, обмазываемыя женщинами; мужчины рѣжутъ и „патраютъ“ тутъ же на ярмаркѣ покупаемыхъ барановъ, рубятъ дрова, носятъ или возятъ воду, нанимаютъ мѣста и въ самый разворотъ ярмарки разсчитываются съ потребителями кушанья, а женщины и подростки дѣти стряпаютъ, перемываютъ посуду, подаютъ гостямъ „страву“, тутъ же на открытомъ воздухѣ или въ палаткахъ

съѣдаемую. Женщины стряпухи по возможности одѣты чисто, и роль подавальщицы исполняютъ большей частью болѣе молодыя и красивыя. Посуда употребляется большею частію деревянная или „полывяни“ мисочки разной величины—(на одного, на двухъ, на трехъ и на четырехъ)—и деревянныя ложки. Вилокъ не полагается, равно какъ и салфетокъ. Заѣзжіе торговцы присылаютъ за пищей свою посуду и даже заказываютъ состряпать что либо особенное. Необходимо при этомъ сказать, что приготовленная такими наторѣлыми стряпухами пища, очень вкусна и дешевизною вполнѣ подходяща къ средствамъ потребителей: за 15 и даже за 10 копѣекъ можно очень сытно пообѣдать борщомъ, или „кваскомъ“—(разсольникомъ)—съ бараниной, и кускомъ жирной баранины съ жаренымъ картофелемъ, но только съ своимъ хлѣбомъ.

XXVII.

Вотъ къ такимъ „борщамъ“ и направился Хведько, сообразивъ, что солнце уже вотъ-вотъ „зверне зъ полудня“.

Присмотрѣвшись и прислушавшись, какъ покупаютъ пищу подходящіе, онъ и себѣ спросилъ борщу и усѣлся обѣдать, добывъ изъ мѣшка уже зачерствѣлую краюху хлѣба.

Вскорѣ около „борщивъ“ появился и солдатъ—Гандзя. Онъ также сталъ торговаться со стряпухами, но когда Хведько приподнялся и помолился, окончивъ свою трапезу, то Гандзя кивнулъ на него и пошелъ въ гущу возовъ.

Хведько слѣдовалъ шагахъ въ десяти за нимъ и, благодаря своему росту, не терялъ его изъ виду все время, пока они прошли ярмарочную площадь и, перешедши валъ старинной крѣпости, вошли въ улицу города.

Такъ они одинъ за другимъ прошли городъ, пригороднюю слободку и вдоль ограды кладбища, дойдя до конца которой, Гандзя усѣлся на пескѣ въ тѣни каменной стѣны и кивкомъ подозвалъ къ себѣ Хведька, очевидно утомленный далекой проходкой на своей „мылыци“.

Сидѣли они на кладбищномъ бугрѣ, подъ которымъ пролегала выѣздная изъ города дорога. По ней шли и ѣхали въ разныхъ направленіяхъ люди безконечною вереницею. Около колодца подъ тесовымъ навѣсомъ толпились люди съ возами; за дорогой и за узкою рѣчкой Самаркой разстилался широкій, со стогами уже убраннаго сѣна, лугъ Осередья, на которомъ кой гдѣ изъ-за очерета блестѣли плеса рѣки. Темной каймой тянулись на той сторонѣ луга подъ горою за-осередскіе сады; прямо на сѣверъ черезъ лугъ линіей шла дамба съ нѣсколькими уцѣлѣвшими столѣтними вербами, а на западъ чернѣлъ луговой лѣсъ, съ одиноко-высящеюся горою Мамайкою, а за лѣсомъ синѣли пестрѣющія мѣловыми обнаженіями по-донскія горы, съ монастыремъ на одной изъ нихъ. Направо лугъ въ далекѣ сливался съ пологою степью.

Гандзя сдѣлалъ „цыгарку", закурилъ и тогда только обратился къ Хведьку.

— Свынолупове знаешъ?—отъ що тамъ Студеный колодець?

— Знаю; та тилькы тамъ не довелось бувать—отвѣчалъ тотъ.

— Дарма! А же розберешъ зъ степу, де вона,—якъ на Андріивку йихать горою.

— Та це то разберу, аже тамъ заразъ за курганамы и наша грань.

— Ну, ну! Тамъ знаешъ у вершыни Свынолупового на степу тернікы?.. Знаешъ?

— Знаю.—

— Ну, такъ и рушай туды до тихъ тернивъ, хоть оце лугомъ, якъ зимнякомъ у городъ йиздять. Якъ перейдешъ мистокъ, що на сарми побиля Аптекыной пасикы, такъ и держысь усе дорожкою у лисъ, такъ и выйдешъ до Студеного кордону.

— Ни, такъ я не втраплю: не доводылося тамъ бувать...

Ну, такъ иды на мосты, а пислля послиднёго мосту звернешъ отъ на ти садкы, бачышъ, де онде тополи стовбасти,— онъ москали лугомъ пойихалы. Бачышъ?—

— Бачу.

— Тамъ саме теперъ на Березкы, Майданъ и Ярошивку йидуть. Такъ ты якъ выйдешъ на гору, такъ хоть спытай, тамъ буде дорога на Андріивку. По ній и йды ажъ до тернивъ, а тамъ и заляжъ. Лежы хоть до свита, ажъ покы тебе хто не гуконе, Мыкытою зватыме. Чуешъ? Розибравъ? Що тоби оддадуть—веды по кряжу по-надъ вершынамы балокъ ажъ до лису. Якъ що буде вже къ свитанню, такъ заведы у лисъ и прыручы Плахоти, а якъ що ще до свита далеко, такъ подасысь ажъ до Стрибуля. Якъ що не вспіешъ за цю .ничъ, такъ на другу; усе жъ такы добувайся зо здобыччю до Стрибуля. Чуешъ!..

— Та чую, та тилькы...

— Ну, тамъ якъ знаешъ—такъ Денысовычъ прыказувавъ.— Оттутъ и спускайся на дорогу и прямо по мостамъ... Иды!.. А я подамся по свойому дилу.—И онъ ловко привсталъ на мылыци и пошелъ обратно въ городъ.

Посидѣлъ еще немного Хведько, подумалъ и сталъ медленно спускаться съ пещанаго кладбищенскаго бугра на дорогу, по которой и потянулся съ ярмарчанами на мосты.

Уже въ вечернихъ сумеркахъ по глухой дорожкѣ дошелъ онъ до терновъ, островками чернѣющихъ по городской степи. Изъ нѣсколькихъ такихъ клумбовъ онъ избралъ ближайшій къ дорогѣ и, обошедши его, расположился со стороны балки.

Тихо въ степи, уже по осеннему опустѣвшей, оставленной лѣтними ея гостями. Далеко виднѣлись огни въ городѣ, да гдѣто, должно быть на Кордонѣ въ Свинолуповой—такъ соображалъ онъ—тявкала собачка. Ночь покрывала степь, ярче и ярче загорались звѣзды въ темномъ небѣ. Утомленный, съ разсвѣта почти на ногахъ, Хведько хотѣлъ спать,—такъ и не обдумывалъ ничего. Умащиваясь на землѣ, онъ вспомнилъ, что у него еще осталась краюха хлѣба, и онъ съ аппетитомъ съѣлъ ее и прилегъ, но побоялся заснуть и потому опять поднялся, вгляды-

вался въ темную мглу степи, прислушивался... Тишина напрягала нервы; жутко становилось. Послышался въ сторонѣ какой-то шорохъ, и вслѣдъ затѣмъ большая сова захлопала крыльями, налетѣвъ на него... Опять все затихло; слышалось собственное дыханіе и удары сердца въ груди. Но вотъ какъ будто что-то глухо ударилось о землю, еще и еще. Хведько припалъ къ землѣ и явственно различилъ топотъ лошадиныхъ ногъ. Топотъ этотъ приближался со стороны города, слышались удары многихъ копытъ по сухой землѣ, какъ будто цѣлый табунъ скакалъ... ближе и ближе, и въ ночной мглѣ замаячила цѣлая группа. Еще немного спустя уже явственно можно было различить силуэты лошадей и высящуюся надъ ними фигуру всадника.

— Это должно быть на пашу кто-то ѣдетъ—соображалъ Хведько и припалъ къ землѣ.

Скакавшій сталъ сдерживать лошадей и, очевидно, пригибался къ головамъ. Въ темнотѣ точно нельзя было сосчитать, но лошадей было не меньше 4—5. Ведшій ихъ что-то сказалъ, какъ будто, задерживая коней и проѣхалъ дальше уже шагомъ, но не успѣлъ онъ скрыться совсѣмъ въ темнотѣ, какъ Хведьку показалось, что онъ свернулъ съ дороги и ѣдетъ къ нему. На самомъ дѣлѣ вскорѣ онъ увидѣлъ, что группа приближается и затѣмъ явственно послышалъ два раза отрывисто повторенное:

— Никита! Никита!..

— Говъ?—Отозвался Хведько и приподнялся съ земли. Лошади было шарахнулись, но были удержаны, и верховой соскочилъ на землю.

— А я было проѣхалъ кусты, окликнулъ—никого не слышно. Ты Никита?

— Я—отвѣтилъ Хведько.

— Мнѣ велѣли съ тобою къ лѣсу ѣхать. Давай трогать! не рано!

— Лошадей оказалось пять, двѣ изъ нихъ были въ хомутахъ. Хведько взгромоздился на указанную москалемъ, взялъ одну за поводья, и они поѣхали, причемъ держались около до-

роги по травѣ, а послѣ прямо по дорогѣ. Проѣхавъ курганы, они стали забирать все лѣвѣе, уже не держась дороги, а только стараясь не сбиться съ кряжа. Доѣхавъ до Лосневской изъ Андреевки дороги, пріостановились, поприслушались, не ѣдетъ-ли кто, и вскачь помчались къ лѣсу, опушкою котораго поѣхали къ куреню Плахоты. Не доѣзжая куреня, остановились. Москаль слѣзъ, поснималъ хомуты и сѣделки, запряталъ все это во рву лѣснаго окопа и остался, приказавъ Хведьку ѣхать уже самому дальше.

— Коли успѣешь сюда свернуться, такъ въ эфтомъ мѣстѣ кашлянешь три раза.

Осторожно пѣшкомъ вывелъ Хведько узбочью Холоднаго яра заморенныхъ скачкою лошадей внизъ подъ гору, но все-таки прямо къ броду побоялся идти, попривязывалъ ихъ къ кустамъ, а самъ пошелъ къ Осередью. Еле вошелъ онъ въ камыши, какъ передъ нимъ поднялась какая-то фигура, въ которой онъ узналъ Йосыпа.

— Що-жъ це? А кони? спросилъ онъ.

— Тутъ—отвѣтилъ шепотомъ Хведько.

— Де?

— Та у яру... Я побоявся весты сюды.

— Ну, дарма! Ходимъ за мною—сказалъ Йосыпъ и тихонько сквозь зубы присвиснулъ. Шагахъ въ десяти послышался такой-же свистъ, и вслѣдъ за тѣмъ они увидѣли человѣка, ведущаго двухъ лошадей. Йосыпъ подсадилъ Хведька на одну изъ нихъ, а самъ сѣлъ на другую и сказалъ остающемуся:—Дожыдай тутъ.—Йосыпъ поѣхалъ изъ камышей и за нимъ Хведько по направленію къ Холодному яру. Одна изъ лошадей намѣревалась заржать, но Йосыпъ нагнулся и щипнулъ ее за ухо.

— Ну, такъ теперъ веды жъ ты оцихъ, оддай русському, а я заберу твоихъ—сказалъ Йосыпъ, когда они доѣхали до привязанныхъ въ яру лошадей. Оце тоби былетъ—десятка, а у понедилокъ выходь на базаръ—Денысовычъ отдасть остальни. Якъ що збудемъ цихъ русському, такъ доизжай зъ нымъ, ажъ

супроты Лыпового, а тамъ підешъ прямо на горны, щобъ небезпреминно хто небудь тебе тамъ бачывъ. Чуешъ!

— Чую—отвѣтилъ Хведько припрятывая деньги и забирая поводъ другой лошади.

По условленному кашлю на дорожку изъ-за лѣснаго окопа появился одинъ изъ участниковъ, надѣлъ на приведенныхъ лошадей хомуты, и вмѣстѣ съ нимъ Хведько доѣхалъ до дорожки, идущей изъ Липоваго на „кутокъ" Андреевки—Фукулевщину. Съ этой полевой дорожки, свернувъ по-надъ кручею, онъ спустился къ горнамъ почти передъ разсвѣтомъ. Одному работнику на Тищенковомъ горну объяснилъ, что припоздалъ изъ города и пошелъ на свѣтъ, чтобы подночевать, и завалился въ солому, гдѣ и проспалъ чуть не до „снидания"—часовъ до 8 утра.

XXVIII.

Разбудили его, сваливая привезенную съ хутора солому. Поблагодаривъ за ночлегъ, Хведько сошелъ на дорогу и направился прямо домой. Непривычный къ верховой ѣздѣ, онъ шелъ какъ разбитый на ноги.

Дома онъ не засталъ сестры—хата Сохвы была тоже заперта. Сосѣдка объяснила ему, что они на огородѣ около рѣчки бѣлье стираютъ. У нихъ тамъ оказалась цѣлая компанія. Стирка шла за однимъ заходомъ у нѣсколькихъ хозяекъ. Разложили костеръ, грѣли на огнѣ воду, накаливали камни для „жлукта" (букъ), въ которомъ золили бѣлье; прозоленное тутъ-же на кладкахъ „прали", немного помыливъ, и выкрутивъ (выжавъ), развѣшивали затѣмъ на кустахъ лозы и вишняка. Тутъ же на огнищѣ варили обѣдать.

— Отъ и гостыньци прынисъ!—весело отозвалась Сохва, первая увидѣвшая Хведька.

— Поярмаркувавъ?—добавила она—Щожъ не хвалышся?

Онъ постоялъ, какой то сконфуженный, и не зналъ что отвѣтить. Сохва почему то сообразила, что онъ „забарывся" возвращеніемъ съ ярмарки, подночовывая на Деревнѣ, у „титкы Горпыны", и подошедши поближе, сказала:

— Оце на ключъ, та прынось сюды зъ хаты хлибъ и ложкы: будемъ тутъ и обидать, бо мы варылы у одному горшку.

Хведько, молча, повиновался приказу, но, когда онъ выбиралъ на „полыци" ложкы, въ хату вошла Сохва, будто бы забывшая приказать принесть какую-то миску, и тутъ безъ свидѣтелей, проницательно смотря на него, спросила:

— Шо жъ ты робывъ у ярмарку?

Хведько сконфузился и не нашелъ что отвѣтить.

— Ну, нехай писля роспытаемося, а теперъ ходимъ; несы ты оцю мыску и ложкы, а я хлибъ прынесу—сказала Сохва.

Только обѣдая въ садку подъ старою яблонею, Хведько вспомнилъ, что сегодня суббота и что писарь приказалъ ему надойти въ волость. Страхъ не хотѣлось идти туда; но дѣлать нечего, и онъ сейчасъ же отправился, порѣшивъ дать писарю рубль изъ имѣющихся у него денегъ.

Въ волости изъ „начальства" были только судьи и писарь, и шло разбирательство о какой то одежѣ и тёлкѣ, неотдаваемыхъ свекромъ овдовѣвшей невѣсткѣ. Свекоръ не отдавалъ одежи умершаго сына на томъ основаніи, что послѣ смерти его осталась дочь, а не сынъ, и что ей не понадобится мужская одежа, а когда выростетъ, тогда видно будетъ, какъ ее „справыть", при чемъ настаивалъ на томъ, что „сынъ бувъ мій и уся худоба моя". Телку же отказывался отдать потому, что хотя она и отъ коровы, пригнанной, какъ приданное, невѣсткою, но пригнана была еще телушкою и только послѣ перезимовки отелилась, слѣдовательно принадлежитъ всей семьѣ. Дѣвочку же (внучку) онъ не отказывается докормить, „до зросту литъ" а послѣ „по спроможности" и замужъ отдать и „справыть". Вдова высказывала свои резоны: во первыхъ, что „яке тамъ вже дытыни буде жытья" въ семьѣ дѣда безъ матери; во вторыхъ, что откуда же можно знать, что „батькови Господь

продовжыть вику до зросту дивчонкы", что «воно вже й теперъ— сказано сырота—у поневирци, и якъ що не дай Богъ свекоръ умреть, тогда и вовсе останется „на поталу", что покойникъ былъ отцомъ дѣвочки, а потому „іи батько, іи й батькова худоба"; что корову продали тогда, когда меньшаго девера женили, и что на ея протесты тогда-же говорили, что выростятъ телку,— она „ничыя буде—твоя", что перваго телка отъ коровы назимкомъ уже продали и деньгами заплатили „подушне"; что она не проситъ всей одежи покойнаго, а только „чоботы", полушубокъ и халатъ. „Може колы хоть прыкрыетця, батька помьяне; наконецъ, что „воно, якъ що, Богъ дасть, на ногы зопретця" само станетъ на себя работать, „справлятыме". Всѣ эти доводы вдова подкрѣпляла плачемъ и своею „збидканою" особою.

— Може вы якъ-небудь сами помырытеся,—вы усе такы не чужи свои—вразумляли ихъ судьи.

— Ты бъ такы хотя чымъ небудь поступывся, Ивановычъ, може й зойдетеся.

Но „Ивановычъ", побитый аргументами невѣстки, а особенно слезами, которымъ онъ не могъ ничего противупоставить подобнаго, только сопился, въ душѣ надѣясь на поддержку одного изъ судей, своего недалекаго сосѣда, котораго онъ „частувавъ и загодывъ".

— Що жъ пан-отци! судить по закону, по Божому: мени ни въ кого бильше прохаты суда, правды—чы тожъ думалось такъ оце звягуваты; та, бачъ, горе мое! Такъ вже Богу Мылосердному зволылося, щобъ мы, сыроты, людей своимъ горемъ турбовалы—клянчила-плакалась вдова.

Сидѣвшій въ концѣ стола волостной писарь не мѣшался въ разбирательство, а только постукивалъ пальцами по раскрытой передъ нимъ книгѣ для записи рѣшенія суда. Въ открытыя двери онъ увидалъ Хведька.

— Ну, такъ рѣшайте дѣло, потолкуйтесь сами промежду собою, а вы выйдите на крыльцо—добавилъ онъ, обращаясь къ Ивановичу и къ чмыхающей и утиравшей слезы невѣсткѣ его, а самъ вышелъ къ Хведьку, притворивъ за собою двери.

Хведько поклонился и вертѣлъ въ рукахъ рублевую бумажку, не зная какъ дать ее писарю, не зная съ чего начать. Но писарь разрѣшилъ его неловкость, по-просту взявъ у него деньги и спрятавъ въ карманъ.

— Ты все на счетъ денегъ? Кликни тамъ кого изъ десятниковъ.—

Позванный десятникъ былъ посланъ за Сугыбою, но оказалось, что онъ еще не возвращался съ ярмарки. Хведько ожидалъ, пока писарь записывалъ состоявшееся рѣшеніе по дѣлу невѣстки со свекромъ. Изъ прочитаннаго рѣшенія оказалось, что невѣсткѣ присуждена тёлка, а изъ одежи покойника только полушубокъ и халатъ.

Судъ кончили, и судьи отправились „до Кучеркы пыть чай", а замѣшкавшійся въ волости писарь кивнулъ на Хведька и, остановившись около церковной ограды, сказалъ:

— Дѣло, значитъ, будетъ въ слѣдующую субботу, какъ вернется домой вашъ должникъ, но лучше будетъ, если на судъ явятся твои сестры, а не ты. Такъ будетъ лучше. Тогда и присудимъ. А могарычъ за тобой ужъ будетъ.

Обнадеженный шелъ Хведько на Красноселивку.

— Ужъ если взялъ деньги, то и дѣло сдѣлаетъ—думалъ онъ, и мечты о возможности и сестру „справыть", и обзавестись хозяйствомъ опять охватили его, тѣмъ болѣе, что и десятка имѣлась въ карманѣ, и Денысовычъ обѣщалъ „чоловикомъ" сдѣлать его, наставить на хозяйство.

Дома онъ засталъ уже Машку за субботней приборкой хаты. Мазалась печь, вымытъ былъ полъ и „попидведени челюсты" печи и рамы оконъ снаружи. Съ затаенной радостью и тревогой Машка ожидала „не сьогодня—завтра старостивъ".

Хведько попереносилъ къ Сохвѣ изъ сада жлукто, чавуны и большіе горшки „золійныкы" и успѣлъ разсказать ей про то, что писарь взялъ деньги и обѣщалъ на ту субботу „судыть ихъ", но при томъ совѣтовалъ на судьбище прійти Машкѣ и Полькѣ. Сохва сейчасъ же сообразила всю резонность совѣта писаря.

— Ото, щобъ винъ—Сугыба—не мавъ чымъ одмагаться супроты тебе. Щобъ, значыть, гроши правылы дивчата ни въ чому йому неповынни... разсуждала Сохва и потомъ вдругъ, пытливо смотря ему въ глаза, спросила:

— А що жъ ты ничого не роскажешъ, що ты робывъ у ярмарку?

Хведько опустилъ глаза и ничего не отвѣчалъ.

— Зъ нею не бачывся? опять спросила Сохва.

— Ни, не бачывся.

— Такъ дежъ ты такъ довго ярмаркувавъ?

— Я у Тышка на горну ночувавъ, хотивъ було наняться такъ тамъ вже есть кому робыть...

— Гмъ! что-то соображала Сохва.—Це ты мени щось не все розсказуешъ, зъ чымъ-сь затаюешся видъ мене. Якъ знаешъ Я наче тоби не ворогъ. Ну, та це твое дило. Иды, а мени ще треба сорочкы покачать,—закончила она и стала прибирать со стола, на которомъ собиралась катать бѣлье.

Хведько какъ-то нерѣшительно поднялся съ лавки и медленно пошелъ изъ хаты, сконфуженный этими упреками. Ему такъ хотѣлось все разсказать Сохвѣ, во всемъ признаться ей и даже узнать ея мнѣніе, но боязнь выдать тайну другихъ, а наиболѣе совѣстливость по отношенію къ Сохвѣ не дозволяли ему сдѣлать этого.

Съ улицы еще отъ воротъ слышенъ былъ туркотъ „рубля", которымъ Машка усердно катала навиваемое на „качалку" бѣлье, успѣвшее уже высохнуть на вѣтрѣ и солнцѣ. Хведько сѣлъ на крыльцѣ и, не зная, за что взяться, думалъ все на ту же тему устройства себя и сестры. Послѣднее ему представлялось почти обезпеченнымъ, такъ какъ онъ вѣрилъ въ отдачу денегъ Сугыбою, но что ему дѣлать, какъ оставаться одному въ своей хатѣ, какъ вести самое хозяйство, если бы даже и возможно было обзавестись лошадью? А ужъ будетъ у него лошадь своя! Онъ вѣрилъ Денысовычу: тотъ исполнитъ свое обѣщаніе. Но все-таки, какъ же онъ будетъ самъ жить, кто у него будетъ въ хатѣ, когда Машка выйдетъ замужъ? Да, не случись

съ нимъ бѣды, не попадись онъ въ тюрьму—Мелашка была бы у него хозяйкой... Мелашка... И натолкнувшись въ мысляхъ на нее, онъ уже не могъ разстаться съ нею, со всею обаятельностію воспоминаній, душевныхъ порывовъ къ ней...

А Машка ужъ покончила съ катаньемъ и, что то прибирая, пѣла на жалостный мотивъ давно знакомую ему пѣсню:

„Ой упавъ снижокъ тай на батькивъ садъ,
„Побывъ дерева, красне яблучко...
„Котысь яблучко, куды котышся...
„Оддай батечку, куды хочется"...

И въ ней говорила дѣвичья тоска, душевная тревога, и пѣла она, выливала грусть-тоску свою, растравляла свое сердце, готовая кому-то отдаться со всѣмъ пыломъ молодости, выйти замужъ:

„Ни за старого, ни за малого,
„За козаченька розудалого"...

Хведьку понятна была эта пѣсня, эта тоска, и его душу она рвала на части, но тѣмъ не менѣе онъ съ такимъ удовольствіемъ слушалъ ее, такъ мила ему была эта боль души, что когда Машка перестала пѣть и вышла на крыльцо, то онъ готовъ былъ просить ее продолжать пѣніе, терзать мелодіей его душу.

— А я бачъ и байдуже! Думала—тебе нема. Вже й не рано... отозвалась она, какъ бы оправдываясь.

XXIX.

Еще съ вечера въ присутствіи забѣгавшей къ нимъ Сохвы порѣшено было, что Хведько пойдетъ завтра „до церквы". Сего ради Машка добыла изъ „скрыни" зеленый отцовскій поясъ, а Сохва, какъ ни отказывался Хведько, большими ножницами „пидривняла" ему чубъ, успѣвшій уже настолько отрости, что несмотря на кудреватость, все-таки нависалъ на глаза и со-

вершенно прикрывалъ собою лобъ. Сохва продѣлала это ловко и не только „пидривняла“ спереди, но и выстригла сзади шею—однимъ словомъ привела въ порядокъ шевелюру и, осмотрѣвъ любовно, добавила:

— Отъ такъ прычыпурыла! А завтра ще возьму тай поськаю въ голови...

Вмѣстѣ съ тѣмъ она приказала Машкѣ осмотрѣть черкеску, гдѣ нужно подштопать и помазать чоботы хоть саломъ „зъ каганьця“. Порѣшено было, что стряпать будетъ Сохва у себя на всѣхъ, такъ какъ у ней все одно „на завтра вчинята дижа“ и нужно печь хлѣбъ. Машка, провожая Сохву, подала ей въ мискѣ пшено и кусокъ сала.

Еще не успѣло взошедшее солнце обсушить росу, блестѣвшую на покраснѣвшихъ уже кой-гдѣ листьяхъ вишняка, и на посохшихъ колючкахъ подъ заборами, какъ уже благовѣстъ къ обѣднѣ густою волною огласилъ проснувшуюся слободу. Пріодѣвшись совсѣмъ, Машка оправлялась передъ вмазаннымъ въ стѣну зеркальцемъ, причесала спереди надо лбомъ „начосы“, обдернула „кохту“, и, накрывшись большимъ платкомъ, отправилась къ Сохвѣ, которая обѣщала „вывъязаты, якъ слидъ гарнитуровый платокъ“ на головѣ. Умывавшемуся на крыльцѣ Хведьку она сказала, что бѣлье лежитъ въ хатѣ на лавкѣ и что она отъ Сохвы уже пойдетъ прямо „до церквы“.

Когда Хведько въ смазаныхъ чоботяхъ, „подперезаный“ зеленымъ поясомъ съ бѣлымъ выпущеннымъ по обычаю воротникомъ сорочки, вышелъ за ворота, то увидѣлъ и Машку, вышедшую изъ воротъ Сохвинаго двора, и сейчасъ же присоединившуюся къ группѣ дивчатъ ихъ улицы. Онъ бы съ удовольствіемъ задержалъ сестру, чтобы идти вмѣстѣ съ нею въ церковь; ему было-бы смѣлѣе,—но совѣстился и потому, отпустивъ ихъ далеко впередъ, пошелъ самъ. Изъ двухъ дворовъ вышли тоже сосѣди, отвѣтили на его привѣтствіе поклономъ и пошли вмѣстѣ съ нимъ. Одинъ изъ нихъ, оказалось, даже имѣлъ къ нему дѣло:

— А я хотивъ самъ йты до тебе. Ажъ ось ты й самъ тутъ. Въ мене твоя земля... Якъ ты зъ нею справлятымешся? Чы може продасы? Іи усего 12 сажнивъ. Ще ажъ колы оддана... Нехай писля службы Божои побалакаемъ.

Сходившійся людъ не сразу шелъ въ церковь: до окончанія благовѣста группами стояли около ограды; женщины сидѣли даже на ступенькахъ паперти. Тутъ же цѣлымъ букетомъ цвѣтныхъ ситцевыхъ и кумачныхъ паръ красовались „дивчата", меньшая дитвора начинала ужъ поигрывать, бѣгая вдоль церковной ограды; подростки позабирались на колокольню; въ сторонѣ отъ церковныхъ воротъ стояли двѣ телѣги „кавунивъ" и мясникъ съ бараниной.

Хведько стоялъ около колокольни и конфузился, когда на него присматривались односельчане, мало его знающіе, и даже безцеремонно, глядя на него, спрашивали.—Чый це? Видкиля винъ?

Довольно ясно донеслось до его слуха объясненіе одного изъ вопрошаемыхъ:

Це той, що то у волости вбытый бувъ за Сугыбыного коня; Попкомъ дразнять, а тамъ якъ звать не знаю, чый винъ... Потюремщыкъ...

Онъ готовъ былъ бѣжать отсюда, отказаться отъ церкви и сейчасъ же отслонился въ тѣнь отъ колокольни, но вдругъ послышалось:

— Пипъ иде! Онде батюшка!—и всѣ дружно пошли въ церковь, гдѣ уже дьякъ читалъ часы. Вмѣстѣ съ другими пошелъ и Хведько.

Давно онъ не былъ въ церкви—болѣе двухъ лѣтъ. Въ постъ, предшествующій его тюремному заключенію, онъ не говѣлъ, такъ какъ въ первой половинѣ возилъ барду съ винокуреннаго зовода въ заведеніе для скота, а къ концу поста попалъ въ воловики и на шестой недѣлѣ началась „оранка". Въ прошломъ году онъ постъ, когда арестанты говѣютъ, пролежалъ въ больницѣ... Да, болѣе двухъ лѣтъ не былъ онъ въ церкви, не видѣлъ богослуженія, и потому ему, вообще таки

мало знакомому съ обрядами вѣры, да еще послѣ услышанной рекомендаціи, было очень не по себѣ. Началось съ того, что онъ, ставъ недалеко отъ дверей, вскорѣ увидѣлъ себя совершенно одинокимъ мужчиною посреди женщинъ и дивчатъ, надъ которыми онъ замѣтно высился, если не половиною туловища, то все-таки, какъ библейскій Саулъ, былъ выше всѣхъ отъ плечъ.

— Ты бъ, сынку пройшовъ онъ-туды, де мужыки стоять, а тутъ бабынець—потихоньку сказала ему какая-то маленькая бабуся. Онъ поступился нѣсколько впередъ, но проходившіе со свѣчами оттерли его къ правому выступу, гдѣ онъ очутился какъ разъ передъ новой иконой цѣлителя Пантелеймона. Прикладывавшіеся и ставившіе свѣчи богомольцы отодвинули его совсѣмъ къ стѣнѣ, такъ что онъ не вышелъ изъ бабынця и стоялъ на соблазнъ дивчатъ и молодыць, любовавшихся его красивымъ лицомъ и стройною постатью, у многихъ вызвавшими вопросы—хто це такый и сенсаціонныя „пидштовхування" дивчатъ между собою.

Сконфуженный всѣмъ этимъ Хведько стоялъ, глядя на старинную почернѣвшую икону, и не впопадъ крестился. Искоса взглядывалъ онъ на ставящихъ свѣчи передъ иконою св. Пантелеймона и не прочь былъ сдѣлать то же, но совѣстился двинуться съ мѣста и боялся усугубить неловкость своего положенія. За выступомъ не видно ему было того, что совершалось у алтаря, а только слышался голосъ діакона и пѣніе пѣвчихъ. Всматриваясь въ икону, онъ разобралъ ликъ какого-то святаго, каковое изображеніе отождествлялось у него съ понятіемъ о Богѣ. Пѣніе становилось все болѣе внятнымъ и торжественнымъ.

Святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный помилуй насъ!—отчетливо доносилось до его слуха и проникало въ душу. И онъ крестился, молитвенно смотрѣлъ на икону. Это одно онъ понялъ изъ всего, что доносилось до него изъ читаннаго и пѣтаго; но самая музыка пѣнія—стройнаго, благодаря стараніямъ діакона, все больше и больше рас-

трогивало его. Когда во время „херувимской" всѣ стали бить поклоны и послышался усиленный молитвенный шепотъ, Хведько и себѣ сталъ на колѣни и тоже, не отрывая глазъ отъ иконы, шепотомъ повторялъ—„святый Боже, святый крипкый, святый безсмертный помылуй насъ"!

Полнѣйшій невѣжда въ понятіяхъ христіанской вѣры, знающій только, какъ и большинство его сверстниковъ, безъ всякаго пониманія молитвы: „Царю небесный", „отче-нашу" и „вирую", забываемыя по мѣрѣ отдаленія отъ дѣтскаго возраста, когда ему эти молитвы проказувала покойная его мать, Хведько разумѣется, имѣлъ самое смутное понятіе о Богѣ, о св. Тройцѣ, о Сынѣ Божіемъ, объ обрядахъ церкви, о всемъ томъ, чему учитъ насъ церковь и св. писаніе. Богъ въ его пониманіи представлялся ему какою-то силою, властью всемогущею, совершенно по прихоти своей все содѣвающею. О милосердіи Божіемъ онъ только зналъ изъ употребляемыхъ въ общерѣчіи словъ „Милосердный" „Помылуе", Богъ дасть"... По всему этому онъ и теперь, молитвенно настроенный, созерцающій, какъ ему казалось, ликѣ самого Бога на иконѣ, ни о чемъ не молилъ Его, не просилъ, ни въ чемъ не каялся, не думалъ объ этомъ. Въ словахъ „помилуй насъ" для него выражалось все моленіе, лучше сказать, все умиленіе, въ какомъ онъ находился. Онъ и не подумалъ бы упасть на колѣни и просить о чемъ бы то ни было ни старшину, ни судью, ни вообще какое бы то ни было начальство, власть, хотя бы дѣло шло о самой жизни его. Ему бы въ голову не пришло надѣяться что либо у нихъ выпросить, умилостивить ихъ; но здѣсь, подъ стройные звуки пѣнія, при этой всей обстановкѣ, онъ стоялъ на колѣняхъ, билъ поклоны и искренно просилъ Бога Святого, Крѣпкаго и Безсмертнаго помиловать его. Ничего опредѣленнаго онъ не просилъ, а только помилованія.. И такъ онъ долго стоялъ на колѣняхъ, долго молился, забывъ все окружающее, не обращая вниманія на то, что всѣ уже давно поднялись на ноги, что, отвлеченные на время молитвами и поклонами, всѣ опять смотрѣли на него, удивлялись его набожности и даже перешепты-

вались о немъ. Даже Машка, стоявшая съ дивчатами, удивленно поглядывала на него.

Подошедшіе съ тарелочками и „карбонками“ диды и дякъ прервали молитвенное его настроеніе. Какъ бы очнувшійся отъ сна, Хведько оглянулся, всталъ на ноги. Увидавъ, что окружающіе его „жинкы“ кладутъ на тарелочки деньги, онъ и себѣ полѣзъ въ карманъ и, нащупавъ двѣ крупныя монеты, положилъ одну на тарелку ктитарю, а другую дьячку, не ставъ брать къ удивленію ихъ сдачи. Повернувъ голову на жинокъ, онъ замѣтилъ много глазъ устремленныхъ на него, и сконфузился окончательно. Опять сталъ смотрѣть на икону, опять крестился и повторялъ „помилуй насъ“, но уже то умиленное-молитвенное чувство, которое такъ наполняло его душу, не возобновлялось, и даже пѣніе концерта, со всѣмъ стараніемъ исполненнаго пѣвчими, не трогало его. Теперь ужъ одно занимало его мысли—это желаніе поскорѣе выйти изъ церкви и пройти домой, наименѣе замѣченнымъ публикою.

Послышался звукъ отъ колецъ завѣсы, пискъ и плачъ причащаемыхъ дѣтей, и затѣмъ вскорѣ и пѣніе—„Спаси Господи люди Твоя“... И эти слова понялъ Хведько и крестился, и кланялся, повторяя „Спасы Господы“, и вслѣдъ затѣмъ увидѣлъ что люди стали выходить изъ церкви. Дождавшись, когда женскій полъ удалился и пошли „мужыкы“, онъ и себѣ пошелъ.

Не всѣ вышедшіе изъ церкви сейчасъ же отправились къ дворамъ: многіе остались еще или около возозъ съ кавунами, или стояли и говорили о дѣлахъ. „Ризныкъ“ уже уѣхалъ, но за то явилась „стара Прокопенчыха“ съ бубликами на маленькомъ возку. Покупали, стояли, поджидали, или здоровались. Нѣсколько человѣкъ уже отправились по направленію къ кабаку Козла. Хведько и себѣ сталъ около воротъ, не рѣшаясь, пристать къ группѣ парубковъ, направившихся вслѣдъ за дивчатами, такъ какъ между ними не было его сверстниковъ, переженившихся еще въ прошломъ году. Къ нему подошелъ его сосѣдъ—уличанинъ, заговорившій было передъ обѣдней о землѣ, Семенъ Ковтунъ, и пригласилъ его идти съ нимъ къ Жердеву,

гдѣ они и покончатъ это дѣло.—Хведько почти обрадовался этому обращенію Ковтуна къ нему, совершенно чужому среди своихъ однослобожанъ, и пошелъ съ нимъ даже къ Жердеву. Тамъ они сладили такъ, что Ковтунъ купилъ у него его 12 саженей за 2 р. 40 к. верховъ, т. е. приплаты къ платежу за землю, и договоръ скрѣпили могорычемъ—роспили вдвоемъ косушку (2 шкалика), а послѣ еще съ кѣмъ то косушку и еще сколько то — Хведько ужъ не помнилъ. Можетъ быть они и еще могòрычились бы, но Машка, посланная Сохвою купить кавуновъ, вызвала брата черезъ кого-то изъ кабака и потребовала, чтобы онъ шелъ домой, такъ какъ пришла Полька по какому-то дѣлу. Сильно захмѣлѣвшій Хведько отъ выпитой натощакъ водки, безпрекословно повиновался и пошелъ домой. Ему почему то теперь стало жаль сестру, такая она показывалась хорошая, сирота—безъ батька-матери. Онъ, не смотря на ея сопротивленіе, взялся нести мѣшокъ съ кавунами и всю дорогу бормоталъ что то ласковое, изъ чего Машка могла разобрать только отрывочныя фразы.

— Ты въ мене теперъ одна... Я тебе пожалію... Усе справлю.. Усе...

У Сохвы, къ воторой они зашли, сидѣла Полька, разряженная, въ большомъ платкѣ поверхъ очипка. Она прямо изъ церкви съ Бемовки отправилась сюда ради того, чтобы сказать, что сегодня вечеромъ явятся старосты и что „титка Горпына", которую она видѣла въ церкви, обѣщала прійти ночевать къ нимъ—Хведьку и Машкѣ. Все это она успѣла разсказать Сохвѣ и спѣшила домой, а ей—„не блыгомый свитъ: ажъ на Удильщыну" нужно поспѣшать. Сохва и Полька сразу поняли, что Хведько пьянъ.

— Отъ такъ—такъ! нарюхався!.—сказала первая Сохва, между тѣмъ, какъ Полька только смотрѣла укоризненно на брата, котораго она никогда не видѣла пьянымъ.

— Намолывсь?—продолжала Сохва, когда Хведько сѣлъ на лавку и, окинувъ всѣхъ затуманенными очами, свѣсилъ голову и замоталъ ею. Всѣ онѣ—и Сохва, и Полька, и Машка—всѣ

казались ему такими добрыми, хорошими. Такъ онъ любилъ ихъ, такъ они его жалѣютъ... Особенно Машка...

Сестро, сестрычко!—бормоталъ онъ,—Я, я! Отъ ты якъ мене розжалобыла... Якъ пакъ??...

— Ой упавъ снижокъ, тай на батькивъ садъ!.. Затянулъ онъ, замоталъ еще больше головою и заплакалъ.... Святый Безсмертный помылуй насъ!.. бормоталъ онъ.

И Сохвѣ, и Полькѣ, и Машкѣ стало жаль его. Онѣ въ немъ видѣли сбитаго съ колеи человѣка, который „настраждався занапрасно". Онѣ понимали, что не самъ онъ собою напился, а что кто-то и зачѣмъ-то напоилъ его.

— Ну, буде жъ, буде!—сказала Полька... Мени пора, пійду... Розскажешъ все сама йому... обратилась она къ Сохвѣ.— Прощайте.

Пока Мяшка провожала Польку и уже въ калиткѣ выслушивала отъ нея кой какія наставленія, Сохва уговорила Хведька снять поясъ и черкеску и, наклонивъ его надъ помыйныцею, обливала голову водою. Освѣженный, онъ сидѣлъ на лавкѣ и мало по малу приходилъ въ себя.

— Отъ пойисы, такъ воно не такъ разбиратыме—говорила Сохва, доставая изъ печи горшокъ съ борщемъ.

Вошедшая въ хату Машка помогла собрать обѣдать, и они втроемъ усѣлись за столъ.

XXX.

Машка была задумчива: особая складка легла у нея между бровями; она почти ничего не ѣла. Полька сказала ей, что сегодня будутъ старосты. Хведько, взглядывая на Машку, соображалъ, что она опечалена его пьянствомъ, и все порывался разсказать, какъ его завелъ въ кабакъ Ковтунъ, какъ тамъ еще кто-то присталъ къ нимъ, хотѣлъ извиниться, но ужъ хмѣль не осмѣливалъ его, какъ въ первыя минуты опьянѣнія, когда

онъ могъ, что вздумаетъ сказать... и такъ ничего и не сказалъ онъ; только тяжесть чувствовалъ въ головѣ, да клонило ко сну.

Послѣ обѣда Сохва предложила ему тутъ же у нея и выспаться, а Машка пошла домой, такъ какъ къ ней обѣщались прійти дивчата.

Къ полудню, людно стало на улицѣ. Подъ хатами на „прысьбахъ", на кое гдѣ сложенныхъ деревахъ, а то и попросту на землѣ, сидѣли группами „жинкы, чоловикы"; дѣти бѣгали, играли въ свинку; дивчатка-подростки попискивали тоненькими голосами пѣсни; „парубкы" цѣлою юрбою собрались около кузни и рипѣли на гармоніяхъ; взрослыя дивчата—невѣсты—собрались около хаты Самченковыхъ. Сегодняшнее появленіе Хведька въ церкви было непосредственною причиною этого сборища дивчатъ. Хотя онъ уже заросталъ бородою и хотя онѣ уже успѣли поразузнать про него, что онъ и въ тюрьмѣ былъ, и въ какихъ то странныхъ отношеніяхъ состоитъ къ Сохвѣ солдаткѣ, но въ то же время кой кто изъ нихъ успѣлъ подмѣтить его красоту; сообразили, что онъ все-таки парубокъ, и то, что у Машки, гдѣ нѣтъ никого изъ „старшыхъ", ихъ никто не можетъ стѣснять... Все это совмѣстно было причиною ихъ „збижыща" къ Машкѣ.

Сохва, заперевъ двери и оставивъ Хведька спящаго въ прохладныхъ сѣняхъ, тоже вышла на улицу и подсѣла къ ближайшей группѣ около Журиленкового двора. Оживленный разговоръ „жинокъ" какъ то оборвался, когда она приблизилась и сказала обычное привѣтствіе: „Днювалы соби! Зъ недилею"!—Сохва сообразила, что тутъ говорили если не про нее, то про Хвеьдка, ставшаго для всѣхъ интереснымъ, и со свойственной ей бойкостію сейчасъ же замяла неловкость, обративъ вниманіе всѣхъ на дивчатъ.

— Отъ бачъ! Дивчата по духу чують, де зативаєтся що.—Такъ и прыленули до Самченкивъ, мабуть-то вже дознались що Машку сватають. Новость всѣхъ заинтересовала, и бойкая Сохва сразу стала средоточіемъ бесѣды жинокъ, разспрашивавшихъ „якъ и що", кто сватаетъ? какъ будутъ отдавать ее си-

роту? Сохва все по порядку разсказала: что сватаютъ „зъ Удильщыны“; что Полька знаетъ этихъ людей и хвалитъ; что „титка Горпына“ не оставить сироту; что вотъ и деньги отцовскія обѣщали взыскать съ Сугыбивъ, которые тогда такъ занапрасно „було вбылы парнягу“; что „судыть“ всѣ умѣютъ, а попробовали бъ сами побыть въ такомъ положеніи, не то бы сказали. Съумѣла она разсказать, какъ „занапрасно“ парня засудили у тюрьму, какъ они, Самченковы, разорились и какъ всѣ эти бѣдствія—смерть отца, матери, тюрьма, поклепъ, доведшій до смертнаго бою—все это внезапно обрушилось на нихъ.

— Не доводь, Господы, никому дознать стилькы лыха!—закончила она разсказъ, возбудившій сочувствіе и жалость у слушателей къ Хведьку и Машкѣ и обрисовавшій положеніе ихъ совсѣмъ въ новомъ для всѣхъ свѣтѣ. Старый—совсѣмъ бѣлый—Журило, сидѣвшій тутъ же, какъ бы выражая общее настроеніе, сказалъ:

— Не судыть, а жалить ихъ треба. Воны сыроты! Кой кто вздохнулъ. Разговоръ пошелъ о томъ, что теперь бы слѣдовало и Хведька женить и что многія изъ дивчатъ „не погордують“ имъ, что все Богъ устроитъ и за терпѣніе дастъ спасеніе.

Всѣ эти толки были прерваны появленіемъ на улицѣ какого то „москаля“, направлявшагося съ Машкой, выдвинувшейся изъ-за дивчатъ; тогда только первая Сохва узнала въ немъ прежняго ихъ квартиранта, бондаря.

— О! це той бондарь, що у ныхъ въ хати зимовавъ. Всѣ тогда вслѣдъ за нею узнали его, и когда онъ пошелъ въ хату, Сохва и себѣ пошла туда же. Оказалось, что бондарь прибылъ на заводъ и опять хочетъ нанять хату Самченковыхъ для себя и жены и пришелъ узнать, можно ли будетъ это сдѣлать.

Сохва и Машка ничего не могли положительнаго сказать, не поговоривъ съ Хведькомъ и съ обѣщавшею прійти ночевать „титкою Горпыною“, но какъ имъ казалось, они пустятъ его въ хату зимовать. Такъ какъ жена бондаря пріѣдетъ съ ар-

телью не раньше какъ черезъ двѣ недѣли, то и порѣшили обождать съ рѣшеніемъ этого вопроса.

Сохва, проводивъ бондаря, уже не пошла къ жинкамъ, а отправилась къ себѣ въ хату. Хведько спалъ, разметавшись въ сѣняхъ на полу, и Сохва, затворивъ входныя, синешни двери, а отперевъ хатни, долго стояла, смотря на него и любуясь его красивымъ лицомъ и богатырскимъ сложеніемъ. Послышались чьи-то шаги на крыльцѣ, и въ сѣни впорхнула Машка отдать ключъ и сказать, что идетъ съ дивчатами по слободѣ.

— Иды! Погуляй—покрасуйся! Це тилькы й твого, а тамъ... Не досказала она, и только покивала головою, какъ бы застигнутая въ какомъ-то грустномъ раздумьи.

Провожая Машку къ воротамъ, гдѣ ожидали ее дивчата, Сохва постояла въ калиткѣ, посмотрѣла вслѣдъ уходившей группѣ дивчатъ и пустившимся за ними парубкамъ съ гармоніей, окинула взглядомъ улицу, съ которой уже начинали расходиться люди, перекрестилась, услыхавъ благовѣстъ къ вечернѣ и, повернувшись идти въ хату, уткнулась глазами на Мелашку, выходящую изъ садка.

Какое то нёзнакомое ей чувство недовольства ощутила она; ей почему то непріятнымъ показался этотъ приходъ Мелашки шибко пробѣжавшей дворъ и вскочившей впередъ ея въ сѣнцы, а послѣ въ хату.

— Охъ! сестрыце, якъ ще я боялась идучы городамы, вже було й не думала заходыть до тебе, да такъ вже, думаю, хоть на хвалыночку—говорила запыханная Мелашка.

Сохва молчала и что-то передумывала, но вдругъ вздохнула и сказала:

— Оставайся тутъ. А я пійду до вечерни—помолюся.

— О, ни, сестрыце! мени тежъ треба йты—я це, кажу жъ, на мынуточку—повыдатысь...

Но Сохва, не слушая ее, уже напялила на голову очипокъ съ платкомъ, оправила на себѣ пару и тогда только отвѣтила:

— Та же й повыдаешся! хыба не прымитыла?—отъ дывысь.—Засунься, а я пійду... и пошла изъ хаты.—Мелашка же только тогда и „запрымитыла“ того, къ кому она такъ бѣжала, того, къ кому такъ рвалась душа ея.

Синешни двери замкнуты, и Мелашка очутилась въ полуосвѣщенныхъ сѣняхъ надъ Хведькомъ, уже проснувшимся, но неподнявшимся съ постланнаго на землѣ рядна.

XXXI.

Поздно уже вечеромъ на крыльцѣ хаты Самченковыхъ появились „старосты“. Неспавшій еще Хведько на окликъ:—Дома хозяинъ? Выйдить хто сюды!—отсунулъ засовъ синешныхъ дверей и увидалъ двухъ человѣкъ, сказавшихъ ему „добрый вечиръ“ и попросившихъ позволенія войти въ хату.

— Зачимъ? Хто вы таки?—спросилъ Хведько.

— Сторонни, подорожни, просымось у хазяйску господу одпочыть, а може, якъ Богъ поможе, хлиба соли вкусыть.—

Разбуженная, задремавшая уже было „титка Горпына“ зажгла огонь—(сальную свѣчу нарочно припасенную), надѣла очипокъ съ повязаннымъ платкомъ и пригласила гостей въ хату. Вошедшіе были въ обыкновенныхъ „простого сукна“ черкескахъ, подпоясанные поясами и съ палками. Одинъ изъ нихъ держалъ завернутый въ платокъ хлѣбъ. Перекрестившись на образа, они поздоровались по обычаю.

— Добрый вечиръ! Днювалы соби у добримъ здоровьи?

— Спасыби! Якъ вы соби?—отвѣтила „титка Горпына“.

— Що вы за люде?—добавила она.

— Люде зъ стороны, прохожи, соби та Богу прыгожи, а може й вамъ не будемо протывни. Дозвольте намъ поморенымъ у вашому чесному доми систы-одпочыты, тоди й станемо свои речи вамъ говорыты.—

— Мылосты просымо. Сидайте въ насъ. Мы ради речей добрыхъ людей послухаты,—отвѣтила „титка Горпына“.

Гости прошли къ столу и усѣлись рядомъ на лавкѣ, но прежде того старшій изъ нихъ, развернувъ платокъ, добылъ изъ него хлѣбъ и подавая хозяйкѣ сказалъ:

— Пріймить же одъ насъ хлибъ-силь.—

— Мы хлиба-солы не цураемося—отвѣтила „титка Горпына“,—взяла хлѣбъ и положила его на столѣ рядомъ съ закрытымъ концомъ скатерти—настильныка—своимъ хлѣбомъ.

Она сѣла въ другомъ концѣ стола, а Хведько стоялъ посреди хаты, не зная, что дѣлать.

— Сидай и ты, молодый хазяинъ, нашихъ речей послухаешъ, одвитъ намъ зъ пани-маткою дасы.—

Хведько сѣлъ около „титкы Горпыны“. „Въ валькири“, за перегородкою, затаивъ дыханіе, стояла Машка.

Послѣ небольшой паузы, старшій староста откашлянулъ и началъ свои „законни речи“ такъ:

— По свитахъ ходючы, мы зайшли у вашу слободу и отъ за вашымъ дозволомъ ажъ у вашъ домъ чесный зайшлы и тутъ, чого шукалы, те й знайшлы.—

Тутъ онъ немного замялся и опять, откашлянувъ, продолжалъ:

— Не сами собою мы прыйшлы—люде намъ васъ вказалы, бо въ насъ есть купець, а въ васъ товаръ. Якъ то кажуть—не купець, а добрый молодець, не товаръ, а красна дивыця. Дозвольте купцеви на неи подывытьця...

„Титка Горпына“ и Хведько молчали во время произнесенія всей этой рацеи и видимо досадовали, когда староста запинался. Когда онъ умолкъ, они не нашлись что сказать и смотрѣли на него, какъ бы ожидая продолженія рѣчи. И на самомъ дѣлѣ требованіе посмотрѣть дѣвушку было противно этикету, что самъ староста сообразилъ и добавилъ:

— Дозвольте намъ купця показаты и товаръ повыдаты.—

Но „титка Горпына“, какъ бы не слыша этой послѣдней просьбы, съ своей стороны спросила:

— Хто жъ винъ такый цей вашъ „купець“, чы добрый молодець, якого винъ роду, батька-матери?—

— Це мы скажемо, не потаимо. Воны у насъ на Удильщыни люде не послидни, тамъ ихъ усяке знае, а же ваша молодыця туды оддана и вона ихъ знае... Тесленкы воны въ насъ прозываютця, може чувалы, Петро Якымовычъ Тесленко... А парень Иванъ... Иванъ Петровычъ.. Люде воны звистни...

Подъ хатою между тѣмъ собралась кѣмъ то извѣщенная о приходѣ „старостивъ“ цѣлая юрба молодежи, челяди. Парни и дивчата припадали къ окнамъ, стараясь сквозь щели оконицъ проникнуть глазами въ хату и хоть что-нибудь разсмотрѣть. На крыльцѣ въ тѣни сидѣлъ кто-то, очевидно не принимавшій участія въ этихъ зазираніяхъ молодежи. Кто то изъ нихъ замѣтилъ сквозь щели огорожи эту особу и сообщилъ другимъ, и всѣ порѣшили, что это и есть самый женихъ. Всѣ по-очередно стали его разсматривать, высказывать свои замѣчанія, при чемъ нѣкоторые осмѣлились пріотворить немного калитку. Дивчата шепотомъ сообщали компаніи результаты своихъ наблюденій, очевидно, насмѣшливаго содержанія, хихикали, „прыкладалы“, а парни несдержано „реготалысь“, что заставило жениха—это онъ былъ на самомъ дѣлѣ—спрятаться въ сѣни.

Въ хатѣ же своимъ чередомъ шла рѣчь сначала о томъ, кто родители жениха, о составѣ семьи, объ ихъ имущественномъ положеніи, о томъ, что у нихъ плугъ воловъ, вѣтряная мельница, что вообще они люди зажиточные...

„Титка Горпына“ стала было говорить, что невѣста сирота— „ни батька, ни матери“, что это можетъ быть причиною несоотвѣтственности ея имущественному положенію семьи жениха, что у нея еще „де чого багато не справлено“, что „недостаткы“ ихъ семьи могутъ помѣшать сватовству...; но старосты, очевидно не уполномоченные въ рѣшеніи этихъ вопросовъ, отклонили рѣчь объ этомъ общими фразами.

— Це вже таке... якъ Богъ дасть. Пійде на дило, такъ, поздоровъ Боже свата, усе зтокмаетця... Абы согласія була, а то хиба винъ за тымъ постоить... Усе Богъ управыть!..

— Вы намъ тилькы подайте слово... кх!.. кхъ!.. отъ у горлянци пересохло... лукавилъ староста, разсчитывая, что позовутъ дѣвку принестѣ воды и такимъ способомъ явится возможность ее увидѣть.

Но хозяйка догадалась подать воды сама, и другой староста, понявъ этотъ маневръ, сказалъ:

— Чымъ ото тамъ водою прочыщаты горлянку, такъ ось въ мене е друге—и досталъ изъ-подъ полы черкески бутылку съ водкою и поставилъ на столъ.

— Оце вирно! такъ то смилійше буде говорыты,—сказалъ старшій староста. Отъ тилькы миркы въ насъ нема, чы не знайдется якои у васъ...

Хведько отыскалъ у „мысныку" рюмку и, обтерши ее концомъ скатерти, поставилъ на столъ. „Титка Горпына" не трогалась съ мѣста, хотя слѣдовало бы найти чего нибудь для закуски. Она, казалось, предоставляла гостямъ самимъ угощаться.

Старшій староста оттокнулъ бутылку и обратился къ хозяевамъ:

— Благословить, паниматко, и ты молодый хазяинъ, у вашому чесному доми васъ почастуваты и соби смилосты прыдаты.

—Частуйтесь сами у добримъ здоровьи, а мы вже повечерялы, отвѣтила „титка Горпына", съ напускнымъ равнодушіемъ относясь къ этому предложенію. Но староста опять не унимался: взявъ въ руки бутылку, сказалъ —

— Воно бъ то и выпыть, та закусыть ничымъ...

— Та же ото хлибъ передъ вамы—не поддавалась «титка Горпына»

— Признатця, намъ цей хлибъ на дило далы, такъ мы прыказъ сповняючы и не сміемо його почынаты.

— Подывысь, сыну, тамъ у мысныку, наче есть хлибъ... нарижъ и подай... обратилась „титка Горпына" къ Хведьку, каторый уже начиналъ терять терпѣніе отъ всей этой церемоніи, казавшейся ему совершенно излишней. Онъ нашелъ начатый хлѣбъ, отрѣзалъ двѣ большія скибки и подалъ на столъ, открывъ въ то же время прикрытую концомъ скатерти солонку.

Староста налилъ рюмку водки и подалъ ее „титкѣ Горпынѣ“, но та, разумѣется, отказалась. и даже не съ обычнымъ пріемомъ отвѣта подносящему, какъ это дѣлается при потчиваньи, а опять съ тѣмъ же видимымъ равнодушіемъ къ „ихъ дѣлу самоугощенія“.

-- Ни, спасыби; я жъ кажу, мы вже повечерялы. Кушайте, сами соби у добримъ здоровьи.—

Староста хорошо понималъ всю эту процедуру, и перекрестившись началъ:

— Будьте жъ здорови! Пошлы намъ, Господы, у мыри—покои дило наше встроиты, за чымъ насъ послано, щобъ нашого свата звисткою доброю звеселыты, усе по ладу до киньця довесты. Будьте здорови!—и, поклонившись хозяевамъ и товарищу, онъ выпилъ всю рюмку, показалъ ее всѣмъ, какъ-бы для осмотра, что она пуста, и сталъ наливать другую, опять протянувъ „титци Горпыни“. Опять тотъ же отказъ, то же предложеніе потчиваться самимъ, подносить товарищу... Выпилъ и другую староста почти съ тѣми же приговорами. Опять налитая рюмка протянулась къ „титкѣ Горпынѣ“—и опять тотъ же отказъ. Старосты оказались побѣжденными стойкостію бабы.

— Такъ вы жъ намъ, пани-матко, хоть слово подайте—яка у васъ буде согласія.—

— А яка наша согласія? Мы ще й самого парня не бачылы, якый винъ такый е...

— Та це дило за вашымъ дозволомъ, а то мы заразъ його вамъ покажемо—винъ у насъ слава тоби Господы, не крывый и не горбатый. Выйды товарышу, поклычъ його, винъ тутъ десь...

Черезъ минуту вслѣдъ за выходившимъ въ сѣни старостою вошелъ молодой еще совсѣмъ парубокъ, безъусый, съ ровно подрѣзаннымъ въ кружокъ чубомъ, въ суконной черкескѣ, подпоясанный зеленымъ камлотовымъ поясомъ. Онъ какъ то торопясь перекрестился и сказалъ:

— Здорови були! Добрый вечиръ!—

— Здоровъ!—отвѣтили одновременно Хведько и „титка Горпына", только послѣдняя добавила—отецькый сыну.—Проходь дали, сидай у насъ, гостемъ будешъ.—

Паробокъ стоялъ и конфузился подъ вперившимися въ него взглядами хозяевъ, которымъ видимо понравилась его стройная фигура, покраснѣвшее молодое лицо и манера. Онъ мялъ въ рукахъ картузъ и стоялъ, потупивъ глаза.

Хведько не выдержалъ, всталъ и, подошедши къ нему, взялъ его за рукавъ черкески и подвелъ къ лавкѣ со словами—

— Сидай, сидай оттутъ.—

— Ото и дывится, якый нашъ купець, добрый молодець—сказалъ староста. Теперъ ласкы вашой просымо, нехай буде можно й намъ вашу дивку побачыты, щобъ Господь благословывъ ихъ звесты до купы.—

Машка все время стояла прислонившись къ перегородкѣ „валькиря"; задумавшись, она не совсѣмъ внимательно относилась ко всему, что было по сю пору говорено сватами. Мысли у нея путались и не могли остановиться на чемъ-либо опредѣленномъ. Она знала, что ей необходимо выходить замужъ, такъ же какъ и то, что когда нибудь и умретъ. Первое—замужество—стояло на очереди круговорота ея жизни, и она и раньше, а особенно въ послѣднее время, когда уже была заповѣдана присылка сватовъ—обдумывала и не находила въ этомъ ничего особеннаго. Молоденькая еще дѣвушка, она не успѣла занозить свое сердце особымъ какимъ къ кому нибудь влеченіемъ, была ровна со всѣми парубками своего кутка, не остановила пока ни на комъ изъ нихъ взгляда души своей. Про невзгоды супружеской жизни она знала больше изъ жалобныхъ „жиноцькыхъ писень", не присмотрѣлась еще къ жизни, а удавшееся замужество сестры Польки, ихъ хорошая жизнь отстраняли опасенія этой жизненной фазы. Ее отчасти только пугала неизвѣстность, какой такой этотъ женихъ собой, какъ онъ отнесется къ ней, соотвѣтствуетъ ли онъ пѣсеннымъ идеаламъ, старый ли онъ, малый ли въ смыслѣ возрастномъ, или „молодчыкъ розудалый". Когда изъ-за перегородки она услыхала, что жениха пошли звать

въ хату, то любопытство заставило ее прильнуть къ щели перегородки съ желаніемъ увидать его, но когда скрипнули двери и около порога послышалось произнесенное имъ привѣтствіе, то дѣвичья стыдливость взяла верхъ, и она, не увидавъ „його", отскочила къ помосту, и съ какимъ то страхомъ припала къ подушкѣ.

Вошедшая въ „валькиръ" „титка Горпына" должна была чуть не силою оторвать ее отъ подушки, оправить на ней пару и красную сконфуженную вывести къ сватамъ.

Она еле успѣла взглянуть на гостей, сейчасъ же опустила глаза и едва съумѣла пробормотать—„Здрастуйте!.

— Здрастуй! Здорова була, батькова дочко!—отвѣтили старосты, а женихъ даже всталъ съ лавки, впился было сразу глазами въ нее, но тоже вдругъ покраснѣлъ и, опустивъ вѣки, такъ и не садился. Невѣста, очевидно, всѣмъ понравилась; старосты не сводили очей съ нея, ласково ее оглядывая, даже Хведько въ первый разъ замѣтилъ, какъ она была красива, Минуту, или больше, въ хатѣ все замолкло. „Титка Горпына", усѣвшаяся на прежнее мѣсто, какъ то выше подняла голову, какъ бы хотѣла сказать своею миною.

— Какова?! Смотрите, чѣмъ не дѣвка?!—

— Такъ отъ, пани-матко и ты молодый хазяинъ, и ты, батькова дочко, дайте намъ одвитъ, яка буде ваша согласія, чы оддасте намъ за цього молодця дивку?

Молодецъ стоялъ и только при этихъ словахъ взглянулъ на „дивку" и опять опустилъ глаза.

— Кажить!—повторилъ староста.

— Шо жъ намъ казать?—отвѣтила „титка Горпына". Вы и пытайте, іи воля, якъ вона скаже.—

— Такъ ты, батькова дочко, намъ кажы: чы до вподобы тоби молодецъ? Пійдешъ за нього?—

Машка молчала и закрылась опертой въ перегородку рукою.

— Ну, тутъ ничого соромытця. Одвить намъ, що мы въ тебе допытуемось—чы согласна ты слово подать за нашого парня?—

Машка не знала, что сказать, а только еще больше попилась.

— Шо жъ, дочко, кажы, якъ ты надумалася. Людямъ треба такый чы иншый одвитъ даты...—сказала „титка Горпына, ей. Тутъ ничого соромытысь—добавила она.

— А що мени казать? Я не знаю,—процѣдила Машка, все больше и больше краснѣя.—Якъ бы въ мене батько—маты...—сказала она и заплакала, прижавшись къ притолкѣ. Напряженность разрѣшилась слезами.

Всѣмъ стало ее жалко, всѣ поняли, что ей особенно тяжело въ этотъ рѣшительный моментъ ея жизни, когда совѣтъ родныхъ „батька—матери" наиболѣе былъ бы необходимъ; всѣ хорошо знали, что только „ненька ридненька" въ эту минуту жизни никѣмъ не замѣнима... Старосты замолкли, вздохнула „титка Горпына", поникнулъ головою Хведько, а заторопѣвшій женихъ даже вышелъ изъ хаты и сталъ въ раздумьи въ сѣняхъ.

Одинъ изъ старостъ тоже на минуту вышелъ въ сѣни. Ему нужно было спросить мнѣніе жениха. На вопросъ, нравится ли ему дѣвушка, онъ отвѣтилъ:

— Вы свое робить, а мени кращои й не треба.

Вернувшійся въ хату староста подтолкнулъ товарища и, прокашлявшись, началъ опять.

— Шо жъ, воно звисно, сырота... згадала й заплакала. А все жъ такы якось, якъ то кажуть, не безъ мылосты й Господь, усе Винъ мылосердный управыть.—Вздохнувъ и немного помолчавъ, онъ продолжалъ.—Усе гараздъ буде. Дасть Господь злагоду, такъ ото тоби и батько и маты. Пожывете, злюбытеся... усе гараздъ буде. Абы тилькы одно одному до вподобы. Ото я выходывъ, пытавъ, такъ каже—мени кращои не треба.—Послѣднюю фразу онъ сказалъ почти шепотомъ, но однако же такъ, что ее услыхала Машка, переставшая уже плакать и зашедшая за порогъ „валькиря".

— Угамуйся, батькова дочко, та такы якъ слидъ намъ и кажы... а попередъ усього, будь ласкова, дай мени воды напытьця... Машка оправилась, взяла кружку и пошла въ сѣни набрать воды. Тамъ она наткнулась на жениха. Онъ взялъ ее за руку и тихонько сказалъ:

— Не плачь—я тебе жалитыму, въ мене батько, маты добри—и воны тебе жалитымуть.—

Они стояли вплотную другъ къ кругу, онъ ей жалъ руку, а она не знала, что отвѣтить ему, а только вздрагивала. Одно это мгновеніе ихъ сблизило, оба они почувствовали взаимное влеченіе...

Набравъ въ кружку воды, Машка смѣло вошла въ хату и подала напиться старостѣ, при чемъ поклонилась въ поясъ и сказала отчетливо:

— Добре здоровъя пывшы.

— Спасыби, хороша дивко. Дасть Господь у тебе на весилли и иншои выпыть,—сказалъ староста, обтирая усы и отдавая кружку.

— Ну, теперъ же дай намъ одвитъ, яка твоя согласія буде?

Машка опять отошла на свое мѣсто и не знала, какъ отвѣчать.

— Кажы, сказала „титка Горпына", хорошо понимавшая весь этотъ маневръ старосты, эту высылку старостою Машки за водою въ сѣни, лишнюю проволочку времени, употребленнаго на зачерпываніе воды изъ тутъ же около дверей въ сѣняхъ находившейся кадушки, и наконецъ по лицу дѣвушки понявшей что съ ея стороны нѣтъ противленія сватовству.—Одповидуй, ничого людей водыть, якъ думаешъ.

— Кажы, дивчыно, що небудь кажы...—добавилъ староста.

— Шо жъ я скажу? Якъ титка и братъ скажуть.

— А намъ що казать, сказала „титка Горпына"—ни мени, ни братови зъ нымъ не жыть, а тоби—ты й кажы, чы согласна виддатыся, чы якъ?..

— Кажы сама, сестро!—добавилъ отъ себя Хведько.

— Я... согласна... отвѣтила, опустивъ глаза, Машка.

— Ну, спасыби тоби, батькова дытыно, що ты насъ не водыла, а усю правду одкрыла. Теперъ, слава Тоби, Господы, наше дило Богу помолытьця и добрымъ людямъ поклонытьця хлибомъ-силлю.—Онъ всталъ вмѣстѣ съ товарищемъ, помолился на образа взялъ со стола хлѣбъ и подалъ „титкѣ Горпынѣ".

— Просымо васъ, пани-матко, хлибъ-силь одъ насъ прыйняты и намъ, яхъ слидъ по закону, порядокъ дать.

„Титка Горпына" а также и Хведько встали и первая перекрестившись взяла поданный хлѣбъ, поцѣловала его и, кладя его на столъ, торжественно произнесла:

— Дай же намъ, Господы, Маты Божа, дило до киньця довесты, дитей, якъ кажуть, за Божимъ прозволеніямъ до купы звесты. Теперъ просымо васъ, люде добри, посыдьте, погостюйте въ насъ, а ты, дочко, побижы до дядыны Катри, попросы іи сюды прыйты, вона жъ тоби не чужа чуженыця...

Машка взяла какой то платокъ въ „валькыри" и пошла изъ хаты, за нею вышелъ и Хведько и сказалъ ей, чтобы зашла и къ Сохвѣ и ее позвала. Стоявшій въ сѣняхъ женихъ по приглашенію Машки пошелъ съ нею. Когда они, держась за руки, вышли изъ калитки, то стоявшая тамъ молодежь разступилась и дала имъ дорогу, но лишь они отдалились, челядь нарочно громко заговорила и даже было кинулась вслѣдъ за ними...

— Отъ такъ Машка! Вразъ рушныкы подае!..

— Отъ така.

— Жоныхъ... фу... щей за рукы побралысь...

— Сестрычко, кличъ же въ дружкы!.. и т. п.—раздавалось вслѣдъ за изчезающими въ темнотѣ ночи молодыми. Они шибко шли не разрываясь руками, молча...

Разбуженная стукомъ въ оконницу Сохва догадалась, въ чемъ дѣло, засвѣтила огонь и впустила въ хату Машку, которая жениха оставила на дворѣ.

— Вже?—спросила Сохва, когда Машка, тяжело дыша, вошла въ хату.

— Та вже—отвѣтила она.

— Шо жъ, хлопецъ хорошый?

— Не знаю, якъ кому, а мени до вподобы, винъ тутъ... Идить до насъ, а я побижу до дядыны Катри, іи поклыкать...

— Та ты постій, поспіешъ... Покажы мени свого жоныха... Я його поклычу въ хату...—И она вышла на крыльцо. Женихъ,

не разглядѣвши, взялъ ее за руку, а она, не отзываясь, ввела его въ хату, гдѣ уже онъ увидѣлъ свою ошибку. Сохва, смѣясь, объяснила, какъ онъ сжалъ ей руку и какъ она поняла, въ чемъ дѣло, но нарочно молчала. Всѣ смѣялись, смѣялся и сконфуженный женихъ.

— Я такъ и думала, що отъ-отъ обійме, поцілуе... Веду, а винъ тилькы руку тысне...

Сохва и Машка впились веселыми глазами въ красивую фигуру потупившагося парня.

— Ну, идить же съ Богомъ! а я отъ трохы прычепурюсь и заразъ буду... проводила Сохва молодыхъ, парою опять исчезнувшихъ въ темнотѣ.

Возвратившись изъ посылки, молодые застали уже въ хатѣ оживленный разговоръ, очевидно возбужденный выпитою водкою. На столѣ уже на тарелкѣ имѣлась закуска—порѣзанная баранина, соленые огурцы и куски хлѣба. Сохва сидѣла въ сторонѣ отъ стола. Молодежи около хаты поменьшало—остались только тѣ, кто хотѣлъ видѣть самую процедуру „давання рушныкивъ", для чего они даже ставни немного пріоткрыли. Было уже далеко за полночь.

Когда вскорѣ за возвратившимися молодыми пришла „дядына Катря", не молодая уже, высокая рябоватая женщина, староста, послѣ небольшого перерыва разговора, сказалъ:

— Ну, теперъ благословить, пани матко, дивци насъ пошануваты и за наши труда плату даты. Чымъ ты, батькова дочко, награждатымешъ насъ, що прыдбала?..

— Шо жъ, дочко, пошануй добрыхъ людей тымъ, що въ тебе прыдбано — отозвалась „титка Горпына".—Де жъ вашъ молодый?—добавила она.

Машка съ Сохвою вышли въ „валькиръ", а одинъ изъ старостъ позвалъ жениха, стоявшаго въ сѣняхъ. Его усадили на лавкѣ рядомъ со старостами.

Машка, надѣвши новую кохту и пригладивъ волосы, вышла изъ „валькиря", держа въ рукахъ два „рушныка" изъ полотна,

сложенные квадратами. Сохва пріостановила ее за рукавъ и взявъ изъ „мысника“ деревянную тарелку со словами: „отъ якъ слидъ,—положила на нее рушники, и Машка, перекрестившись, тряхнувъ головой, какъ бы отгоняя какія то мысли, пошла къ старостамъ и, въ поясъ поклонившись, протянула тарелку съ рушниками.

Старосты встали и, взявъ каждый по рушнику, развернули и сказали:

— Спасиби тоби, отецька дытыно, що ты насъ пошанувала, ночи не спала, пряжу пряла и чого треба прыдбала. Давай же товарыщу, мы сами себе повьяжемо, свою честь добрымъ людямъ покажемо.—И они взаимно черезъ правыя плечи поперевязывались рушниками и со словами: „отъ такой чести сподобылысь“ усѣлись опять рядомъ на лавкѣ. Машка же между тѣмъ опать пошла въ валькиръ и оттуда вышла съ ситцевымъ въ цвѣтахъ платкомъ на тєрелкѣ, который и поднесла жениху. Тотъ взялъ платокъ и, не зная что сказать, держалъ его въ рукахъ. Сохва что-то шептала Машкѣ, но та, сконфузившись, не дослышала и себѣ стояла съ тарелкой въ рукѣ передъ женихомъ. Старшій староста, очевидно, уже не разъ бывшій въ этой роли, опять выручилъ:

— А ты, батькова дочко, прывьяжы йому хустку, а то винъ іи загубыть, на правій руци прывьяжы.

Невѣста взяла, развернула платокъ и перевязала имъ правую руку жениха повыше локтя.

На этомъ и окончилась форменная сторона обряда: сваты побрали рушникы, Машка подавала рушникы. Старосты исполнили порученіе, въ остальномъ договориться предоставлялось родителямъ и родственникамъ „зарученныхъ“.

Старосты допотчивали бутылку водки, при чемъ каждымъ выпивающимъ были высказаны пожеланія всякихъ благъ молодятамъ, щобъ якъ гараздъ почалы дило, такъ щобъ и закинчаты його, щобъ легонько сгадалось сватови и сваси и т. п. Порѣшено было, что такъ какъ завтра праздникъ „Семена“, то уже сами родители жениха прійдутъ „домовляться про все,

а старосты просятъ ихъ „хлибъ силь обминяты и ихъ честь-честю проводыты".

„Титка Горпына" взяла изъ-подъ скатерти свой хлѣбъ и со словами: „оцежъ вамъ нашъ хлибъ силь" подала его старшему старостѣ, который, перекрестившись, взялъ его и завернулъ въ платокъ. Послѣ этого старосты вышли изъ-за стола, помолились и попрощавшись пошли изъ хаты. „Титка Горпына" и Хведько проводили ихъ, а женихъ остался въ сѣняхъ.

Не много погодя Сохва повела жениха и Машку къ себѣ, а дома оставшіеся улеглись соснуть. До свѣта оставалось не много, пѣтухи ужъ два раза пропѣли.

Б. Позпанскій.

(Продолженіе будетъ).

ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ В. В. ТАРНОВСКОМУ-СЫНУ.

1857—1897.

1.

Прошу васъ, любый мій козаче, сповистыть мене про свою войну зъ Риттеромъ и про все, що зъ вамы діетьця и якъ вамъ жыветця.

Граматкы не прысылаю затымъ, що одну статью переправывъ по своёму и налигъ на цензуру, да ще за тымъ, що вся вона буде разомъ переплитатысь, щобъ де ни появытця, то всюды мала бъ одно облычче и щобъ оддалекы выдно було, що се *Граматка.*

Сповистить мене про Дебальманову семью да роспытайте такъ, незнарошне, що сталось изъ плахтою й сорочкою, на котори я давъ паніи 15 цилковыхъ.

Чы въ Кыеви Леся и чы крутятця одъ неи панычи?

Тарасъ у Ныжнёму Новгороди дожыдаетця якогось лысту на прожыванне. Хвалятця, що ему добре. Прыславъ сюды 17 акварелей, котори представляють уси тыи стороны, по которымъ винъ блукавъ невольныкомъ. Тутъ розиграють ихъ у лотерею, и шкода, що історія заточення нашого поэта розійдетця по чужымъ рукамъ. Годылось бы панамъ нашымъ захватыть у свои рукы таки клейноты. 250 срибныхъ имъ цина. Стоять того:

душа Тарасова въ тыхъ выдахъ пустынныхъ такъ и сыяе. Колы схочете вы, або Галаганъ купыть, то заразъ пышить, а гроши шлить у слидъ; ще можна захопыть рысункы. Чытавъ я й одну поэмку, котору напысавъ винъ почувшы волю. Не ослабъ, а окрипнувъ въ ёму духъ. Велыкый винъ поэтъ, во истыну! Се въ насъ найбильшый поэтъ на всій Славянщыни, а цину ёму зложать тилько тогди, якъ выйде все на явъ, що винъ понапысувавъ.

Прощайте, мій голубе сызый!

П. Кулишъ.

1857, ноября 1. С. Петерб.

2.

Коханый земляче Васылю Васылёвычу!

Не выноватьте мене дуже, що я й доси не напысавъ до васъ про Горшковського. Не хутко я дознавъ, де винъ дивъ свій старосвитськый скарбъ, а дознавшысь хотивъ знаты, що тамъ таке въ тому скарби. Продавъ винъ ёго ажъ на Подолье, якомусь пану Мыхаловському (Грабовскій знае, то колы схочете, и роспытаете въ ёго). Тамъ есть дуже гарни патреты панивъ XVII чы XVI вику. Одежа на ныхъ коштовна и гарна, а мы зовсимъ не знаемо, якъ тогди паніи ходылы нашы. Отъ тилько Скоропадськои портретъ и маемо, а глыбше початку XVIII вику—ни одного. Дуже добре було бъ, колы бъ вы такымы портретамы убралы свою свитлыцю. А то ще есть у тому скарби и значкы козацьки и старопечатни кныжкы тыхъ то друкарень, котори булы на Вкраини до *велыкои руины*. Бачте, просвищенье посунулось назадъ посли Хмельныщыны, ажъ покы дойшло до нимецького варварства нашого часу (се дарма, що мы, паны, нибы то просвитылысь); теперь тилько народнымы школамы почынае воно вертатысь до тои вышшыны, на котору пиднялось за ляхивъ. То намъ бы не мишало сберегты памятныкы такыхъ друкарень, якъ Новгородъ-Сиверська, Черни-

гивська,—тилько жъ за тымъ не дуже уганяйте; а отти портреты—дуже коштовна ричь!

Колы будете пысаты, то отъ адресъ: Въ Ялту, Таврич. губ., на дачу Абазы, Александру Андреевичу Иванову, для передачи.

Щиро прыхыльный до васъ

П. Кулишъ.

1860, іюля 23. Одесса.

3.

Коханый земляченьку

Васылю Васылёвычу!

Чуючы про мене, що я зароблю въ Лядській земли не мали гроши, вы, може, думаете соби ныщечкомъ: „Яке жъ бо ледащо сей Кулишъ! Не взявъ мій панотець у его роспыскы, то винъ соби й знитывся, наче ничого й не выненъ"!—Колы бъ вы зналы... та що й казаты? Далеби думаю про се у день и въ ночи, та ніякъ не спроможусь. Отъ же впевняю васъ, що незабаромъ зачну вамъ высылаты гроши частынамы, та й высылатыму доты, докы не наличыте трёхъ-тысячъ-шесты-сотъ-шестыдесяты карбованцивъ*), а потимъ и процентъ зличымо, та й процентъ вышлю вамъ зъ велыкою дякою, що ваша стриха и мене колысь укрыла.

Всій вашій шановній родыни нызенько вклоняюсь.

Щирый покирныкъ вашъ Панько Кулишъ.

Р. Б. 1866, лыпця 12, зъ Варшавы.

4.

Высокоповажному землякови

Васылеви Васылёвычу. Здоровъ бувай, добродію!

Сподивавсь бачытысь, добродію, съ тобою на Вкраини, та багацько нашому братови всюды дила. Оце жъ, пры добрій на-

*) Здаетця, стилькы, а не бильшъ перебравъ я въ вашого панотця грошей.

годи, озываюсь до тебе лыстомъ, абы про себе нагадаты. А нагадуючы про себе, тымъ самымъ натякаю, що одно и тежъ саме про кого—играшкы, а про кого—велыке и спасенне дило. Не сподиваюсь по тоби, щобъ играшкамы тилькы втишався. Ходышъ есы въ гарныхъ жупанахъ, кохаесся въ старосвицькыхъ клейнотахъ. Добре—спасыби тоби—робышъ. Спогадай же, коханый земляче, того Тарновського, що купувавъ есы кныгы, печатай зъ ёго гербамы. Нехай бы нихто не сказавъ, пышучы исторыю, що одколовшысь одъ Речи посполытои у козацтво, усякій старорусько̆кый вельможный ридъ зникчемнивъ. Нехай бы знавъ очоловиченый свитъ, що козачына породыла твердыхъ духомъ людей, а не якыхъ небудь гречкосіивъ та домонтаривъ. Тоби, добродію, годылось бы того доказаты, яко чоловикови такому, що зъ малку постеригъ, чого стоить наша Украина. Ты жъ маешъ и голову ясну, и серце чысте, и достатокъ чымалый. Билшъ одъ усякого иншого змигъ бы ты вславыты покозачену виру пресвитлого роду Тарновськыхъ. Воны, бувшы давнезнымы русынамы, служылы щырымъ и велыкымъ серцемъ своимъ ляцтву божевильному, а ты послужывъ бы Руси праведній... Сымъ однымъ ты бъ увесь древній свій ридъ искрасывъ. Колы жъ за своимы господарськымы турботамы, не маешъ часу добре надумать, зъ якого боку допомагаты ридній нашій матери, дакъ е въ насъ тямущи люде, що якъ браты тебе у сёму спасенному дили порадылы бъ. Чулы мы, що ты простуешъ у чужи земли, да такы й казано намъ, що ихатымешъ поузъ нашу тутешню хату. Ось прыверны лышень до насъ, то багацько де про що зъ братомъ Васылемъ тоби скажемо. Хочъ бы жъ твоя думка була й инша, то все такы ховай насъ у своихъ спомынкахъ, а мы до тебе, якъ булы, такъ и зостанемось прыхыльни.

Жинка моя любенько тоби вклоняецця. Одынъ хиба Господь знае, колы на Вкраину прыбудемо, бо кажу жъ тоби, добродію, що въ мене багацько дила всюды.

Кланяюсь тоби поклономъ, якъ голоснымъ дзвономъ.

П. Кулишъ.

Р. Б. 1868, мисяця березоля у 26, день зъ Варшавы.

5.

Пиддубень. 1869, грудня 17.

Ось бы якъ треба напысаты на святому образи, высокоповажный пане Васылю:

Споруджено сей святый образъ думкою и коштомъ мирового посредныка Васыля Васылёвого сына Тарновського про спасенный вжытокъ Плысецькои народнёи школы, року Божого 1869, мисяця грудня 17 дня.

—

Хотивъ бувъ я завытаты до вашои господы, та ніякъ не впораюсь, а тутъ грязюка невылазна! То вже хиба саньмы прыбижу на часыну.

Пани моя любенько вамъ одклоняецця. Просымо поклоныты̂сь за насъ вашій шановній пани матци.

Щыро прыхыльный до васъ П. Кулишъ.

6.

Пыталы вы въ мене, любый и высокоповажный прыятелю Васылю Васылёвычу, чого я замовкъ? Не замовкъ я, добродію коханый, а люде, якъ той мовлявъ:

„оглухлы, не чують“.

Покынувшы Варшаву, выдавъ я ви Львови виршованый украинській перекладъ кныгы Іова; потимъ выдавъ у Львови жъ такы зновъ виршованый перекладъ цилого Псалтыря; далій напечатавъ у Видни чотырма кныжечкамы чотырёхъ Евангелыстивъ, та маю рукопысну всю Библыю старого и нового завиту, зовсимъ готову до печатання. Якъ упораюсь трохы зъ господарствомъ моеи жинкы (бо самъ, опричъ пера, ничого не маю), то поиду за грягыцю печататы Святе Пысьмо все разомъ. Перекладъ кныгы Іова и Псалтыря наготовленый для сёго прозою.

Оттакъ я замовкъ, высокоповажный пане Васылю! А якъ дасть Богъ, то побачять ворогы наши и историю ридного нашого краю, тилькы не по нашому напечатану, а по нимецькы; нехай знають про Вкраину вси народы,

„За що погыбала,
За що слава козацькая
По всимъ свити стала!“

Прыславъ бы я вамъ, пры сій нагоди, по экземпляру выданыхъ за граныцею кныжокъ, та маю тилькы одынъ экземпляръ Евангелыстивъ, а Псалтыря и Іова зовсимъ не маю. Колы жъ вы хочете ихъ бачыты, то можете выпысать зи Львова одъ кныгопродавця Мыхайла Дымета, а въ Видня одъ Клема. (Wien, Buchhandler Klemm, Dorotee Strasse, № 7). А колы трапыться нагода, той въ Лейпцигу знайдете: Leipzig, E. Kasprowicz, Slawische Buchhandlung.

Прошу гарнесенько вклонытысь за мене любому вашому подружью Софіи Васылёвни.

Щыро прыхыльный до васъ П. Кулишъ.

Р. Б. 1872, квитня 20. Зъ Пиддубня.

7.

Высокоповажный Добродію,
Васылю Васылёвычу!

Незабаромъ мушу йихаты мисяцивъ на два въ Саксонію та въ Прусію. Вернувшысь увъ осены до дому, знайду стилькы всякого дила, що зновъ не можна буде одирватысь хочъ на день до вашои любои господы; то надумавсь я завытаты до васъ теперъ. Певно, вы, пидъ сей холерный часъ, день у день домонтарюете и покажете мени сами вашъ украинськый музей и вашъ славный на всю Украину паркъ.

Оце жъ до любого вытання и въ вичи вбачання.

Щыро до васъ прыхыльный П. Кулишъ.

Р. Б. 1872, червця 21. Зъ Пиддубня.

8.

Якъ зъ горемъ змишаны радощы, такъ съ прозою поэзія. Зибралы вы іи пахощы, шановный добродію Васылю Васылё-вычу, та й намъ далы понюхаты, прыславшы въ Ганныну Пустынь препышный офортовый альбомъ. Шевченко бувъ троистый поэтъ: поэтъ слова, пензеля й сьпиву. Въ двохъ першыхъ часомъ хыбывъ черезъ недосвидъ, а въ третёму суддею надъ нымъ було саме серце: тымъ и зисталась така спомынка про ёго спивання (хочъ бы й по нашому весильни), нибы мы ничого кращого й не чувалы. Блаженъ, хто въ сихъ троистыхъ роскошахъ благо-родно кохаецьця. Дякуйте мылосердному Богови, що поставывъ душу вашу на таку гарну стезю, а мы дякуемо вамъ, що вы й про насъ не забулы.

Щыро прыхыльный до вашого спасеннаго дила

Панько Кулишъ.

Р. Б. 1891, мая 29. З Ганнынои Пустыни.

---

9 [1]).

Высокоповажный добродію

Васылю Васылевычу!

Вродлыва, та бидолашня въ своій недузи Маруся Вовкивна пыше до мене, що колыбъ схотивъ я побачыты васъ у вашій дорогій Качанивци, дакъ вы заразъ бы прыслалы по мене таки кони й колеснцю, що й Соломонъ, у слави своій, не погордувавъ бы нымы. Шануючы высокочестыву память вашого панoцьця и ваше подвызанне археологичне й артыстычне, радъ бы я летиты й до тыхъ и до сыхъ ласощивъ духовныхъ орловымы крылами, да не стае въ мене снагы на докинчаньне „Старорусь-кого перекладу Сьвятого Пысьма" и хочъ працюю надъ нымъ день у день, та мучусь думкою, що покыну не докинчывшы спасенной праци. Найтруднища жъ іи частына, да ще така

---

[1]) Всѣ послѣдующія, начиная съ этого, письма писаны карандашомъ

що я одынъ зъорудую нею, се те, що въ первобутьній Библіи пысано не прозою, а виршуваннемъ. Оце жъ я вже поперевиршовувавъ нашою ридною мовою все, що виршовано въ Старому Заповиди, а такого наберецьця въ ёму цила четвертына. Тепереньки даю вже соби право позырнуты на шырокый Божый свитъ изъ нашои *Ганнынои Пустыни*, и хочъ давно вже никуды ни ижжу, а въ прославлену Качанивку поихавъ бы. Тилько прошу васъ попереду зазырнуты въ *Ганныну Пустынь* хочъ на дви годыны. И вы не здужаете и я не здужаю, тилько на вашу недугу есть ликы, а на мою нема: бо ввійшовъ уже у восьмый десятокъ людського вику. Нахай же молодишый пошануе старезнёго попереду; а за те, що вы себе переможете, я дамъ у вашъ музей те, чымъ Стара Русь переважуе Нову. Перевиршувавшы виршоване въ давнезни давна и роспочынаючы друкуваты перву ёго частыну, думаю соби: „А що якъ мій автографъ та зныкне якось у дорози за политычню прирву? Пидьнятысь у друге на таку працю не маю вже снагы ни въ дуси, ни въ тили“. Отъ узявъ тай перепысавъ соби виршовану четвертыну первобутьнёи Быбліи. Важка се була моимъ очамъ праця, да втишавсь я тымъ, що постеригъ подекуды недоладъ у моій мови, наче въ чый иншій. Оце жъ перву редакцію всёго виршованого въ Быбліи подарую вамъ, бувшы певенъ, що вона, про случай, буде цилища въ Качанивци, нижъ у Ганныній Пустыни.

Платючы жъ вамъ одвидынамы за одвидыны, думаю показаты новосоздану вашу господу й Ганни Барвиновъ: бо за очыма въ неи ничого не бачытыму, якъ и вона безъ мене дома, душа жъ у неи не зъ лопуцька, и рада подыхаты чымся гарьнищымъ надъ свою *Пустынь*. Да такы й не можна обомъ намъ покынуты на довшый часъ хуторъ, щобъ винъ изъ *Ганнынои Пустыни* та не зробывся *Паньковою Пусткою*. Людъ у тутешній Украини, посли польщизны, козащыны и московщыны, гайдамацтвуе такъ, що не давъ мени ни захыстытысь канавою й Трояновськымъ валомъ, ни обсадытысь деревомъ Руйнуе й ламае все, оправдуючы слова кгрецькыхъ черьцивъ що выхвалялы нашыхъ козакивъ передъ московськымъ царемъ

Олексіемъ словамы: „Такъ усе навкругы попустошылы, наче тамъ николы ничого не було“.

По сій же мови та буваймо здорови. Высокоповажній паньматуси вашій нызенько вклоняемось обое.

Панько Хуторный.

P. S. Колы схочете и зможете насъ одвидаты, дакъ выбирайте не буденный день. Но увы! Ганна моя захворала. Я васъ увѣдомлю, когда она будетъ въ силахъ принять достопочтенныхъ гостей.

Р. Б. 1896, вересня 24.

10.

Ждатымемо высокоповажного госьтя прызначенои годыны. Ждалы й „заразъ“, по словесы его, та ждання не згубылы.

Александру Михайловну велычаю *моею Ганною*, велыко цинуючы іи творы пидъ псевдонимомъ.

Панько Хуторный.

Р. Б. 1896, окт. 2.

11.

Велыкошанованый Добродію
Васылю Васылёвычу!

Не схотилы вы прыйняты видъ мене колысь грошыма довгу мого, що задовжывся вашому панотцеви, дакъ мусыте прыйняты моимы автокграфамы. Посылаю вамъ перву ихъ серыю; другу жъ надишлю тоди, якъ уже втеряю надію одужаты зъ моей недугы. Эге жъ бо! Занедужавъ и самъ я, дывлючысь на мою Ганну. Може, воно й окошыцця на кашли й на нежыти, (?) да стара будивля боицця й витру. Тымъ часомъ надумавсь я прыховаты въ вашому музеи мое рукопысне добро про мои насьлидныкы (а ихъ буде не одынъ та й не два, сподиваюсь). Слово наше невмыруще. Нехай же воны бачять, якъ працювавъ предокъ ихъ, та й сами ёго робомъ працюють.

Панько Хуторный.

Р. Б. 1896. Окт. 4.

12.

Р. Б. 1896, лыстопаду 12. Ганнына Пустынь.

Велыковажный Добродію
Васылю Васылевычу!

Ганна мои дякуе вамъ вельмы подячно за кыевськи ласощи та й посылае вамъ малюночокъ—хочъ и мызерный, та достойный увагы.

Якъ прылетае було до насъ пидъ виконце козарлюга зъ шаблюкою, пу́гаючы по запорозькій: „Пугу, пугу! Козакъ зъ лугу!“ тоди гостювавъ у насъ коло Золотыхъ Воритъ Левко Жемчуженко; ажъ ось пыше до ёго телеграмуючы съ Крыму Олекса Товстый, невмирущій теперыньки своею письнею: „Эхъ, кабы Волга матушка да вспять побѣжала! кабы можно, братцы, начать жить сначала!“ Занедужавсь у Крыму. Левко не звирывъ бы ніякому профанови съ своимы жывопысными пробамы, отъ и просыть мою Ганну переховаты все, а вона, позапечатувавшы всяку всячыну, знайшла роздерту на четверо картынку. Вподобавъ я сю пробу жывопысну, та й видгадавъ іи тему, и надпысавъ іи на лысточку, стулывшы докупы малюванне Левкове. Оце жъ нехай и вона йде въ васъ до гурту всякои дывовыжи, едынои на Вкраини.

Я дякую за „Коріолана“ и вертаю вамъ ёго; а свого часу надишлю й оригиналъ—автокграфъ. Бувъ винъ у Т—а ёго, яко мою рукопысь, не малы права выпускаты зъ рукъ, а й надто, що я допевнявсь іи.

Теперъ изъ ласки своеи прышлитъ мени хочъ аркушыкъ того Шекспыра, що друкуецьця въ якыйся газети за полытычнёю прирвою.

Не зьдякувать... мы вамъ обойко за ваше заклыканьне въ гостыну до „Матери городивъ руськыхъ“, та ба! Готовлю печататы кныжку завбильшкы зъ „*Дзвона*“, пидъ назвою: „*Позычена Кобза*“, переспивъ чужомовнихъ сьпививъ (покы що, Ґете, Шиллера, Байрона, Гейне); переспивувавъ же ихъ Кулишъ Олельковычъ Панько выступцемъ первымъ“ (бо хочецьця сьпи-

ваты ще й по итальянськiй, по кгрецькiй, по латынськiй, щобъ доказаты тiеи правды, що *лубьяный языкъ* не давъ бы й самому Пушкину (зривняйте „Вертоградъ сестры моей“ и поклонъ одъ Дону съ тымъ, якъ воно пересыпивано въ „*Дзвони*)“. Потимъ ще мушу напечататы „Оповидання Ганны Б—чъ, новый лыстъ зъ народнихъ устъ“. У переднихъ словахъ до первои и другои кныжкы позвиршовувано, про що мы дбаемо, а въ Оповиданняхъ кажу:

Потомкы древнёго славянського народу
За слóва стоимó и розуму свободу....

Це все мушу вхопыты одными рукамы, та ще трохы й слипуючы (не вамъ казавшы). Якъ мышъ одкусыть голову, дакъ нихто вже не дасть ничому тому ладу́, а воно, яке ни е, мусыть проводырствуваты въ моимъ переклади „Святого Пысьма„: везрозумiють бо й ворогы наши, що хто такъ высловлюе и велыкыхъ сьпивцивъ и простолюдьню мову, той не безъ громадського вжытку перекладавъ Кныгу Кныгъ....

Поселъ вашъ хапаецьця вертатысь такъ, що я не встыгъ и доси подякуваты вамъ за вашого малеваного Кобзаря зъ Гайдамакамы. Отъ що нехай лежыть на столи въ вельможного панства,—не чужеземни! Нехай и дитвора набираецьця старорусього духу тай спогадуе, „откуду пошла есть Руская земля!“.

Обiймаю васъ видъ серця, мiй соколе ясненькый!

Щыро прыхыльный Панько Хуторный.

13.

Высоконоважный Добродiю!

Цыдулу сю посылаю навпереймы вчорашнёго лысту. Дякуючы за мою Ганну, що вгонобылы ii такъ вéлыко ласощамы, я задержавъ посла вашого, а й надто, що винъ прыбувъ саме въ обиды. Студiи жъ мои забылы мени паморокы; я й не схаменувся, де вы резыдуете. Выбачайте, що такъ невважно задержавъ посла, колы ёго можна було видпустыты заразъ, а до васъ пысаты въ Кыивъ.

Дякувалы мы вчора й за пышный альбомъ Шевченкивъ. Зробылы вы нымъ соби монументъ, ушановавшы ёго велыкого,

хочъ и не обизнаного зъ наукою, духа. Щобъ то було съ сіеи кгеніяльнои людыны, колыбъ намъ изъ Ганною пощастыло взяты ёго промижъ не таки люде, зъ якымы винъ товарышувавъ (та й псувавсь) на Вкраини!

Пышучы вчора до васъ, що прядучы на тонку вже, яко людына, що ій—мовлявъ той—зосталось уже зо дьви чысныци жыты, выдхылывъ я ваши зазовыны въ Кыивъ тымъ, що хапаюсь довесты до ладу мои пысаньня. Сёгодни жъ моя стара будивля натякнула мени, що(бъ?) въ осены вже седивъ я сыдьма въ хати, дакъ у Кыивъ зимою мени ихаты хиба по смерть... Я то про неи дбаю якъ той, що пысавъ:

Покамѣстъ, упивайтесь ею,
Сей легкой жизнію друзья:
Ея ничтожность разумѣю
И мало къ ней привязанъ я...

Та хочецьця ймени покынуты сьлидъ по соби. Отъ и зачынывсь я соби въ хатыни пустынныкомъ. Знаючы се, не здывуйте, що зрекаюсь усякои втихы велыкосвитнёи, втишаючы себе тилько сьвятымы словесамы: „Теченіе жизни скончахъ и вѣру (въ слово „спасенный даръ Божый соблюдохъ“).

По сій же мови та бувайте здорови и передайте мое шанибне й прыхыльне витаньня всій вашій родыни.

Панько Хуторный.

Р. Б. 1896, лыстопаду 13.

P. S. Я вамъ оповидувавъ, якъ Т—о пидвивъ бувъ мене пидъ манастыръ тымъ, що „Зоря“ печатала бъ мого Шекспыра прыложеньнямы; я жъ „Зори“ не люблю за йіи дурощи (не кажучы ынщого). Оцимъ же то робомъ „Коріоланъ“ и заихавъ бувъ у Кыивъ, та я вернувъ ёго до дому.

14.

1896, ноября 16.

На ознаку того, якъ я поважаю ваше пораньня коло забуткивъ риднои намъ давныны, посылаю вамъ ще вязку шпаргаливъ. Себе вже выпроводжаю въ ынщый, не такый якъ сей

сьвитъ, маковъ цвитъ, що вранци цвите, ввечери опаде, а ваша дбайлыва зьбиранына попережывае й ненародженныхъ ище. Благаю тилько—не выпускаты сихъ покыдёкъ моихъ за ваши двери въ Кіеви й за ваши ворота въ Качанивци. Се памятайте, спасыби вамъ. Хто жъ бы схотивъ передывлюватысь мою покыдь, нехай передывлюецьця въ вашій господи.

Панько Хуторный.

Ганна моя покорнѣйше проситъ васъ прислать ей или Байронова Джавура на франц. языкѣ, или томикъ Байрона, въ которомъ помѣщенъ Джавуръ.

15.

Р. Б. 1896, мисяця лыстопада 28 дня.

Ой Васылю Васылыно,
Любая дытыно!
Йидешъ полемъ сывымъ конемъ—
Дывытыся мыло....

И доси вы той же „юноша благый" серцемъ, якымъ я васъ велычавъ, незнаючы ничого луччого надъ благость.

Радъ я, що й перва серыя моихъ автогкрафивъ була вамъ до любои вподобы: бо друга й третя задоволныть васъ билше.

Хвалыты Бога мылосердного, моя кохана дружына вычуняла, та й я сякъ-такъ перемогаю кашляньне. Колы маете часъ на завытаньне *въ Ганныну Пустынь*, дакъ прыбувайте якои схочете добы, не вважаючы на наше клопотлыве хуторянство. Давній прыятель уконтентуетьця нашымъ пόбутомъ, якый винъ бесоби ни è, середъ ридного мени и вамъ краю. На мое жъ безустаньне нышпоренне по кныжкамъ не вважайте: бо й самъ письмацькый богъ Аполлонъ, мовлялы латыньци, не разъ у разъ держыть лука натягненымъ (Non semper tendit arcam Apollo).

Щыро-прыхыльный до васъ укупи зъ Ганною и до вашои высокоповажнои нени—Панько Хуторный.

16.

Телеграмма.

Ваше молчаніе тревожитъ меня. Я уже извиняюсь въ своей забывчивости, отправляя благодарственное за лакомства и роскошный альбомъ и Коріолана письмо въ Качановку, а *не въ Кіевъ.*

Ганна моя просила васъ выслать ей на фр. языкѣ тотъ томикъ Байрона, въ которомъ помѣщенъ „Джавуръ“, а я прошу ссудить меня на время рукописью поэмы: „Кулишъ у Пекли“. Готовлю ее къ напечатанію въ Женевѣ и хочу просмотрѣть, нѣтъ ли въ вашемъ спискѣ какой нибудь поправки, или прибавки.

Интересуетъ меня извѣстіе о найденной у насъ въ огородѣ гривнѣ, приложенной при рукописномъ тюкѣ. Что за фигуры на ней и что за надпись: неграмотное ли подражаніе письменамъ, или плохо скопированная глаголитика?

Увѣдомьте немедленно о вашемъ здоровьи.

Панько Хуторный.

1896, декабря 2.

P. S. Поэма о пребываніи моемъ въ аду будетъ напечатана, pecuniarum causa, только въ одной сотнѣ экземпляровъ. У мене и „Дзвинъ“ только въ одномъ экземплярѣ, неброшюрованномъ и составленномъ изъ корректурныхъ. Spiewak niestetu, spiewać nie mam komu!

17.

Телеграмма *).

Допытувавсь я про мого рукопысного Шекспыра, що хтось его якось нибы друкуе по тимъ боци политычнёи прирвы, а печатаного маю, и пры сій нагоди вашого печатаного вертаю. Выбачте за недброзумъ.

*) Такъ называлъ П. А. К—шъ свои письма въ послѣднее время.

Т—ови бувъ я передавъ тры драмы: Король Лиръ, Коріоланъ и Прыборкана Гоструха, та роспытавшысь, якъ вивъ хоче ихъ друковаты, вернувъ до дому. Дывуюсь тій панноцьци: чомъ вона не выбрала котру ынщу драму, а Коріолана! Хиба се було не іи, не барышенське дило?

Поспытавъ я й у Павлыка. Пыше: „про друкованьне Шекспировыхъ творивъ доси не знаю ничого. Якъ узнаю, то напыщу вамъ".

Велыке спасыби, що прыслалы моій Ганни гарнесенье выданьня Шекспыра. Забувъ я поспытаты просючы: яка ему цина? Пры нагоди, не забудьте сповистыты.

Не знаю, про якого Чорненка пышете, що въ ёго гравырованьня Шевченкове. Колы се людына знакома, заразъ напышу до неи.

Панько Хуторный.

Р. Б. 1896, дек. 5.

Р. S. Пославъ я вчора Павлыкови печататы вви Львови первый выступець *Позыченои Кобзы*, що закинчавъ „Корныховською молодою княгынею" Кгёте и Кгрецькымы богамы Шыллеровымы. „Кулишъ у Пекли" не мусыть друковатысь за Павлыковымъ доглядомъ, щобъ не зьзилы ёго жывцемъ ильвивськи брехуны й крадуны. Пошлю ему тилько прымирнычокъ, а теперъ винъ про сю поэму не знае ничогисенько.

Повторяю настоятельнѣйше мою покорную просьбу—не выпускать за порогъ вашего музея и мѣстопребыванія ни одного листка моихъ автокграфовъ ни для *кого* и ни для *чего*.

18.

Телеграмма.

1896, декабря 16.

Князь Шаховской, Мыкола Володаренко, прыславъ мени якось дьви новынкы: кныжку Лева Товстуна и кныжку Куно-

Фишерову про молодецьке мандруваньне Шиллерове. Первои, Товстуновои, я й не розгорнувъ, а другу, Фишерову, прочытавъ зъ велыкою увагою. Раю вашій, розумно-навченій дони прочытаты въ сёму невелычкому томку странычку 244 и 245. Воны преглыбоко и прегарно выясьнюють Шилleривъ стыхотвиръ Resignation, выясьнюють про тыхъ, що возлюбылы пробуваньне людське на сьвити въ ёго справдешнёму сяеви. Пышу жъ до васъ про се не такъ соби, абы то, пышу ось чого. Колы въ библіотеци панноччыній есть у васъ Фишеръ (ни! тилько выданьня Кгёте и Шиллера съ комментаріямы такымы, якъ оцей новенькый томыкъ), дакъ я, пораючысь тепереньки саме коло „*Позычении Кобзы*", прошу надисланы мени ихъ на якыйся часъ; колы жъ нема, дакъ, памятаючы вашу лыстовну обицянку роздобуваты мени всяку таку всячыну, раю вамъ, яко сотворытелю новои эпохы въ молодыхъ вашыхъ пáганьняхъ, купыты се все, опричъ кныжкы пидъ назвою: Schillers Jugend=und Wanderjahren in Selbstbekentnissen, von Kuno Fischer.

Сю бо кныжку я подарую вашій дони (за позы́ку) на спомынъ про Пушкынське виршуваньне:

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

Ще жъ и отъ що: поэму про Гийоба (Иова) надечатавъ я вви Львови ще въ 1861 роци, не маючы жъ въ себе друкованои, пересьпивавъ іи соби вдруге, и думаю, що, посьли мого пораньня коло Сьвятого Пысьма, другый пересьпивъ переважыть первого. Нема жъ у мене и Псалтыря мого, друкованого вви Львови.

Та все лугы, все берегы,
Ниде воды тай напытыся:
Горе мени на чужыни,—
Ни до кого прыхылытыся.

Мій прымирнычокъ, гарно переплетеный у Петербурзи (переплитавъ прыятель мій Соломахынъ, той, що ёго жывцемъ

изъзивъ псевдопоэтъ Некрасовъ), я пославъ Драгоманову на щось ему потрибне. Теперъ удови его не (до) моеи кныжечкы, а въ васъ „на славній Украини" вже другый разъ прошу та й не допрошусь ни въ кого. Чы нема въ васъ?

Додатокъ до телеграмы 1896, дек. 16.

Прошу пры нагоди выслаты мени такый спысокъ „*Кулеша въ Пекли*", де въ кожній письни наличять бильше десяты стыховыхъ строфъ, позначеныхъ рымською цифирою; опричъ того, прошу выслаты той „заспивъ до поэмы", де билше строфъ, нижъ у другыхъ засьпивахъ.

Та ще пры нагоди—коробочку пиръ зъ надпысомъ угори: Perry et C⁰, а збоку medium points. Я звыкъ такымы пирамы пысаты, иншымы жъ не вмію.

Бачте, якъ изъ нашымъ братомъ клопотно водытысь! Выбачайте старому!

P. S. Фылософыя Куно-Фишерова е въ мене. Мени треба тилько те зъ ёго чытаты, що годыцьця до „*Позыченои Кобзы*".

Треба бъ мени чытаты й ёго розумованьня про Шекспыра, а може винъ пысавъ и про Байрона. Си кныжкы згодяцьця вашымъ насьлидныкамъ. Ихъ викъ буде розумнищый одъ XIX-го, и намъ треба дбаты про ёго.

17.

Телеграма. 1896, дек. 21.

Тилько що пославъ до васъ одну телеграму, поселъ нашъ прынисъ вашу посылку, пышу й другу. Про Чорненка не я вамъ казавъ. Я й не знаю, де винъ и що винъ, а якъ знатыму одъ васъ, напышу до ёго заразъ.

Про стародавню грывню пысатыме Ганна: бо се вона знайшла, а яжъ тилько сховавъ.

Спасыби за *„Кулеша въ Пекли“*. Переглядившы ёго, заразъ и верну. Изъ Женевы нема видпысу. Може, святкы по новому стылю перебывають.

Лычманъ, що вы прыслалы, носытыме достойно и праведно небога Ганны Барвинокъ, Ганна Половыныха, прехороша сьпивачка й людына. Жыве въ За́рози по-визъ ту Оржыцю, що пысавъ Гребинка:

Хто знае Оржыцю? а нуте озывайтесь!..
Уси мовчать... Гай, гай, яки шолопай!..
Вона въ Сулу тече, у нашей сторони.
Вы, брацьци, все такы домивкы не цурайтесь.

Послано мени зъ Галычыны рукопысный початокъ „Устыхотворенои Быблiи“, що готую оприч прозо́вого повного Сьвятого Пысьма про вжытокъ людей малопысьменныхъ; та й нема про ёго „повѣсткы“. Якъ ще довше не буде, вытребую реципысь изъ Болехова и прышлю вамъ.

Сей то початокъ є въ мене въ рукопысяхъ, да не хочецьця вдруге перепысуваты ажъ 18 лыстскивъ. И такъ багацько въ мене всякого пысаньня. Тымъ же то я й выдумавъ соби телеграмуваньне. Honny soit qui mal y pense.

P. S. Спасыби, що готови допомогаты мени кныжкамы въ по́зыку. Отъ же якыхъ позычте: первого тома хочъ и Таухницевого выданьня Байрона, що почынаецьця ёго сатирою на англыйськыхъ бардивъ и шотландськыхъ крытыкивъ. Треба мени сю сатиру прочытаты.

18.

Телекграма.

Велыко дякую за Байрона и прошу напысаты, скилько за ёго и за ёго прыче́пу заплачено.

Чы не можна бъ вамъ роздобуты мого Псалтыря, надрукованого вви Львови? Верну циленького съ подякою. Ще прошу запомогты мене товкмаченымы понимецькiй творамы Кгете (Ghöte).

Сами творы маю, а хотилось бы прыслухатысь, якъ що розуміють у ныхъ нимци,—се есть: якъ воны зазырають у саму душу поэзіи ёго твору. Такъ само хотивъ бы я знаты, якъ нимци розуміють Байроновы творы.

Пославъ я вамъ оповистку пидъ назвою: „О мѣстонахожденіи Ганнино-Пустынской гривны". (Здаетьця заказнымъ лыстомъ). Чы одéржалы?

Колысь у Екатеринослави подаровано мени портретъ отця Владимера, що про ёго сьпивають:

Кругомъ церквы сичовои
Калавуры сталы,
Священныку Владымеру
Служыты не далы.

Я тоди просывъ мени не посылаты, а якъ одержыте зъ Екатерынослава посылку на 10 р., дакъ знайте, що се прыбувъ до васъ отець Владымеръ.

Той, що подарувавъ его мени, бувъ соби антыкварій и ховавъ свій старосвицькый скарбъ у якомусь мурованому лёху. Чы не довидалысь бы вы, що то за лёхъ и що то бувъ за скарбъ.

Се бувъ покійнычокъ Петро Ивановычъ Зуйченко.

Чи помагае вамъ ванна?

Ганна Барвинокъ прыхыльно вамъ видклоняеця.

Вышла въ Галычыни новà кныжка журнальця Натали Кобрыньськои „Жиноча доля". Тамъ надруковано оповиданьне Ганныне, выйняте зъ народнихъ устъ у Мотроновци. Хотивъ бы я, щобъ вы роздобулы. А до насъ, мабуть, не допускають. Послано мени (пышуть) 18 лыстивъ такъ званои „Устыхотвореной Библіи". Ся Библія мусыть буты предтечею „Старорусьского перèкладу Сьвятого Пысьма", яко босоногый проповиднықъ велыкой премудросты про малопысьменну громаду. Я потребовавъ реципысъ, чы квитанцію застрахованого пакета. Роспытайтесь, покы що (спасыби вамъ), якъ вызволыты мою рукопысь, а тымъ часомъ, колы въ васъ é выразный пысарець, нехай бы винъ перепысавъ сей почынокъ Устыхотвореной Библіи in quarto (у четвертушку). Посылався почынокъ сей на перéглядъ покійнычкови Мыхайлови

Золотоверхому, а теперь ёго пересыла до мене пани Кобрынська Наталка зъ Галичыны, зъ Болехова, а може й зи Львова.

Р. Б. 1897, стычня 8 (января).

P. S. Выдавцемъ псалтыря могó, моимъ же такы й коштомъ, бувъ Барвинськый, а де винъ дивавъ уси прымирныкы, я не знаю: за вси мои кныжкы, яки булы вви Львови, я не одержавъ ни видъ кого ни одного кгульдена.

19.

1897, леденя (января) 24.

Телекграмма.

Боимось, чы не занедужалы вы! бо не видпысуете. Вертаю вамъ *Кулеша въ Пекли.*

Устыхотвореной Быбліи допысувать въ васъ не треба,— вернулась цилисинька.

Спасыби вамъ за теку*): згодылась до наготовляньня сёго й того, щобъ не шукаты. Ганна Барвинокъ дякуе за прывитання и видклоняетця вамъ любесенько.

К.

---

*) Портфель.

Изъ семейной хроники Берловъ.

(1672—1805).

Когда, послѣ изданія дворянской грамоты въ 1785 г., малорусская козацкая старшина стала записываться въ „списки дворянскихъ родовъ“, то многіе изъ новыхъ дворянъ, недовольствуясь представленіемъ въ доказательство своего „благороднаго происхожденія“ гетманскихъ универсаловъ и другихъ *козацкихъ* документовъ, повѣствовали еще и о своихъ *до-козацкихъ* предкахъ, досягая при этомъ иногда и до римлянъ... При помощи Окольскаго и Нѣсецкаго (авторы польскихъ гербовниковъ), особыхъ затрудненій для такихъ повѣствованій—не представлялось. Такъ, переяславскіе „паны“ *Берлы*, Иванъ и Пантелеймонъ, правнуки переяславскаго полковаго судьи Ивана Берла, представляя въ к. XVIII в. доказательства своего „дворянства“, не удовольствовались указаніемъ на гетманскіе универсалы о службѣ ихъ прадѣда, а обратились еще къ Окольскому и Нѣсецкому. Здѣсь въ числѣ гербовъ нашли они *зуброву голову*, признали его своимъ гербомъ и затѣмъ смѣло уже разсказывали о своемъ древнемъ *благородствѣ*, какъ видно изъ слѣдующаго „доказательства“ ихъ дворянства.—„Пишутъ авторы Окульскій и Нѣсецкій въ гербутѣ (sic), что тотъ гербъ (*зубра*) внесенъ отъ старыхъ римлянъ въ 155 году въ Валахію, гдѣ большіе домы въ Валахіи означали фамиліи свои; а когда король польскій и венгерскій Вла-

диславъ Ягеловичъ войну имѣлъ съ турками, за султана Амурата, въ 1440 году, и съ арміей своей, польскою и венгерскою, къ которой присовокупился и господарь волошскій Тымша, съ 15-ю тысячами своего войска, и дошелъ съ тѣми войсками подъ Бѣлградъ, то турецкій султанъ, узнавъ о семъ и собравши больше ста тысячъ войска, напалъ на короля и разбилъ его; при этомъ одинъ изъ войска волошскаго воинъ выскочилъ и оборонилъ короля, не допустивъ его убить, и—хотя и раненаго—довезъ его до королевскаго обозу. За это король Владиславъ Ягеловичъ, въ знакъ благодарности, одарилъ того воина золотымъ *берломъ* *) и отголь сему воину дано прозваніе Берла и, кромѣ того, онъ былъ припущенъ къ индигнату шляхетства и рыцарства, а конституціями за нимъ были утверждены всѣ вольности шляхетства и рыцарства польскаго. И тотъ воинъ сей свой гербъ до Литвы принесъ и тамъ домъ ихъ, Берловъ, „состоялъ", съ которыхъ Берловъ—Федоръ Берло былъ канцлеромъ литовскимъ, Казиміръ Берло—каштеляномъ виленскимъ Николай Берло—подкоморымъ смоленскимъ, Анастасій Берло—подсудкомъ кіевскимъ. По выходѣ же въ Россію, Иванъ Берло былъ полковникомъ стародубскимъ, Ивановъ сынъ (Василій) Берло сотникомъ воронковскимъ и судьею переяславскимъ, Ивановъ сынъ Андрей—бунчуковымъ товарищемъ, Андреевъ сынъ, просителей (т. е. Ивана и Пантелеймона) отецъ, Иванъ—войск. товарищемъ и судьею полковымъ переяславскимъ".

Располагая частью фамильныхъ документовъ Берловъ, мы можемъ сказать, что о *мифическихъ* Берлахъ, перечисленныхъ выше, разумѣется никакого упоминанія въ этихъ документахъ, нѣтъ, а свѣдѣнія объ *историческихъ* Берлахъ, „вышедшихъ въ Россію"—невѣрны. Въ к. XVIII в. Берлы многое уже забыли изъ жизни своихъ „дѣдовъ", а о многомъ не хотѣли вспоминать. Изъ приведеннаго выше „доказательства" одно несомнѣнно, что Берлы происходятъ изъ *волоховъ*, т. е. изъ Молдавіи; это происхожденіе видно изъ усвоеннаго ими герба *головы чер-*

---

*) Berło ein Stock, eine Stange, das Scepter. (*Linde*).

наго зубра (głowy czarnej zubrzej), указывающей на województwo Wołoskie, т. е. Молдо-Валахію [1]). Во второй половинѣ XVII в. въ Малороссію приходило много „волоховъ" искать службы и счастья; цѣлые отряды ихъ бродили по гетманщинѣ, предлагая свои военныя услуги тѣмъ или другимъ искателямъ власти. Иногда эти волохи осѣдали цѣлыми селами, какъ это указываютъ: *Волошиновка*, въ Переяславскомъ и *Волосковцы*—въ Сосницкомъ уѣздахъ. Въ Переяславскомъ уѣздѣ и теперь остались прозванія, которыя на первый разъ звучатъ, какъ нѣмецкія, а въ дѣйствительности оказываются молдавскими. Услыхавъ когда то фамилію покойнаго кіевскаго профессора В. А. *Беца*, мы не сомнѣвались въ его нѣмецкомъ происхожденіи; а затѣмъ, познакомившись съ нимъ, мы узнали, что предки Беца были *волохи*, осѣвшіе въ Переяславщинѣ, причемъ покойный профессоръ объяснилъ намъ, что молдавское слово *бецъ* означаетъ *плеть*, *бичъ*. Такими же волохами были конечно и Берлы, помнившіе о своемъ волошскомъ происхожденіи и потому присвоившіе себѣ гербъ Молдо-Валахіи. Нѣкоторые изъ этихъ волоховъ попадали и въ старшину, предварительно связавъ себя бракомъ съ мѣстными людьми. Такимъ образомъ въ началѣ XVIII в. братья Русты, Петръ и Яковъ, судя по прозвищу—волохи, попали въ замѣтную старшину: Петръ былъ протопопомъ воронковскимъ, а Яковъ—сотникомъ терехтемировскимъ. Выйдя въ люди, Русты стали называться Рустановичами [2]).

Первымъ извѣстнымъ изъ Берловъ становится Иванъ Берло, бывшій сначала воронковскимъ сотникомъ (1696—1706), а потомъ переяславскимъ полковымъ судьею (1707—1711). Онъ оставилъ, кромѣ разныхъ земельныхъ документовъ, еще и очень пространное, *собственноручно* написанное (въ 1717 г.) духовное завѣщаніе, изъ котораго и можно видѣть—ктó такіе были родоначальники Берловъ, причемъ, между прочимъ, объясняется

---

[1]) Herby Ryc. Polskiego. B. Paprockiego. Изд. Туровскаго, стр. 922.

[2]) Рустановичи были пасынками воронковскаго сотника Ивана Берла, который ихъ называетъ въ своемъ завѣщаніи то Рустановичами, то Рустами („пасынки мои от. Петръ Руста и Яковъ Руста...")

и происхожденіе переяславскаго епископа Арсенія Берла, о чемъ печатаемыя свѣдѣнія до сихъ поръ остаются невѣрными. Въ началѣ второй половины XVII в. въ Малороссію пришли два брата *волоха*, оба Иваны, прозывавшіеся Берлами. Не знаемъ какимъ образомъ одинъ изъ нихъ, старшій Иванъ, сталъ около 1670 г. мглинскимъ сотникомъ. По всей вѣроятности, тутъ имѣла мѣсто женитьба на дочери какого-нибудь вліятельнаго лица Стародубщины, такъ какъ есть свѣдѣнія, что родичи жены Ивана I-го Берла жили въ Стародубѣ. Младшій Иванъ Берло жилъ въ это время въ Воронковѣ. Старшій братъ рано умеръ, оставивъ малолѣтнюю дочь Анну. Передъ своею смертью, онъ вызвалъ изъ Воронкова во Мглинъ брата, который его и похоронилъ (въ мглинской церкви Воскресенія Христова). Распродавъ оставшееся послѣ брата имущество, кромѣ „скрини зъ фантами" и платьемъ, которую Иванъ поручилъ на сохраненіе теткѣ малолѣтней дочери умершаго, онъ послѣднюю забралъ съ собою въ Переяславщину.—

Младшій Берло, въ это время еще неженатый, повидимому, женился въ эту поѣздку въ Стародубѣ на дочери извѣстнаго Якима Сомка, казненнаго осенью 1663 г., послѣ его неудачнаго соперничества съ Брюховецкимъ. Кромѣ вдовы Ирины, Сомко оставилъ одну дочь Прасковью. Съ этою дочерью Ирина Сомчиха, *) послѣ смерти мужа, проживала въ Стародубѣ, будучи, вѣроятно, оттуда родомъ. Здѣсь, кажется, познакомился съ нею Берло младшій, послѣ смерти своего брата, причемъ это знакомство могло возникнуть и изъ того обстоятельства, что и Сомко, и Берло—были земляками по м. Воронкову. Сохранился очень интересный универсалъ Б. Хмельницкаго, по которому Сомко получилъ около м. Воронкова и сосѣдняго съ нимъ с. Рогозова—земли, принадлежавшія прежде польскимъ „панамъ". Мы до сихъ поръ почти не имѣемъ свѣдѣній о томъ—какъ рас-

*) Ирина Сомкова родомъ была *Короповна*, такъ какъ Иванъ Берло въ своемъ завѣщаніи упоминаетъ о „сестрѣ рожоной панеи Сомковой именемъ Галки *Короповны* Даниловой". Въ Галку, Галочку, Галю въ Малороссіи переиначиваютъ имя Анны.

порядилось „Войско" съ тѣми землями лѣвобережной Малороссіи, которыя оставались послѣ убитыхъ и бѣжавшихъ отсюда за Днѣпръ землевладѣльцевъ-поляковъ. Несомнѣнно, что большую часть оставшихся безхозяйными земель тутъ-же захватывалъ народъ, какъ мѣстный, такъ и нахлынувшій сюда изъ-за Днѣпра. Но были случаи, когда эти зе́мли раздавались по распоряженію Хмельницкаго. Такъ мы знаемъ, что оставшіяся послѣ лубенскихъ бернардиновъ земли гетманъ отдалъ лубенскому Мгарскому монастырю. Монастырю земли даны были, конечно, безмездно; но встрѣчается случай, когда оставшіяся послѣ „пановъ" земли „Войско" *продавало*, и продавало козакамъ. Такой случай встрѣчаемъ именно относительно Сомка, какъ это видно изъ слѣдующаго универсала Б. Хмельницкаго,—„ознаймуемъ симъ нашилъ писаніемъ, кому бы о томъ вѣдать належало, *ижъ отдалъ до скарбу нашого войскового Якимъ Сомковичъ*, товарищъ нашъ, *сумму певную за всѣ грунта панскии*, такъ воронковскіе, яко и рогозовскіе, за которыми нивами сумму отобравши, онии въ поссесію и вѣчное заживане помененному Якимовѣ подаемъ, хотячи мѣти, абы заразъ обнявши, яко своими власными диспоновалъ и къ своему найлѣпшому пожиткове оборочалъ" *).

Случай продажи оставшейся послѣ „пановъ" земли именно Сомку тѣмъ интереснѣе, что это былъ шуринъ Б. Хмельницкаго, который (кажется) первымъ бракомъ былъ женатъ на сестрѣ Сомка. Какъ бы то ни было, Сомко оселился въ Воронковѣ и жилъ тутъ, пока не погибъ въ 1663 г. Послѣ смерти Сомка, вдова его почему то покинула земельное свое имущество въ Переяславщинѣ и удалилась въ Стародубщину. Очень вѣроятно, что она боялась Брюховецкаго, такъ какъ по смерти послѣдняго Сомчиха выпрашиваетъ, въ 1671 г., у его преемника Многогрѣшнаго подтвердительный универсалъ на земли мужа. Но кажется, что вдова не смогла возстановить свое прежнее владѣніе или не заботилась объ этомъ, продолжая жить въ Стародубщинѣ. Здѣсь пови-

*) Универсалъ написанъ 26 іюня 1655 г., „подъ Бадомъ" (Баромъ?). *Съ копіи.*

димому встрѣтился съ нею младшій Берло, сталъ ея зятемъ и засимъ получилъ отъ тещи право на принадлежавшія Сомку земли, которыя затѣмъ поотбиралъ отъ лицъ, ими завладѣвшихъ [1]). Сомковскихъ земель, повидимому, было не мало, такъ какъ получивъ ихъ въ свое распоряженіе, младшій Берло сталъ замѣтнымъ въ своей сотнѣ человѣкомъ. Съ Сомковной Берло прожилъ недолго: она вскорѣ умерла, оставивъ ему сына Василія и дочь Ирину. Умирая, Сомковна отцовскія свои земли завѣщала сыну Василію.—Берло скоро затѣмъ женился второй разъ, на вдовѣ Татьянѣ „Щуровщанкѣ", у которой, отъ перваго брака съ какимъ то Рустою, было уже два сына—Петръ и Яковъ. Называя свою вторую жену на польскій манеръ *Щуровщанкою*, Берло говоритъ конечно о Щуровской; вѣроятно, это была дочь переяславскаго полковника Афанасія Щуровскаго, казненнаго въ 1663 г., вмѣстѣ съ Сомкомъ, по интригѣ Брюховецкаго. Но и вторая жена Берла скоро умерла, оставивъ ему, какъ и первая, сына и дочь, Арсенія и Софью. На третьей женѣ Берло женился около 1692 г.; звали ее Анною Мазапетовною. Это была дочь, повидимому, майора черниговскаго великорусскаго гарнизона Константина Мазапеты, который былъ женатъ на Маринѣ Грязной, дочери ополячившагося русскаго шляхтича Бориса Грязнаго, имѣвшаго богатыя имѣнія въ Черниговѣ и потерявшаго ихъ во время Хмельнищины [2]). Съ Мазапетовной Берло прожилъ до своей смерти и оставилъ ее вдовою. Съ этою женою Берло устроилъ свое благосостояніе, нажилъ земли и получилъ войсковые уряды, сначала воронковскаго сотника (1696—1705), а потомъ переяславскаго полковаго судьи (1706—1711).

Выше уже сказано, что первая жена Берла Прасковья Сомковна всѣ отцовскія земли завѣщала сыну своему Василію, а оставшаяся послѣ ея движимость отдана была самимъ Берломъ рожденной отъ брака съ нею дочери Иринѣ. Татьяна Щуровская, повидимому, земельнаго имущества съ собою не принесла,

---

*) См. въ *приложеніи* духовное завѣщаніе Ивана Берла, которое печатаемъ здѣсь полностью въ виду особаго интереса этого документа.

*) Опис. Стар. Малор., II, 513.

а ея движимость отдана была рожденной отъ брака съ нею дочери Софьѣ. Поэтому, когда Берло женился на Мазапетовнѣ, то, по словамъ его, она не застала въ мужниномъ домѣ „жадной готовизны нѣ зъ срѣбра, нѣ зъ цѣни (цинковая посуда), а нѣ зъ фантъ покойныхъ первыхъ двухъ женъ, бо любо,—говоритъ Берло въ своемъ завѣщаніи,—що зъ сплендоровъ (одежды и другихъ принадлежностей женскаго костюма) покойной жены моей Сомковны было позостало, тое дочери моей Иринѣ, зъ Сомковною спложенной, досталося; также по небожцѣ Татиянѣ Щуровщанцѣ що было позостало зъ вношения (вношене=приданое) небожчиного, тое Софиѣ дочери моей, зъ нею споженной, оддано усе"...

Нажитыя во время своего старшинства земли Берло, какъ водилось, закрѣпилъ актами властей. Первый утвердительный актъ на маетность Берло получилъ отъ своего полковника Томары, осенью 1711 г., наканунѣ своей отставки. По этому „универсальному писанію" за Берломъ утверждались нажитые имъ „грунта въ сотнѣ Воронковской, хутора и хаты", а именно: шинковыхъ домовъ два, хата, прозываемая Ребриковскою, хата Ковтуновская, хата Зелененького, хата Оверковская, хата Бутенковская, хуторовъ два, подъ мѣстомъ (т. е. около Воронкова), прозываемые: Перехристовскій и Горкушевскій; млинъ тамъ-же подъ мѣстомъ, вешнякъ, (у котораго млина ставку неводомъ рыбы ловить невольно, а волокомъ вольно [1]). Хуторъ въ с. Рогозовѣ, хуторъ въ селѣ Жеребятинѣ, тамъ же „островецъ", лозы, гай на Каранѣ, другой гай за селомъ Софіевкою, третій—Лисенковскій. Тутъ же и люди, живущіе въ своихъ хатахъ, но „ко двору" его п. Берла „наслуговуючіе", которые по именамъ слѣдующіе: Климъ Шолопокъ, жеребятинскій... (и т. д.—еще десять душъ). Утверждая это имѣніе за Берломъ, полковникъ говоритъ: „уважаючи на прислуги его, п. судѣ нашего на тотъ часъ полкового, приватно и публѣчно въ Войску чрезъ *килка десять лѣтъ* значне роненніи, всѣ тіи вишъ писанніи

[1]) Кому же? Вѣроятно, ставокъ былъ чужой, и волокомъ рыбу ловить позволялось Берлу.

грунта, футорѣ и хати, также и село Рогозовъ (*которое онъ по заслузѣ своей, отъ сорока уже лѣтъ, зъ ласки войсковой, въ своемъ владѣніи мѣетъ*) [1]) потверждаемъ и повагою сего нашего *унѣверсалу* пилно варуемъ"... Объявляя объ этомъ подтвержденіи, полковникъ добавляетъ: „люде зась въ своихъ хатахъ жіючіи, а до двору его, пана судѣ, наслуговуючіи здавна, тутъ-же описанныи, якъ предъ симъ до двору его належали сами, такъ и потомкове оныхъ албо хто въ тихъ хатахъ по ихъ жити будетъ, ему жъ п. Берлу, жонѣ и наслѣдникомъ его *подсутствовати* [2]) и наслуговати мѣютъ, а п. сотникъ, атаманъ и войтъ жебы до ихъ не интересовалися и нѣ въ чемъ не чепали"... Упоминаемыя въ этомъ „универсалѣ" [3]) *хаты*, разумѣется, были пустыя и наготовлены были для бродившихъ „лёзныхъ" [4]) семей, которыя въ нихъ осѣдали, какъ рои пчелъ въ ульяхъ, и, сѣвъ, становились *подсосѣдками*. Такими подсосѣдками были и тѣ одиннадцать лицъ, которыхъ актъ полковника называетъ поименно и которымъ полковникъ приказываетъ *наслуговать* Берлу, разумѣется до тѣхъ лишь поръ, пока они будутъ жить въ его хатахъ, при чемъ и упоминаніе о потомкахъ этихъ подсосѣдковъ тоже другого значенія не имѣетъ.—Вслѣдъ за полученіемъ этого акта Берло вышелъ въ отставку, вѣроятно, по старости.

Вмѣстѣ съ отставкою Берло получилъ отъ того же полковника своего Томары другой „универсалъ", на с. Панфилы,

---

[1]) По генер. слѣдствію Переясл. полка (*Сборникъ Харьк. Истор.-Филол. Общ.*, VIII, 255), с. Рогозовъ сначала „надлежало до сотнѣ Воронковской, а послѣ больше сорока уже тому лѣтъ, завладѣлъ Иванъ Берло, будучи сотникомъ воронковскимъ"... Это значитъ, что Берло захватилъ Рогозовъ въ свое владѣніе, пользуясь благопріятными обстоятельствами, т. е. добрыми отношеніями съ полковниками...

[2]) Повидимому, въ этомъ словѣ пропущенъ, по ошибкѣ, слогъ *сѣ*, т. е. имѣлось въ виду написать малоупотребительное *подсусѣдствовати*. Слѣдовательно, полковникъ приказывалъ живущимъ въ хатахъ Берла людямъ—*наслуговать* ему, какъ вообще „наслуговали" *подсосѣдки*.

[3]) Подобные свои акты полковники обыкновенно называли „*листами*" и оч. рѣдко—*универсалами*.

[4]) *Лёзными* (отъ польск. luźny, lóźny) назывались праздношатавшіеся крестьяне, свободные отъ какого бы то ни было „подданства"; иногда эти люди въ польскихъ законоположеніяхъ называются *гультяями*. См. у *Линде*.

которое находилось у Берла, повидимому, въ урядовомъ владѣніи по рангу судейства:—„Памятаючи мы, едно, на стародаввія службы въ Войску безпрестанно роненнія п. Ивана Берла, знатного товарища войскового, въ кождомъ неодступне походѣ праци, другое—во всякихъ полѣценнихъ ему одъ насъ интересахъ, совершенно истинную управность, хочай и уряду судейства полковбго переяславского на собѣ не маетъ, однакъ самое достоинство велитъ ему всякій показати ку его жъ пожиткови респектъ, прето не инное наше ему якое оказуючи респектованне въ совершенствѣ, тилко село Панфили, въ сотнѣ Яготинской лежачое, якое и за уряду судейства мѣлъ во владѣніи, теперь ему жъ пану Ивану Берлу подаючи въ область, симъ нашимъ стверждаемъ *универсаломъ*... (*Выданъ 24 іюня 1712 г.*) Этотъ полковничій универсалъ тогда же былъ утвержденъ и универсаломъ Скоропадскаго. Томара, повидимому, очень благоволилъ къ Берлу, такъ какъ въ іюнѣ 1715 г. выдалъ ему и другой актъ, которымъ увольнялъ крестьянъ Берла, посаженныхъ имъ на *скуплѣ*, отъ общественныхъ повинностей: „Ознаймуемъ симъ нашимъ писаніемъ, ижъ просилъ насъ п. Иванъ Берло, знатный товарищъ войсковый, абысмо людей его, въ Панфилахъ *на грунтахъ его купленнихъ мешкаючихъ*, отъ тяглостей посполитыхъ, подачокъ и станцій (постоевъ) уволнили; прето мы, не отмовивши его п. Берла прошенію, респектомъ знатнихъ услугъ его жъ въ полку нашомъ и во всемъ Войску Запорозкомъ ронячихся зъ давнихъ лѣтъ, помянутыхъ оного людей на *власныхъ грунтахъ*, въ селѣ пререченномъ *живучихъ*, уволняемъ, зачимъ, абы п. сотникъ яготинскій зъ урядомъ, а особливе атаманъ и войтъ панфилскіе, преречениихъ пана Берловихъ людей до жаднихъ повинностей посполитыхъ, поборовъ, работизнъ и подводъ не важилися потягати и станций на ихъ насилати и иншихъ трудностей чинити не дерзали“... Хотя это распоряженіе полковника относилось, какъ мы понимаемъ, только къ тѣмъ крестьянамъ, которые жили на *скуплѣ* [1]), и

---

[1]) *Скупля* противополагалась крестьянамъ, жившимъ на собств. „грунтахъ“.

слѣдовательно относилось далеко не ко всѣмъ панфильскимъ крестьянамъ, но тѣмъ не менѣе и такія распоряженія полковники дѣлали рѣдко, и настоящій случай указываетъ, что Томара очень милостиво относился къ Берлу, дѣлая для него болѣе или менѣе исключительное распоряженіе.

Познакомившись съ имущественнымъ положеніемъ Берла, скажемъ о его семьѣ.

Старшій сынъ Берла Василій учился, въ „кіевскихъ школахъ", и отецъ его въ своемъ завѣщаніи говоритъ, что это ученіе сына „не безъ кошту" обошлось ему, такъ какъ нужно было „господы" (квартиры) нанимать и „инспекторамъ за науки платить готовизною", т. е. деньгами, а не продуктами какими. Какъ видно, то обстоятельство, что Василій получилъ по завѣщанію дѣдовскія земли, не освобождало отца отъ тратъ на его воспитаніе. Женился Василій Берло на Настасьѣ Ивановнѣ Сулимовнѣ, отецъ которой, женатый на дочери бывшаго переяславскаго полковника Леонтія Полуботка, сначала былъ воронковскимъ сотникомъ, а потомъ генеральнымъ хоружимъ. Такимъ образомъ старшему сыну Берла высватана была жена изъ знатнаго рода, который связывалъ его съ властными людьми въ гетманщинѣ: жена В. Берла была напр., родною племянницею извѣстнаго черниговскаго полковника Павла Полуботко. Женившись, Василій отдѣлился отъ отца, причемъ послѣдній нашелъ нужнымъ тогда же дать сыну часть своей земельной „худобы". Далъ онъ ему изъ недвижимаго имѣнія два двора, одинъ—въ Воронковѣ, въ которомъ тотъ родился, „на плецу половиною Сомковскомъ" (т. е. дворъ, половина площади котораго принадлежала Сомку), а другой дворъ, въ которомъ самъ Берло когда то жилъ и въ которомъ указаны слѣдующія постройки: „свѣтлица съ комнатою", „пекарня" съ сѣньми, коморъ двѣ, „подъ единъ побой, на помостахъ" [1]), кухня, погребъ «походящій» (походной), „шопа" (сарай) надъ погребомъ. Данъ былъ Василію еще и „млинъ на греблѣ руччинской, объ одномъ ка-

---

[1]) Подъ единъ побой=въ одну связь, а на „помостахъ" значитъ—съ *дощатымъ*, а не съ *землянымъ* поломъ.

менѣ мучаномъ". Кромѣ того, отецъ „осадилъ" для Василія подъ около Воронкова „слободку, человѣковъ десятковъ килко подданныхъ, на землѣ покойной панеѣ Сомковоѣ, "при чемъ,—добавляетъ Берло,—„сотникуючи тамъ (въ Воронковѣ) килко десять лѣтъ, чинилъ тимъ людямъ (жителямъ слободки) дефолгацію и полегкость и обороняемъ отъ всякихъ тяжаровъ мѣскихъ". Изъ движимости Василій при женитьбѣ получилъ: „коней двое верховыхъ съ седзенемъ (сѣдломъ) и уздечкою гончою" (верховою), шесть лошадей рабочихъ („клячъ"), плугъ воловъ (т. е. три пары), коровъ пять, овецъ тридцать и пчелъ двадцать ульевъ. Денегъ на Васильеву свадьбу издержано, по словамъ отца, 700 золотыхъ, изъ которыхъ 300 нужно де было занять... Женитьба Василія Берла на Сулимовнѣ можетъ быть дала ему и возможность занять урядъ воронковскаго сотника, который передъ тѣмъ занимали сначала тесть его, а потомъ отецъ.— Послѣ Василія остался одинъ сынъ Иванъ, служившій бунчук. товарищемъ; у него были только дочери [1]).

Дочь Ивана Берла отъ Сомковны, Ирина, вышла замужъ за какого то „пана" Петровскаго „изъ Переяслава." Вѣроятно, это былъ Лука Петровскій, писарь Переяславскаго полка (1696—1706), взятый шведами вмѣстѣ съ переясл. полковникомъ Мировичемъ въ плѣнъ, въ 1706 г., по освобожденіи отъ котораго въ 1712 г., получилъ полковое сотничество [2]).

Отъ второй жены, вдовы Рустановича, Берло имѣлъ сына Арсенія и дочь Софью. Арсеній Берло, какъ будущій переяславскій епископъ, обращаетъ на себя особое вниманіе, тѣмъ

---

[1]) Изъ нихъ Татьяна была замужемъ за войск. товар. Дмитріемъ Волевачемъ (1775 г.), Наталья—за кіевск. бурмистромъ Семеномъ Козельскимъ и Аграфена—за какимъ то Василіемъ Варфоломеевымъ.

[2]) Лука Петровскій владѣлъ селомъ Скопцами, даннымъ ему Мазепою въ 1696 г. Послѣ Петровскаго остались двѣ дочери: Евдокія, бывшая замужемъ за бунч. тов. Степаномъ Максимовичемъ, и Анна, мужемъ которой былъ Бахчевскій выкрестъ изъ евреевъ, служившій у переясл. епископа Шумлянскаго и получившій за эту службу санъ священника. Его сынъ Иванъ Бахчевскій былъ извѣстнымъ дѣльцемъ въ Переяславщинѣ въ к. XVIII в. См. Сулим. Арх., 113.

болѣе, что печатныя свѣдѣнія о его происхожденіи почти всѣ невѣрны [1]).

Арсеній, какъ и старшій его братъ, учился сначала въ тѣхъ же „кіевскихъ школахъ“, причемъ и для него нанимались „инспекторы“, которымъ платилось „готовизною“. Но Арсеній, какъ видно, и самъ къ наукамъ настолько прилежно относился, что не удовлетворился кіевскими школами, и послѣ нихъ отправился для дальнѣйшаго образованія во Львовъ, какъ это нерѣдко дѣлали ученики Кіевской академіи въ к. XVII и нач. XVIII в. в.—Выправляя Арсенія во Львовъ, отецъ снабдилъ его „сукнями“ (верхнею одеждою), далъ ему „коня съ возомъ“ и денегъ талеровъ двадцать. Во Львовѣ Арсеній пробылъ нѣсколько лѣтъ и вернувшись оттуда, сталъ просить отца—позволить ему принять монашество („принять габѣтъ“) въ Печерской лаврѣ. Отецъ не перечилъ сыну, но такъ какъ „въ часъ постригу“ Арсенія отецъ его куда то отлучался изъ дому (вѣроятно, въ какой нибудь походъ), то Арсенія снаряжала въ монашество его мачиха Мазапетовна. Для этого сдѣлана была ему одежда: пара „суконь“ (верхняя одежда), сутана штаметовая (*стамедъ*=особаго рода сукно) и „реверенда“ (ряса) тонкаго французскаго сукна, подшитая волчьими „шлямами“ (подбрюшина). Кромѣ того, Арсенію дана была пара буланыхъ коней-возовиковъ, съ „колясою“. Принявъ монашество, Арсеній уже въ 1717 году былъ архидіакономъ митрополіи Кіевской. Въ 1722 году онъ ѣздилъ въ Москву съ ризницею и свитою, къ посвященію Вар-

---

1) Напр., въ *Историческомъ Очеркѣ Полтавско-Переяславской епархіи*, игум. Поліевкта, (Полтава, 1868 г., отд. оттискъ изъ Полтавск. епарх. вѣд. 1867 г. №№ 18—24), Арсеній называется сыномъ переяславскаго протоіерея на основаніи записи въ *синодикѣ* ланфильской церкви, гдѣ говорится: „Родъ отца Берлы протопопы переяславского. Помяни, Господи, рабовъ своихъ: Іоанна, Татіану, Анну, Марину, Марію, іеромонаха Арсенія“. Въ этихъ именахъ слѣдуетъ видѣть отца и мать Арсенія и его сестеръ (Анну двоюродную и Марину родную). Называемый въ этой записи—протопопъ переяславскій былъ конечно Андрей Берло, который могъ сдѣлать и самую запись. Невѣрныя свѣдѣнія игумена Поліевкта повторены г. Н. Левицкимъ въ его исторіи Переяславской семинаріи. Кіевск. Стар. 1889 года февр., 428.

лаама Ванатовича на кіевскую архіепископію. Въ это время Арсеній посвященъ былъ во іеромонаха и вслѣдъ затѣмъ—въ санъ архимандрита съ назначеніемъ настоятелемъ Кіево-Межигорскаго монастыря. Можетъ быть, въ это время Арсеній обратилъ на себя особое вниманіе Феофана Прокоповича, которое было причиною, что въ 1729 г. Арсеній былъ избранъ епископомъ Могилевско-Бѣлорусской епархіи и утвержденъ въ этомъ санѣ синодомъ и императоромъ [1]). Но польскій король не согласился на епископство Арсенія, указывая, что онъ избранъ не изъ знатнаго дворянства. Тѣмъ не менѣе Арсеній прожилъ въ Могилевѣ около трехъ лѣтъ, именуясь администраторомъ Могилевской епархіи [2]). Потерявъ надежду получить утвержденіе въ санѣ могилевскаго епископа, Арсеній отправился въ Петербургъ и здѣсь при дѣятельной помощи Феофана Прокоповича, въ 1733 г. былъ назначенъ епископомъ переяславскимъ. Переяславскіе епископы этого времени считались коадъюторами кіевскихъ митрополитовъ, въ областъ управленія которыхъ входила вся Полтавщина. Вѣроятно, пользуясь тѣмъ, что въ этотъ моментъ митрополитовъ въ Кіевѣ не было, а были лишь кіевскіе архіепископы, Арсеній обратился въ синодъ съ представленіемъ объ освобожденіи Переяславской кафедры отъ кіевской зависимости и дать ей такія же права, какія имѣла кафедра Черниговская. Представленіе Арсенія было уважено (видимо, при помощи Феофана Прокоповича), и съ августа 1733 г. Арсеній получилъ право самостоятельнаго епископства съ наименованіемъ переяславскимъ и бориспольскимъ. Впрочемъ предѣлы Переяславской епархіи ограничились однимъ *Переяславскимъ полкомъ* (теперешніе уѣзды Переяславскій и Золотоношскій); остальная Полтавщина продолжала находиться въ вѣдѣніи Кіева. Въ 1735 г. Арсеній былъ переведенъ въ Бѣлгородскую епархію, но его болѣзнь (вывихъ ноги) помѣшала этому перемѣщенію, и онъ остался въ Переяславѣ. Изъ общественной дѣятельности Арсенія Берла

---

1) См Труды Кіевск. Дух. Акад. 1865 г., кн. 3, стр. 604—607.

2) *Свѣдѣнія о Полт. Переясл. епархіи и ея архипастыряхъ*, игум. Поліевкта, стр. 38—39.

въ его епископствѣ главною является учрежденіе въ Переяславѣ училища, по кругу преподаванія, равнявшагося теперешней семинаріи. Въ 1737 г. сдѣлано было общее распоряженіе объ „учрежденіи во всѣхъ епархіяхъ и въ пристойныхъ мѣстахъ, училищъ, по духовному регламенту, для обученія въ нихъ учениковъ священнаго чина и церковнаго причта дѣтей, на славяно-латинскомъ языкѣ грамотѣ, а потомъ граматикѣ, риторикѣ и другимъ высшимъ наукамъ", при чемъ вмѣстѣ съ тѣмъ запрещалось опредѣлять въ церковные чины „неученыхъ людей". Около этого же времени было ограничено поступленіе козачьей старшины въ духовные чины тѣмъ, что „въ дьяконы и попы велѣно было принимать не иначе какъ по аттестатамъ мѣстной власти и по позволенію войсковой канцеляріи, понеже многое число духовныхъ не у мѣста суть и дабы козакамъ въ войсковой службѣ умаленія не было". (П. Соб. Зак., № 6614, п. п. 12—13). Въ виду этихъ указовъ высшаго правительства, Арсеній, съ своей стороны, сдѣлалъ слѣдующія распоряженія. Сначала нужно было устроить въ Переяславѣ домъ для школы; для этого дома намѣстникъ Кіево-печерской лавры пожертвовалъ находившіяся вблизи Переяслава четыре хаты. Заботясь о перевозкѣ ихъ въ Переяславъ, Арсеній писалъ въ іюнѣ 1738 г. золотоношскому протопопу слѣдующее: „намѣрены мы сего лѣта, при домѣ нашемъ, устроить училище, на которое по требованію нашему о. Илларіонъ Негребецкій, Кіево-печерскія лавры архимандритъ съ братіею, соблаговолилъ подарити четыре хаты, за рѣчкою (Трубежемъ) стоячія, якія хаты къ катедрѣ нашей въ скорости были бъ перевезены, со всея епархіи нашей опредѣлили мы выстачить подводъ 50. По учиненному отъ насъ распоряженію, съ протопопіи своей Золотоношской изволь, всячестность твоя, подводъ *поодноконь*, числомъ пятнадцать, прислать въ катедру для перевозу оныхъ хатъ на число сего іюля 10 непремѣнно, собравъ тіи подводы безобидно: у едного священника возъ, въ другого—лошадь, а отъ третего—кто къ подводѣ человѣка сопредѣлитъ. Въ тѣхъ же училищахъ, якъ дастъ Богъ устроить, священическія и церковно-причетническія дѣти святого ученія имѣютъ

обучатися, что будетъ къ большей славѣ и прославленію имени Божія, къ пользѣ же отечества..." Въ другомъ указѣ (11 сентября) тому же золотоношскому протопопу Арсеній пишетъ: „въ новосооруженныхъ при домѣ нашемъ архіерейскомъ училищахъ имѣютъ быть сего года зачаты ученія—фары и инфимы, граматики, синтаксимы, поэтики, риторики, для якихъ ученій уже и учители учреждены... А дасть Богъ слѣдующаго октября на второе число, непремѣнно представлять всей епархіи нашей Переяславской имѣючіе сыновъ своихъ, долженствуютъ подъ опасеніемъ штрафа и наказанія. И тіи ученики, священническіе дѣти, которыя слушали синтаксиму, то здѣсь (будуть слушать?) поэтики, которыя поэтики то здѣсь—риторики и которыя риторики ихъ слушали бъ непремѣнно (?).... „Отсюда слѣдуетъ догадываться, что въ открытое осенью 1738 г. Переяславское училище были переведены изъ Кіева уже учившіеся тамъ сыновья священниковъ Переяславской епархіи, при чемъ имъ даны были нѣкоторыя льготы. О дѣйствительномъ открытіи осенью 1738 г. Переяславскаго училища говоритъ указъ Арсенія, писанный 6 ноября 1738 г., въ которомъ читаемъ: „за помощію Божіею, при катедрѣ нашей Переяславской (мы) устроили училища и *уже въ нихъ собравшіеся ученики славяно-латинскаго ученія обучаются*, которымъ искусныхъ учителей учредили и содержимъ въ катедрѣ нашей; особливое же имъ зъ дому нашего архіерейского опредѣлили пропитаніе". Указываемое здѣсь „пропитаніе" отпускалось изъ „катедры", повидимому, учителямъ, а ученики кормились въ *бурсѣ*, при чемъ пища для нихъ поставлялась со всей епархіи, какъ видно изъ слѣдующаго мѣста того же указа: „а для учениковъ со всей епархіи отъ церковныхъ пожитковъ и священническихъ доходовъ, по учиненному расположенію, токмо една пашня (рожь) да мука пшеничная да гречаная отчасти собрана, и то еще не совсѣмъ, понеже круповъ, сыра, масла и прочихъ къ пропитанію потребностей не имѣется; а во ономъ расположеніи опредѣлено—безъ чего всячески обойтись невозможно, того для по сему вновь учиненному расположенію, всечестность ваша, опредѣленное выстачить для пропитанія обу-

чающихся учениковъ долженствуетъ"... [1]) „Искусныхъ учителей", о которыхъ говорится въ этихъ указахъ, Арсеній приглашалъ изъ Кіева; еще и въ 1743 г. онъ просилъ тогдашняго печерскаго архимандрита Тимофея Щербацкаго прислать ему, въ Переяславъ, двухъ ученыхъ монаховъ изъ лавры, для преподаванія риторики и піитики [2]). Заботы Арсенія объ устройствѣ Переяславскаго училища дали основаніе тогдашнему учительскому его персоналу называть это училище *Берліанскою коллегіей* [3]). Позже изъ этой *коллегіи* образовалась Переяславская семинарія.

Заботясь объ устройствѣ переяславскаго училища, Арсеній однакожъ личныя матеріальныя средства отдавалъ преимущественно на украшеніе Кіевской лавры; такъ, онъ дарилъ туда нѣкоторыя церковныя вещи, а въ 1741 г. пожертвовалъ *тысячу червонцевъ* на позолоту главы въ новой лаврской колокольнѣ. Эта огромная для тогдашняго времени сумма указываетъ, что архіерейскіе доходы и въ незначительной малорусской епархіи въ XVIII в. были не малые и что о благолѣпіи лавры, гдѣ Арсеній „принялъ габѣтъ", онъ заботился болѣе, чѣмъ о нуждахъ своей епархіи.

Умеръ Арсеній Берло 7 іюня 1744 г.

Родная сестра Арсенія, дочь Щуровской, Софья выдана была замужъ за Евстратія Гулака. Гулаки были старые переяславцы, происходившіе отъ переяславскаго обозпаго Ивана Гулака (1688 г.); у этого обознаго былъ сынъ Иванъ же, который въ 1699 г. былъ переяславскимъ полковымъ сотникомъ; сыномъ этого Ивана

---

[1]) Всѣ три указа напечатаны г. Павловскимъ въ Полтавск. Епарх. Вѣдом. 1878 г., № 2. См. также Полт. Еп. Вѣд. 1882 г., № 19, стр. 935—938.

[2]) *Очеркъ* игум. Поліевкта, стр. 12.

[3]) Недавно мы встрѣтили одинъ изъ учебниковъ этой *коллегіи* 1743 г., озаглавленный такъ: „Volumen continens in se varias occupationes nec non scholastica exercitia recte dicendi lingua latina ad praecepta alvariana traditum in gratiam ac usum roxolanae juventuti studiosae in *collegio Berliano-Pereiaslaviae* professore infimae ac mediae classis Jacobo Javorski. Anno salutis humanae 1743, n annum 1744". Здѣсь же кстати замѣтимъ, что списокъ учениковъ *Берліанской Коллегіи* за 1744 г. напечатанъ въ Кіевск. Стар. 1888 г., ноябрь, 23—26; въ немъ начится „учениковъ"—130, въ шести классахъ, начаная отъ „фары" до „риторики."

Ивановича Гулака былъ зять Берла Евстратій Гулакъ, занимавшій въ 1734 г. урядъ своего отца. О данномъ дочери Софьѣ *вѣнѣ*, при выдачѣ ея замужъ, Иванъ Берло въ завѣщаніи говоритъ: „выдавши оную въ станъ малженскій, отвѣнили (Софью) по нашой зможности такимъ вспоможеніемъ: сплендоръ (украшенія) увесь, якъ належитъ бѣлоголовскій (женскій), монисто перловое (жемчугъ), сребра питного судинокъ (сосудовъ для питья)—три, поясъ у пьять гривенъ (вѣсу) срѣбрный, дощатий (изъ пластинокъ), сутозлоцѣстій. Кромѣ того, „подъ часъ веселя Софіиного, дали ей коня зъ колясою, а потомъ еще: коней два и коровъ четыре."

Отъ Мазапетовны у Ивана Берла было два сына и три дочери, да еще была на рукахъ у Берла его племянница, дочь старшаго Ивана Берла, Анна, которую онъ взялъ на свое попеченіе послѣ смерти брата. О ней Берло разсказываетъ въ своемъ завѣщаніи, что достигнувъ возраста, Анна влюбилась въ какого-то Антона Тарловскаго, который, выкравъ ее изъ Воронкова, женился на ней. Этотъ поступокъ „братанки" (племянницы) очень оскорбилъ дядю, который почелъ самовольный ея уходъ изъ его дому за „встыдъ себѣ". Но когда Анна пріѣхала съ мужемъ просить у дяди прощенія, то послѣднее тутъ же было ими получено. Антонъ Тарловскій можетъ быть былъ отцомъ того извѣстнаго „дикаго попа", который по преданіямъ игралъ такую видную роль въ колонизаціи Екатеринославщины и который будто бы вѣнчалъ императрицу Елисавету Петровну съ Разумовскимъ въ Козельцѣ, на пути ихъ въ Кіевъ [1]). Изъ завѣщанія Ивана Берла видно, что Антонъ Тарловскій уже въ 1717 г. былъ священникомъ. Берло подробно перечисляетъ тѣ подарки, которыми онъ надѣлялъ молодую чету при ея посѣ-

[1]) О „дикомъ попѣ" о. Кириллѣ Тарловскомъ см. Черниг. Губ. Вѣд. 1887 г. № 63, гдѣ записано преданіе о томъ, что онъ сочеталъ императрицу бракомъ („съ необычайною простотою и таинственностью") съ гр. А. Г. Разумовскимъ, въ небольшомъ деревянномъ дворцѣ, построенномъ къ пріѣзду, на берегу Остра, въ г. Козельцѣ". Преданіе записано со словъ глубокаго старика, мѣстнаго протоіерея Ф. И. Долинскаго (умершаго лѣтъ десять назадъ), почему преданіе это не лишено значенія.

щеніи дяди, при чемъ Тарловскіе дали послѣднему и „квитанцію", что они не будутъ затѣмъ „турбовати Берла за отцовскую отчизну". Изъ этой „квитанціи" слѣдуетъ заключить, что источникомъ для подарковъ служило отцовское наслѣдство, „братанки", оставшееся у дяди... Тутъ же Берло упоминаетъ, что, онъ выхлопоталъ мужу племянницы и приходъ („парафію") въ с. Нехайкахъ, давши за это тогдашнему переяславскому епископу Захарію Корниловичу „червоного золотого". Отъ Мазапетовны Берло имѣлъ двухъ сыновей—Данила и Андрея, и трехъ дочерей—Марину, Настасью и Елену. Разсказавъ въ завѣщаніи о положеніи своей семьи, Берло далѣе говоритъ, что главная его цѣль заключается въ томъ, чтобы послѣ его смерти старшія дѣти (отъ первыхъ двухъ женъ) не спорили съ своею мачихою Мазапетовной и ея дѣтьми и чтобы при этомъ „костьми его, Берла, не ворушили". Къ этому Берло добавляетъ, что если старшія дѣти отъ первыхъ двухъ женъ рожденныя, въ чемъ считаютъ себя обиженными и обдѣленными по этому завѣщанію, то онъ проситъ ихъ заявить свои претензіи теперь же ему лично, пока онъ еще живъ, а онъ обязывается каждому изъ нихъ дать полное объясненіе и исправить то, что окажется неправильнымъ; все это обѣщаетъ онъ сдѣлать, лишьбы они, старшія дѣти, по смерти его, не безпокоили его жену, на которую они „похвалки чинятъ". Женѣ своей Мазапетовнѣ Берло по завѣщанію назначилъ слѣдующія имѣнія: дворъ въ Переяславѣ, купленный у тамошняго протопопа Николая Мосцицкаго, хуторъ въ с. Панфилахъ и другой хуторъ въ с. Роговозѣ, а также и всѣ вообще земли. Все это имѣніе завѣщается „самой женѣ" и меньшому сыну Андрею, „ежели будетъ поволный матцѣ" (т. е. если будетъ слушать мать); а если этотъ сынъ окажется непослушнымъ, то завѣщаемое имѣніе должно принадлежать одной женѣ, а жена, во всякомъ случаѣ, „повинна будетъ съ тихъ же набитковъ випосадити дочерей Настусю и Елену, когда Господь Богъ подастъ имъ станъ малженскій воспріяти"; при этомъ самъ отецъ назначилъ этимъ дочерямъ по пять коровъ и по пять рабочихъ лошадей

(„клячей") и кромѣ того, еще по пять кубковъ „пестрозлоцѣстыхъ". Сынъ Данило и дочь Марина здѣсь не упомянуты конечно потому, что они въ это время были уже отдѣлены.

Тутъ слѣдуетъ замѣтить, что старый Берло называя въ завѣщаніи своемъ два *хутора* въ Панфилахъ и Рогозовѣ, какъ намъ кажется, маскируетъ этимъ названіемъ *села* Панфилы и Рогозовъ, которыхъ онъ не считалъ себя въ правѣ *завѣщать*, а между тѣмъ, имѣя въ Панфилахъ и Рогозовѣ купленныя земли съ сидѣвшими на нихъ крестьянами, онъ могъ говорить и о хуторахъ...

Написавъ завѣщаніе, Берло послалъ его „до вычитання" старшимъ двумъ сыновьямъ, которые вслѣдъ за тѣмъ пріѣхали сами въ Переяславъ, гдѣ жилъ старый Берло, и тутъ стали было „домовляться отчизни", „нажитой съ сеею женою" (т. е. Мазапетовною); но отецъ „деклировалъ", что отдаетъ имъ только то, что нажилъ съ ихъ матерями, а что̀ нажилъ съ Мазапетовною, то все отдаетъ дѣтямъ отъ нея рожденнымъ. Споры отца съ сыновьями продолжались, какъ говорится въ завѣщаніи, нѣсколько дней, пока наконецъ сыновья уступили, „склонившися, не нарушаючи отцовскаго себѣ благословенія", и приняли то, что кому изъ нихъ тестаментомъ назначено, при чемъ просили у отца еще „прощенія съ тѣмъ одозвомъ, же уже вовся не мѣли турбовати жены его и дѣтей съ нею спложенныхъ"... Духовное завѣщаніе Берло написалъ въ 1717 г., не обозначивъ его мѣсяцемъ, а 1-го января слѣдующаго 1718 г. Василій далъ отцу письменное обязательство, [1]) которымъ, *по совѣту отца*

[1]) Року 1718, иануария мѣсяца 1. Я, Василій Берло, будучи на сей часъ сотникъ воронъкувскій, чиню вѣдомо симъ моимъ рукописаніемъ, ижъ по благословенію всемилостивого моего патрона и добродѣя его мил. папа Иоанна Беръла, милого родителя, часьти отчизны трудами и стараньемъ родителскимъ на мене спадаючой, набитой, рѣчей рухомихъ и нерухомихъ, зъ доброй моей волѣ, п. братамъ моимъ Данилу и Андрѣеви, зпложеннимъ зъ панею Анною Мазапетовною, второю родителкою моею, уступую по согласію и совѣту любимого отца брата моего Арсенія Берла, и якъ въ той децисии кондицѣя за рукою его превелебности виражена, на томъ и я руку свою подписую. Василій Беръло, сотникъ варонъкувскій, рукою власною. (*Съ подлинника*).

брата Арсенія Берла, уступилъ право свое на слѣдовавшее ему отцовское наслѣдство братьямъ Данилу и Андрею.

Заботы Ивана Берла о соглашеніи старшихъ сыновей на уступку ими своихъ правъ на „отчизну"—младшимъ братьямъ, указываетъ, по нашему мнѣнію, что старый Берло изобрѣталъ здѣсь способъ—какъ бы маетности свои, Рогозовъ и Панфилы, полученныя по универсаламъ, передать вдовѣ и младшему сыну помимо Василія и Арсенія, на что онъ не имѣлъ права. Называя эти маетности въ завѣщаніи лишь *хуторами*, Берло, повторяемъ, имѣлъ въ виду *усилить свое право* на распоряженіе ими... Какъ видимъ, Берло достигъ своей цѣли, но едва ли не потому лишь, что Арсеній, будучи монахомъ, не только что самъ согласился отказаться отъ права на „отчизну", но и старшаго брата къ тому склонилъ.

Иванъ Берло умеръ, оставивъ вдову съ тремя неустроенными дѣтьми: сыномъ Андреемъ и дочерьми Настасьей и Еленой. Время смерти его не извѣстно, но вдова его обратилась къ гетману съ просьбою объ утвержденіи за нею мужниныхъ маетностей въ нач. 1721 года, почему можно думать, что и мужъ ея умеръ около этого жо времени. Въ универсалѣ Скоропадскаго, выданномъ (28 марта 1721 года) вдовѣ Берла, читаемъ: „вдова панѣ Анна Мазапетовна презентовала намъ *унѣверсалъ* нашъ, въ року 1712, ему небожчику Ивану Берлу выданный, *на село Рогозовъ* и на футоръ тамошній, прозываемій Пѣсоцковскій, такожъ *листъ* покойного п. Стефана Томари, полковника переясловского, ему жъ небожчику Берлу въ року 1715 данный, *зъ уволненемъ людей въ селѣ Панфилахъ десяти человѣкъ*, на власныхъ его покойного покупленныхъ грунтахъ *погребцами* [1]) мешкаючихъ, отъ налоговъ, поборовъ ратушныхъ и роботизнъ... и просила *на всѣ тіи добра* нашой унѣверсалной конфѣрмаціи". Исполняя эту просьбу, гетманъ

---

[1]) Слѣдуетъ думать, что слово *погребцы* употреблено здѣсь въ смыслѣ *землянокъ*. Въ Прилуцкомъ уѣздѣ есть село *Погребы*, возникшее на мѣстѣ разореннаго татарами села *Держикрая*; можетъ быть и тамъ названіе Погребовъ возникло отъ тѣхъ землянокъ, въ которыхъ ютились новые насельники стараго *селища*.

выдалъ универсалъ, „повагою котораго всѣ вишеписанние добра и грунта въ безперепонное заживане ей, паней Берлиной, ствердилъ“, съ обычными оговорками относительно послушанія крестьянъ, которые „безъ всякого огурства послушенство и повиновеніе отдавати долженствуютъ“.

Одновременно съ матерью обращался къ гетману и старшій сынъ ея Данило, въ то время бунчуковый товарищъ, съ просьбою объ утвержденіи за нимъ маетностей; какихъ именно—неизвѣстно, но онъ получилъ универсалъ, въ томъ же 1721 г., только на дворъ въ Воронковѣ и на хутора́ въ Воронковской сотнѣ. Можно думать, что Данило Берло обратился къ гетману съ просьбою объ утвержденіи за нимъ „отчизны“, по крайней мѣрѣ въ части, но что гетманская канцелярія (т. е. въ дѣйствительности генер. писарь Савичъ) нашла возможнымъ во всемъ исполнить завѣщаніе Ивана Берла, а Данилу—дать универсалъ лишь на то, что, повидимому, отцемъ было ему отдано еще при жизни.

Послѣ смерти мужа, Мазапетовна осталась жить съ младшимъ сыномъ Андреемъ и двумя незамужними дочерями. Андрей скоро устроился, получивъ мѣсто священника въ переяславской успенской церквѣ, и мать осталась безъ защитника, тѣмъ болѣе что и старшій сынъ ея Данило вскорѣ умеръ (прежде 1725 г.).—Этимъ положеніемъ вдовы Берлихи воспользовались сильные сосѣди и начали ее тревожить, захватывая ея земли. Въ это время на младшей дочери Берла посватался канцеляристъ генер. канцеляріи Андрей Володковскій. Одно мѣсто его службы давало уже ему значеніе, почему Мазапетовна имѣла основаніе искать въ немъ защитника своего „дома“. Желая привязать Володковскаго къ этому своему „дому“, Мазапетовна отдала ему село Рогозовъ. Любопытный объ этомъ актъ вдовы „Берлиной“ гласитъ слѣдующее: „Поневажъ дѣйствіемъ и изволеніемъ Божіимъ сбылося, же п. Андрей Володковскій, генер. войск. канцеляріи канцеляристъ, дому моему усиновился, дщерь мою Елену себѣ за малжонку понялъ, и видячи я его ку себѣ и дѣтямъ своимъ: Андрею Берлу и сыновой моей Даниловой Берлиной удовствуючой,

вичливость и пріязнь, и во многихъ теперъ приключающихся трудностяхъ и турбаціяхъ, такъ о завладѣніи млина и о отнятіи подданныхъ, и въ прочихъ обидахъ и разореніяхъ помоществующого своимъ коштомъ и працею, того ради я, *переговоривши съ сыномъ своимъ Андреемъ Берломъ*, священникомъ, *на вспарте его, Володковского господарства, маетность покойного мужа моего село Рогозовъ* заслуженную и отъ пятидесяти пяти лѣтъ владѣемую... *вручаю и уступаю*; да въ томъ же селѣ власній, купленій за гроши мужемъ моимъ прозываемій Пѣсоцковскій хуторъ"... во вѣчность и потомное владѣніе ему, п. Володковскому, дарую... Упомянувъ о передачѣ при этомъ Володковскому всѣхъ документовъ на Рогозовъ и на Пѣсоцковскій хуторъ, вдова затѣмъ добавляетъ: а мѣлъ бы хто его, Володковского, зъ дѣтей моихъ, чили зъ внучатъ, чили съ первой и другой женъ покойного мужа моего дѣтей, якихъ духовною за живота своего отдѣлилъ, якъ надлежитъ, вивѣнилъ и квѣтовалъ, турбовати, трудности и препятствія чинити въ тихъ грунтахъ, отъ мене Володковскому даннихъ, или ихъ отнимати, то яко тать и хищникъ чужого имѣнія буде зо мною и мужемъ моимъ на страшномъ второмъ пришествіи предъ нелицемѣрнимъ судіею судится и да будетъ анаѳема проклятъ" [1]).

Такимъ образомъ по этому акту Мазапетовна отдаетъ затю *населенную* мужнину *маетность, помимо сыновей...* Правда, мужъ ей, умирая, далъ ей власть распоридиться селами по своему усмотрѣнію; гетманскій универсалъ какъ бы укрѣплялъ за нею это право; но тѣмъ не менѣе обычное право препятствовало вдовѣ отдавать полученную по универсалу маетность зятю, хотя на эту уступку и согласился, какъ говоритъ актъ, младшій сынъ Мазапетовны. И мы видимъ, позже, что распоряженіе вдовы всетаки не смогло стать крѣпкимъ, такъ какъ

---

[1]) Подпись: Анна Мазапетовна Берлина, неумѣющая писать сину своему подписать рукою повелѣла. Андрей Берло рукою приложилъ свято успенскій переяславскій... (Конецъ вытертъ).

Володковскій, не смотря на свое положеніе [1]), удержать за собою Рогозова не смогъ: это видно изъ того, что въ к. XVIII в. владѣльцемъ этого села былъ одинъ изъ внуковъ Андрея Берла.

Выше уже сказано, что младшій сынъ Ивана Берла, Андрей, промѣнялъ козацкую саблю на рясу священника. Вѣроятно, что священство Андрея Берла явилось слѣдствіемъ близкаго его родства съ Арсеніемъ Берломъ, протекція котораго обѣщала младшему брату карьеру и въ духовномъ его званіи, а козацкая старшина иногда предпочитала эту карьеру—воинской, въ виду связаннаго съ ней освобожденія отъ походовъ и другихъ воинскихъ повинностей. Извѣстенъ такой случай: въ 1724 г., передъ походомъ козаковъ въ Сулакъ, сынъ бунч. товарища Якимъ Кулябка, желая избѣжать этого похода, поѣхалъ было въ Кіевъ „для поповства,“ но полковникъ послалъ за нимъ въ погоню съ приказомъ, „чтобы онъ того не дерзалъ чинить“. (Зап. Як. Марк., I, 55). Несомнѣнно, что Андрей Берло не проигралъ въ перемѣнѣ общественнаго своего положенія, такъ какъ послѣ священства въ переяславской успенской церкви, онъ сталъ переяславскимъ протопопомъ и оставался на этомъ мѣстѣ до смерти, около двадцати лѣтъ (1735—1755 г.). Священство не мѣшало Андрею Берлу получить по смерти матери во владѣніе одну изъ отцовскихъ мѣстностей, с. Панфилы. Кромѣ того, на протопоповствѣ Берло наживалъ всякаго рода „худобу“ такъ-же успѣшно, какъ это дѣлала и старшина. Напр., по купчей 1755 г., „попадя“ сосновская, по умертвіи мужа своего священника сосновскаго Герасима Золотухи, съ сыномъ своимъ священникомъ с. Ничипоровки Иваномъ Золотухою, продала отцу Андрею Берлѣ, протопопу переяславскому, ставокъ съ гребелькою и берегами“, около с. Соснова, „*вподовжъ разстояніемъ въ версту*“, *за сто рублей*. Такое пріобрѣтеніе, какъ „ставокъ“ (прудъ, а м. б. и озеро) *длинною съ версту* (образовавшійся изъ заливовъ Супоя, при которомъ расположены села Панфилы и Соснова),

[1]) О Володковскомъ, А. В., см. Опис. Ст. Малор., II, 45. Изъ генер. канцеляріи онъ получилъ урядъ нѣжинскаго полкового есаульства (1734—1746), котораго лишился за участіе въ насиліяхъ полковника Божича.

заплоченное столь дорогою для того времени цѣною, было пріобрѣтеніемъ несомнѣнно крупнымъ [1]).

Послѣ Андрея Берла остался сынъ Иванъ, который въ 1764 г. былъ войсков. канцеляристомъ, а затѣмъ въ отставку, въ 1773 г., получилъ чинъ полков. судьи. У него было четыре сына: Павелъ, Иванъ, Пантелеймонъ и Михаилъ, изъ которыхъ Иванъ и Пантелеймонъ по спискамъ 1805 г. значатся корнетами и владѣльцами: Иванъ с. Рогозова (53 крест. м. п.), а Пантелеймонъ—с. с. Панфиловъ и Комаровки (108 крест. м. п.).

О потомствѣ старшаго брата Андрея Берла—Данила точныхъ свѣдѣній у насъ нѣтъ; но въ документѣ 1799 г. показаны *троюродными братьями* сыновей Ивана Андреевича Берла — Матвѣй и Пантелеймонъ, называющіе себя сыновьями полковаго писаря Владиміра Берла. Зная, что у старшаго сына Ивана Берла Василія былъ одинъ только сынъ (Иванъ), слѣдуетъ заключить, что Владиміръ Берло былъ сыномъ Данила Ивановича Берла, умершаго раньше своей матери. Гдѣ онъ былъ полковымъ писаремъ—изъ документовъ не видно.

На этомъ кончаются наши свѣдѣнія о Берлахъ, найденныя въ обрывкахъ ихъ семейнаго архива. Какъ ни скудны эти свѣдѣнія, но все же въ нихъ находимъ нѣсколько интересныхъ чертъ для исторіи общественнаго быта старой Малороссіи, а при скудости этого рода свѣдѣній слѣдуетъ сохранять и такія черты. Только заботливымъ подборомъ послѣднихъ можно приготовить достаточный матеріалъ для давно ожидаемой книги—*о юридическомъ бытѣ старой Малороссіи.*

Ал. Лазаревскій.

---

[1]) По смерти Андрея Берла, младшій сынъ священника Герасима *Золотухи* Герасимъ *Злотковскій* возбудилъ противъ Андреевагв сына—Ивана Берла споръ требуя и свою долю доплатить за „ставокъ", вслѣдствіе чего Берло и доплатилъ ему 25 рубл. Здѣсь интересенъ случай—какъ легко было сыну *Золотухи* измѣнить отцовское прозвище въ полонизованное *Злотковскій*...

Приложеніе.

Духовное завѣщаніе переяславскаго судьи Ивана Берла. 1717 года.

Во имя Пресвятия Животворящия і Нераздѣлимия Тройци, Отца і Сына и Святого Духа. Аминь.

Звичай тотъ в людехъ поводится, когда кто биваетъ болезнию обятий и призрѣний отъ Бога, яко и я грѣшний Іванъ Берло вжду себе часто у слабомъ моемъ здоровю, умислилемъ, по доброй волѣ моей сей тестаментъ моею рукою написати, жебы по моей смерти дѣти моѣ од первих жон двох моѣх покойних з теперешнею третею жоною моею Анною Мазапетовною, яко и з дѣтми тож моѣми з нею зпложенними, не вщинали позвов и турбаціи не заводили, а костми моѣми неворошили, лечъ кгды кому о що з дѣтей моѣх первих жон покойних моѣх идет, покол еще я во живихъ обрѣтаюся, позволяю мнѣ самому договорити и кому чого не доходит, на мнѣ упоминатися; я повиненъ буду кожному одвѣтовати і справитися, а не жона моя Мазапетовна, на которую похвалки чините неслушне, бо кгди она мнѣ пошлюбивши и въ дом мой зо мною прибивши, не застала у мене жадной готовизни, нѣ з срѣбра, нѣ з цени, а нѣ з фантъ покойних матерей ваших, бо любо що з плендоров покойной жони моей Сомковни било позостало, тое дочери моей Іринѣ, з Сомковною жъ зпложенной, досталося, некому инному. Также по небожце Татиянъ Щуровщанцѣ, другой жони моеѣ, що било позостало з ношення небожчичиного, то Софиѣ, дочери моей, зъ нею зпложенной оддано усе. А теперешняя жона Мазапетовна позосталих фантъ и сплендоров од первих жонъ моѣхъ и найменшой рубчинце не при-

винная, якихъ не приймала и непожитковала, которую симъ рукописаннемъ моимъ одъ турбацѣи и позвов на неѣ одъ дѣтей моѣхъ обваровую и заступаю; а мѣли бы дѣти моѣ, Василий, Арсений и Софья дочерь моя, і кто ли колвекъ, сей доброволний тестаментъ мой касовати или разоряти, на таковому противникови и разорителеви моему да будет клятва святих отецъ триста осмнадесят, іже в Никеѣ, і самъ Всемогущій Господь Богъ разоритъ душу его во ад муки вѣчной. Аминь.

Сынови моему Василию Берлови, зпложенному з покойною Параскевиею Сомковною, которого уже зъ сею жоною моею Мазапетовкою дружилемъ его, далемъ ему сынови Василиеви двуръ у Воронковѣ, в которомъ родился а дворъ де ново мною фундованний на плецу половиною Сомковкономъ (sic), на котором том плецу засталем свѣтлицу велми дряхлую і огорѣлую, которая до мене еще била занялася. А половину плецу на двори до моего фундовання об межу купилем у Мартина Говорухи, жителя старинского, тот двор, свѣтлиця з комнатою, пекарня з сѣнми, комор двѣ под един побой, на помостахъ, кухня, погребъ походящій и шопа надъ погребомъ. Я самъ у том дворѣ жилем, так зо всѣм оддалем Василиеви сынови. А в часъ женитби сына моего готовизною грошей самих розийшлося сѣм сот золотихъ, чотириста зобранныхъ из Мозапетовною, жоною моею, а триста золотих позиченныхъ у Прокопия, хоружого чернѣговского полкового, покойного зятя нашего. Млин на греблѣ Руччинской прозиваемой, о едномъ каменѣ мучаномъ, который з Мазапетовною жоною моею, фундованний, дан ест сынови Василиеви; также коней двое верховых з седзеннем і уздечкою гунчою, пестро злосцѣтою, клячъ шист, волув плуг, коров пять, овец тридцат, пчулъ двадцат уллювъ, любо и у себе мало статку мѣлемъ, не без кошту и тое било черезъ колко роков намъ из жоною Мазапетовною господи наймовати, за науки школъ киевских сынам Василию и Арсенію, інспекторам платити готовизною и кому того часу належало. I о том докладаю, же власним стараннем моѣмъ і тщаніемъ слободу людми осадилем под Воронковом человѣка десятков килко подданих, любо на землѣ покойной панеѣ Сомковоѣ, тилко моѣм зобраннемъ, чинячи тимъ дефолкгацію и полегкост черезъ колко десят лѣтъ, мнѣ тамъ сотникуючи, обороняелем и од всякихъ тяжаровъ мѣскихъ их заступалемъ, памятствуючи же сукъцесиве спадати будут тие поддание Василиеви, сынови моему. I подтвердителние унѣверсали рейментарские на сло-

бодку и на всѣ грунта Сомковское выправлялем, на которие мене покойная панѣ Сомковая, теща моя, изъ Стародуба подняла, вручивши онне пожитковати, якихъ много били люде, а найбарзѣй помѣжники завладѣли и присвоѣли в самом Воронковѣ и в селѣ Рогозовѣ, и в селѣ Старомъ; которих грунтовъ од давнихъ часов людми завладѣлихъ Сомковскихъ во всѣхъ трохъ тихъ руках одстоялем плуговъ на тридцать, од лiоду до леду орання доволного, которие сынови моему Василиеви тестаментомъ лекговала панѣ Сомковая, через мою поволност къ ней и датками употребляючи через колко десят лѣт, оную од дому моего аж до самой смерти еѣ. О чом сына моего Василия упоминаю под неблагословенiем Божiимъ i моимъ грѣшним отческим нейти в завод из второю маткою и з братами Даниломъ и Андрѣемъ, але тими контентоватися грунтами, яких я додержалем тобѣ зъ благословением Божиим пожитковати и моѣми грѣшними молитвами. А мѣл би еще вщинати завод о грунта и о дом из жоною Мазапетовною у Воронковѣ фундованний, да не благословит тебе Господь Богъ и буди од мене проклят, анаѳема в сем вѣце и въ будущом. Сына моего од другой жони моей Татияни Щуровщанки покойной зо мною зпложенного, Божiимъ дарованiемъ Арсенiя Берла, архидiякона митрополiи Киевской, когда по его хотенiю, од школ киевских до Львова для наукъ виправилем, давши ему сукнѣ, у дорогу коня з возом i вѣкту з потребу, грошей таляровъ двадцат. А кгди, по колкох роках, одтол повернулся з фурманомъ нанятимъ, якому заплатилисми за привоз до нас сина нашего Арсенiя, почасѣ просил мене и жони моей, жеби у святой обители Киевопечерской габѣтъ моглъ приняти, въ чомъ желанiю его сыновном стараннем моѣм и жонимоей задоситъ учинилося, бо любо я сам в дому в часъ постригу бити не згодился, еднак жона моя Мазапетовна з остатной готовизны всяких вещей на постригъ синовний достатно ложила i одправовала: и пару суконъ, сутану штаметовую i реверенду тонкого сукна французского, шлямами волчими подшитую, справили; коней пару буланих возников зъ колясою далисми синови Арсенiеви, свитлицу шинковую у Воронковѣ, обмежу Леска Тимченка стоячую, i футор в селѣ Жеребятинѣ з садом, нажитий з покойною Татияною Щуравщанкою, жоною моею, а маткою Арсенiевою, ему записую. Який сей мой тестамент посилалем синам моѣм Василiю и Арсенiю до вичитання, Хомою Луциком, жителем рогозувским, по которого вычитаню тестамента, сини моѣ приехавши до Переяславля, упоминалися у мене

отчизни нажитоѣ із сею жоною моею, ставши при упорѣ, которим однюд того их жаданію не позволилем, тим тилко оних декляровалем, що ся з матерями ихъ нажило, тое им подѣлилем и в тестаментѣ записалем, а що из сею жоною Мазапетовною прижилемъ, то сим дѣтем пятерим подѣлилемъ. А потом, по килкох днех, сини моѣ Василій и Арсеній, склонившися, ненарушаючи моего себѣ благословенія і хотенія, що кому тестаментом лекгую, приняли у мене прощеніе с тим одозвом, чого я по нихъ потребовалем же уже вовся немѣли турбовати жони моей и дѣтей з нею зпложенних: Данила, Андрѣя, Марини, Настасиѣ и Елени. И по моей смерти обѣцуючи квѣтовати жону рукописаніем кождый синъ своим, Василий и Арсений, і на той угодѣ з моею порадою видячи склонност жона моя синную, офѣровали куфел срѣбрний столовый у гривен чотири и в девять лотовъ удѣланный, з власного срѣбра жони моей принесен; него у дом мой, пояса срѣбрного старосвѣцкого и чарок и иншого ламаннного срѣбра унесеннаго. Тим толко уже Арсений, синъ мой, повинен контентоватися, а турбаций жадних не вщинати і рукописанія моего не нарушати. А когда би ся поважил который синъ мой Василий или Арсений сей тестаментъ мой дерзнути касовати албо разоряти, таковаго противника моего милосердия Господь Богъ разоритъ душу его во адъ муки вѣчной и да будетъ такий проклят анаѳема, в сем вѣце и въ будущомъ.

Софѣю Евстратиевую Гулаковую, дочерь мою, еще з покойною Татіаною Щуровщанкою, жоною моею, а маткою Софіиною, видавши оную в стан малженскій, одвѣнили, по нашой зможности, такимъ вспоможеніем: сплендоръ увесь, як належит бѣлоголовский, манисто перловое, срѣбра питного судинокъ три, пояс у пят гривен, срѣбрний, дощатий, сутозлоцистий, а тотъ поясъ покойная Татіяна, жона моя, лекговала пополамъ, з Яковом Ростановичом, братомъ Софиінимъ, за который и позванний билемъ до суду енералного одъ Ростановичов, пасинков моѣх, і за инние их дѣдизнее и отчистое зобранне, которое з маткою их же в господарствѣ розейшлое, тое усе платилем пасинкам моѣм, который уже и поясъ оплаченний нами и суденца срѣбрние из жоною моею теперешнею Мазапетовною пасинкам отцу Петру и Якову Ростановичамъ уже самой Софиѣ власне другим одвѣненнемъ непенно найдуется пояс и суденца сребрянне под час веселя Софиіного, еще з маткою Софиіною, дали коня з колясою дочери нашой Софии, а з теперешнею жоною моею Мазапе-

товною дали коней двое і коровъ чотири Софиѣ, в чомъ уже дочерь моя і Евстратій Гулакъ, зять мой, неповинни турбовати жони моей Мазапетовни і дѣтей моѣх з Мазапетовною зиложенних, бо теперешняя жона моя Мазапетовна, як первой жони моей Сомковни, так и другой жони моей Щуровщанки, нѣкчому непривинная и до найменшой рубъчинки. А любо било що бялоголовного незвелика якого пошеня, по Самковнѣ жони моеѣ, дочери Іринѣ оддано, а по жонѣ Щуровщанце Софии досталося. Овшемъ еще долги якие на мнѣ зависали, которыхъ задолжилемся з покойною жоною Щуровщанкою на колко сотъ золотих, людем поплатили з теперешнею жоною Мазапетовною, которую рукописаніем моим сим обваровую и дѣтей моихъ упоминаю, Василія и Арсенія, и Софию, жеби и по моей смерти Анни Мазапетовни, жони моей, и дѣтей з нею зиложенних Данила, Андрѣя, Марини, Настасія и Елены, нѣ в чом не турбовали, а кто би ея поважил з дѣтей моѣх од первых жон моѣх зиложенних жону Мазапетовну и дѣтей з нею зиложенних дерзнути над волю мою в право удаватися і тестаментъ мой касовати, таковаго противника моего многомилосердный Господь Богъ да разорит душу его во адъ муки вѣчной и да будетъ проклятъ таковий, анаѳема, въ семъ вѣце и в будущом.

Пасинков моихъ в Богу превелебного отца Петра Русту, протопопу воронковского и Иякова Русту, пасинковъ моихъ, по наказанію суду енералного войсковаго, уконтентовалем их и заплатилемъ, і одержалем од них квитацію под печатію судии енералного, которі уже жадною мѣрою неповинни жони моеѣ Мазапетовни турбовати і дѣтей моих зъ нею зиложенних под зарукою, якая есть на квѣтаціи од суду енералного положенная.

Данилови синови моему двуръ у Воронковѣ з футорами і поля пахарного купованного из жоною моею Мазапетовною, на купленных плецах тотъ двур фундованний, солодовню и винницу з посудками, опрочъ казанов, именую і со всѣмъ на чомъ я жилемъ у Воронковѣ і нажилем через двадцат три роки з маткою Даниловою, а жоною моею, і подданих на плецах моѣхъ жиючих, покупленних поселенныхъ, а иниихъ нажитихъ, і поважним универсалом ясне-вельможного его милости пана гетмана і его милости пана полковника переяславского стверженних, записую ему самому и женѣ его и потомъкамъ его, аще Богъ подастъ во вѣчние роды подаю.

Жонѣ моей Аннѣ Мазапетовнѣ Івановой Берловой сколко чого працою і стараннеи вкупѣ нажилисми: двуръ у Переяславлю купленний у превелебного господина отца протопопи переяславскаго Николая Мосцѣцкого, футоръ въ селѣ Панфилах, купленный з жоною моею Мазапетовною, і в селѣ Рогозовѣ тож футор з нею жъ купленный з пахарным полем и з гаями, все одмала і до велика в кгрунтах з нею покупленнихъ в Переяславлю и в Панфилах, самой жонѣ моей и меншому синови моему Андрѣеви, ежели будеть поволний матцѣ, то имъ записую и лекгую. А ежели в чом би мѣл бити противко матки противним і непослушним, то самой жонѣ моей одписую і именую, которая жона моя Анна Мазапетовна повинна будет з тих же набитковъ наших випосадити дочерей наших, якъ матка, Настусю и Елену, когда Господь Богъ подаст им стан малженский восприймати, которим именую коровъ по пят обоимъ і клячей такъ же по пят Настусѣ и Олесѣ. Кубков пять Настусѣ пестрозлоцистихъ іменую, якихъ з маткою еѣ нажилисмо, а другую кубковъ пят тоже пестрозлоцистих дочери Еленѣ лекгую і именую, і записую. І о сем тут в моем тестаментѣ докладаю, же братанка моя Анна Берловна, гди по отцу своему Іванови Берлови, а моему брату рожоному по умертвиѣ зосталас осиротѣлою в лѣтехъ семи, тую воспиталем у моем дому за покойной жони моей еще Параскевиѣ Сомковни, а покойного брата моего, од мене старшого Івана Берла, в мѣстѣ Мглинѣ, за Стародубомъ, там живючого, при доконченню живота его, того часу хоруючого близко полрока бавилемъ ся при немъ, по его прошенію, поехавши з дому моего з Воронкова до Мглина, ажъ до его небожчиковского умертвія. А по умертвиѣ брата моего належите, по хрестиянску в церквѣ Воскресенія храма Господня, в мѣстѣ Мглинѣ погребенъ, и одпоминан. З дубръ его братнихъ, по которомъ зосталася била вторая жона его небожчиковская, з якою подѣл худоби братнеи од пана полковника Рославца зосланние вислание особи раздѣляли и тую частку спадаючую худоби братнеи на братанку мою Анну Берловну до рукъ моихъ принятую, там же зпродалемъ, бо з готовизни едного шеляга братовая вторая жона братняя, а мачуха Анни братанки моей, не объявила и не сказала; а братъ мой покойний такъ хоровал тиранско, что и при моем прибитю до него, слова едного не моглъ промовити до мене, до самой его смерти. З которой его подѣленной и на братанку мою худоби расход, того часу рукою моею писалем и щом принял и спродал, записалем, як

реестр покажет. А по одходѣ сорокоустов и по одпоминанiѣ братнем, возвратилемся зо Мглина ку домови своему, взявши з собою Анну братанку осиротѣлую. А скриню з фантами и з платтемъ матки Анниной братанки моей, далем до рукъ тютцѣ рудной у Стародубѣ моей братанки Цѣмоховой [1]) до взросту, а свести брата моего, которая при мнѣ жиючи уже братанка моя за другой жони моей покойной Татiяни Щуровщинки, безоповѣдне, мимо вѣдомост мою, з дому моего з Воронкова утекъши, якъ подехалъ Антоний Тарловскiй под Воронкув, з нимъ до Козелца заѣхала и в стан малженскiй ему пошлюбила, чогомъ на братанку мою Анну немало скорбѣлемъ за в стид мнѣ заданний братанкою. А потомъ кровную мою помиловавши, за прибиттемъ их до мене з затем моимъ, а мужемъ братанки моей, которие и часто приеждающе бывало до мене не тщо одездят за покойной жони моей Щуровщанки, якъ готовизною, такъ куньми и сукнею датком одъ мене; а на потом, за тоей же жоны моей Щуровщанки, просили мене приехавши обое, зят мой Антонiй Тарловскiй и братанка моя Анна Берловна, о золотих сто двадцат прилѣжно, которим и в себе того часу немѣючому, запожившися у людей, далемъ имъ золотихъ сто двадцат, которие обое зят мой Тарловскiй и Анна братанка, доброволне квитацию своею рукою писанною зять мой Тарловскiй и жона его Анна Берловна прилюдне дали, же уже а нѣ они сами, а нѣ потомкове ихъ вѣчными часы турбовати за отчизну братанки моей, так мене самого, як и жони моей Щуровщанки, нѣ дѣтей моих во вѣчние роди не будут, такъ договорили и квѣтацию подали. А же когда Господь Богъ уже оддалил од мене жону мою Щуровщанку, по которой понялемъ сию Анну Мазапетовну, з которою, Божиимъ дарованнемъ, жиючи зъ нею лѣть двадцат пят, зплодилемъ з нею сини и дочери, і за сее жони моей що року ко мнѣ уже іереемъ отецъ Антонiй будучи, з попадiею своею, а моею братанкою приеждаючи и насъ навѣжаючи, вспоможення од нас просили, которим жадного разу при их приездѣ од дому нашего тщо не отпустили: коней шестеро и корову и на кунтушъ штамету и барановъ чорнихъ на подшите, и грошми кождого разу, по таляру и по болше давалося,

---

[1]) Можно догадываться, что подъ именемъ *Цѣмоховой* разумѣется жена стародубскаго полковника *Тимофея Алексѣева* (1676—78). См. Опис. Стар. Малороссiи I, 18. По *литовскому* выговору жена этого полковника должна была называться—*Цѣмоховой*.

червоного золотого покойному святой памяти отцу Захариѣ Корниловичу, епископови переяславскому, отдалем поклону за благословение отцу Тарловскому, зятеви моему, служити в селѣ Нехайках, на парафиѣ, и иним многимъ вспоможенем з теперешнею моею жоною Анною, хлѣбомъ и прочая нѣкогда тщо не одпускалемъ и непрейзрилисмы. О чомъ крайним моимъ словомъ и рукописаниемъ твержу и упоминаю, жеби уже отецъ Антоній Тарловскій, зять мой, и его потомкове жадного не мѣли дѣла до жони моеѣ, а нѣ до дѣтей моихъ з нею зпложеннихъ, а не до худоби любо и невеликой з моею жоною зобранной, которая жадною мѣрою прошлих моих двоих жонъ нѣчимъ не користовала и не владѣла, бо самою истинною нѣчимъ било и владѣти, чого небило; также и внуки моѣ Ірини Петрувской, дочери моеѣ Сомковни дочеръ Настасия Петрувщанка не повинная жони моеѣ турбовати, а нѣ дѣтей зпложенних з теперешнею моею жоною, за монисто перловое, которое я оддав по умертиѣ Заборовской у Чернѣговѣ, якую заручилем бил собѣ за дожывотного приятеля, по умертвиѣ покойной Параскевиѣ Сомковны, за которое монисто у толко ж шнуровъ каралями червоними перенизаное перловое, сестри рожониѣ покойной панеѣ Сомковоѣ, именемъ Галки Короповни Даниловой одкупилем, у сина Галчиного Андрѣя Даниловича, сестренца панеѣ Сомковоѣ, и далем Іринѣ того часу дочери моей, як в станъ малженскій оддавалем за пана Петрувского до Переяславля, бо теперешний мужъ внуки моей Настасиѣ Петрувщанки Прокопий домовил бил жонѣ моей в дому превелебного господина отца Іоанна свято воскресенского переяславскаго, на крестинахъ, о том монистѣ и о иних вещех матки Настасиіной, до чого и найменшой рубчинки Анна, жона моя, не знает себе тому бити винною. Посилалемъ человѣка годного на другий ден до Прокопия и до внуки моей Петрувщанки, за тую примовку, ставшуюся од Прокопия, а посилалемъ Григория Калениченка, атамана курѣнного значкового, и на тотъ часъ городового наказного переяславского, который унук мой Прокопий зараз з тим же Григориемъ Калениченкомъ в дом мой пришедши, просил мене и жони о прощение моеѣ, тим вимовляючися, же люде побудкою ему до тоей примовки подиустили, которому я вклар мовилемъ, ежели о що кому идет, минѣ самому договорити и доходити позволяем и позволяю покол во живих още обрѣтаюся, чого уже под клятвою вирекался Прокопий и жона его настасия, внука моя, во вѣчние роди не вспоминати и жадною мѣрою жони моей и дѣтей не-

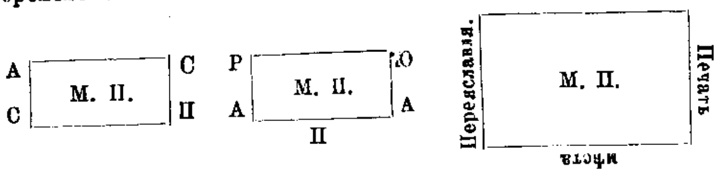
турбовати; такое слово подали при Григорию Калениченкови, на тот час атаманови наказному переясловскому.

І о семъ тутъ в семъ тестаментѣ моемъ докалаю же, задолжилемся людемъ полтори тисячи грошей золотихъ, яких позичалемъ з интересомъ на скупованне воловъ въ дорогу шлїонскую [1]), тотъ увес долггъ мой повинна будет жона моя Мазапетовна з тих же дубръ моѣхъ з нею нажитих людем поплатити і уйстится.

А когда Божне повеленіе роскажет і мнѣ грѣшному од сего временного жития преставитися, повинна будетъ жона моя Мазапетовна о души моей грѣшной старатися, християнским похороном погребъ одправити и одпоминати сорокоустами грѣшную мою душу. На семъ тестаментѣ моею рукою писанномъ подписуюся Іван Берло, рука власная. 1717.

А сорокоустов сколко зможет жона моя по моей души у Переясловлѣ зеплатити. А похороненъ мѣю бити при храмѣ Воскресения Господня.

Алерсандръ Сулима, судія полковій переясловский. Роман Юрченко, атаманъ городовии переяславский. Лаврентій Ѳомовичъ, войтъ маестрату переяславского. Евстафій Щири, райца старши и на сей часъ бурмистръ рочный. Григорий Бартошевичъ, писаръ майстратовіи переясловскій.

Весь «тестаментъ» написанъ на пяти листахъ плотной бумаги и писанъ весь собственноручно завѣщателемъ, при чемъ первые три листа (до словъ: «і о сем тут в моем тестаментѣ докладаю, же братанка моя Анна Берловна»...) написаны крупнымъ четкимъ почеркомъ, а послѣдующая часть завѣщанія писана ускореннымъ уже почеркомъ, но тою же «власною» рукою Ивана Берла.

---

[1]) Т. е. для продажи (воловъ) въ Силезіи.

Книжная рѣчь у малороссовъ и русиновъ.

(*Критико библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ и изданій по славяновѣдѣнію. Т. Д. Флоринскаго. „Кіев. Унив. Извѣстія“ 1898 г. № 11, стр. 203—244*).

Перечитывая недавно вышедшую ноябрьскую книгу, „Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій“ за 1898 годъ и съ удовольствіемъ останавливаясь на прекрасно составленномъ обзорѣ новѣйшихъ изданій по славяновѣдѣнію проф. Т. Д. Флоринскаго, мы въ этомъ „обзорѣ“ находимъ нѣсколько страницъ, случайно посвященныхъ вопросу о малорусской книжной рѣчи, вопросу, давно составляющему предметъ многихъ споровъ и, къ сожалѣнію, иногда печальныхъ недоразумѣній. Въ данномъ случаѣ уважаемый профессоръ натолкнулся на этотъ вопросъ, благодаря тому новому чешскому изданію (Slovanský Přehled) и той статьѣ въ немъ д-ра І. Франка, о которыхъ въ нашемъ журналѣ была рѣчь въ №№ 11 и 12 прошлаго года. Напомнимъ нашимъ читателямъ, что въ этой статьѣ д-ръ І. Франко задается цѣлью познакомить славянскій міръ съ положеніемъ вопроса объ украинской литературѣ и между прочимъ обосновываетъ свои взгляды на нее путемъ безпристрастнаго научнаго разсмотрѣнія давнопрошедшей жизни Украины-Руси. Основные-же его взгляды сводятся къ тому, насколько несостоятельны нападки со стороны многихъ, какъ въ Россіи, такъ и въ Галиціи, на національное малорусское движеніе. Вотъ эта-то статья и заставила проф. Т. Д. Флоринскаго остановиться на ней, „нѣсколько дольше, чѣмъ, быть можетъ, слѣдовало“, въ виду важности самаго вопроса, „къ сожалѣнію

—говоритъ онъ—мало привлекающаго къ себѣ вниманіе нашей печати", а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ виду желанія разъяснить редакціи и читателямъ чешскаго изданія, что „на малорусскій языкъ и малорусскую литературу можетъ быть и иной взглядъ, существенно отличающійся отъ того, какой изложенъ въ статьѣ д-ра Франка".

Что касается перваго пункта, т. е. слабаго вниманія нашей печати къ этому вопросу, то мы безусловно готовы согласиться съ основательностью такого упрека, но въ то же время, думаемъ, и почтенный профессоръ согласится съ нами, что для этого существуютъ причины, далеко выходящія за предѣлы отсутствія интереса. Вопросъ это, съ одной стороны, чисто научнаго свойства, и казалось-бы—можетъ быть предметомъ спокойнаго, академическаго разъясненія; съ другой-же стороны—слишкомъ жизненный, и вслѣдствіе этого переплетается постоянно съ тѣми теченіями жизни, которыя ничего общаго съ наукой не имѣютъ. А мы думаемъ, что при такихъ условіяхъ самый глубокій интересъ къ данному вопросу неминуемо влечетъ къ ослабленію способовъ рѣшенія его, даже и въ исключительно-научной перспективѣ. Какъ на образецъ такого положенія дѣла, мы укажемъ хотя-бы на одну газетную статью („Зачѣмъ" въ С-Петерб. Вѣд. 1898 г, № 297), каждая строчка которой имѣетъ отношеніе къ вопросу, затронутому какъ д-ромъ Франкомъ, такъ и проф. Т. Д. Флоринскимъ, и можетъ (да и должна-бы) служить предметомъ глубокаго научнаго разсмотрѣнія для пользы самой жизни многомилліоннаго народа. И что-же? статья эта вызвала только маленькія указанія на нее въ текущей ежедневной прессѣ и не повлекла за собой ни одной капитальной работы, даже въ толстыхъ журналахъ. А между тѣмъ, кто прочтетъ эту статью тотъ —мы увѣрены въ этомъ—нестанетъ отрицать факта, что однимъ вышучиваніемъ, какъ это часто дѣлается, такіе вопросы не рѣшаются. Причина молчанія, по нашему мнѣнію, та, что нежелающіе только ограничиться вышучиваніемъ, а поглубже заглядывающіе въ существо вопроса видятъ передъ собой такую массу переплетающихся жизненныхъ нитей, которая отнимаетъ

возможность приступать къ серьезному анализу каждаго явленія въ отдѣльности.

Въ самомъ дѣлѣ, почему-то установилось мнѣніе, что вопросъ о литературномъ языкѣ есть вопросъ только филологической науки, и благодаря этому рѣшается онъ по своему существу такъ, какъ рѣшаетъ его отчасти и проф. Т. Д. Флоринскій, т. е.: если наука филологія признала, что рѣчь даннаго народа есть *языкъ*,—быть такому языку *литературнымъ*, *книжнымъ* въ смыслѣ широкаго толкованія этихъ терминовъ; если-же это только *нарѣчіе*,—не имѣетъ оно права выходить за предѣлы обиходнаго употребленія. Мы не будемъ говорить теперь о томъ, насколько наука филологическая твердо установила свои основные пункты для опредѣленія границъ между языками и нарѣчіями вообще и между русскимъ и малорусскимъ—въ частности. Надѣясь въ ближайшемъ будущемъ болѣе подробно коснуться этого вопроса въ нашемъ журналѣ, мы напомнимъ только уважаемому профессору, что исторія жизни народовъ не очень-то считается съ установленной филологами теоріей *языковъ и нарѣчій*, и что, вопреки этому закону для литературной рѣчи, существуютъ рядомъ такіе языки, какъ верхне-лужицкій и нижне-лужицкій, сербскій и словинскій, не говоря уже о датскомъ и норвежскомъ, испанскомъ и португальскомъ, которые съ точки зрѣнія филологической могутъ быть признаны только нарѣчіями. Да зачѣмъ намъ ходить далеко? Мы видѣли въ 16 и 17 вѣкахъ два книжныхъ языка—сѣверно-русскій и южно-русскій, которые слились въ одинъ общій не потому, что таковъ законъ природы языковъ, а потому, что такъ повернулось политическое колесо въ жизни русскаго народа.

Но допустимъ, что теорія языковъ и нарѣчій непоколебима, что можно особыми аппаратами филологической науки точно опредѣлить—языкъ это или нарѣчіе; неужели въ такомъ случаѣ вопросъ о правѣ на книжный языкъ долженъ рѣшаться безповоротно, не справляясь съ другими науками—соціальными? Вѣдь вопросъ о созданіи общихъ книжныхъ языковъ—съ этой точки зрѣнія очень еще открытый вопросъ. А можетъ быть для

соціальной и политической жизни славянства лучше будетъ, если создастся одинъ обще-славянскій языкъ, но не въ формѣ одного какого-нибудь изъ нихъ, принявшаго доминирующее положеніе, а въ дѣйствительности естественно сложившагося обще-славянскаго? Это еще вопросъ, надъ которымъ человѣчеству предстоитъ поработать. За то и въ другую сторону можетъ повернуться этотъ-же вопросъ: кто знаетъ, не лучше-ли будетъ для всесторонняго развитія всѣхъ душевныхъ силъ націи, если предоставлена будетъ возможность каждой изъ нихъ выработать самостоятельно свой самобытный культурный языкъ? Можетъ быть, въ этомъ послѣднемъ случаѣ и сила народнаго генія, и сила поэтическаго чутья, и даже самыя этическія начала въ человѣчествѣ получатъ большую интенсивность въ своемъ совершенствованіи? Мы глубоко убѣждены, что создайся въ человѣчествѣ *волапюкъ* или *эсперанто*, создайся даже только обще-славянскій языкъ,—и мы не получимъ высоко-художественныхъ произведеній ни новыхъ Пушкиныхъ, ни Лермонтовыхъ, ни Мицкевичей и пр. Вѣдь съ этими вопросами тоже надо считаться, а не ограничиваться только справкой у филологовъ—языкъ это или нарѣчіе.

Обратимся теперь еще въ другую сторону, все исходя изъ того-же пункта о языкахъ и нарѣчіяхъ. Рѣшивъ, что рѣчь такая-то есть *языкъ*, а такая-то *нарѣчіе*, мы прямолинейно пойдемъ далѣе и установимъ, что священное писаніе должно быть только на языкѣ, а не на нарѣчіи. Филологическая справедливость въ такомъ случаѣ будетъ соблюдена; но будетъ-ли соблюдена та высшая справедливость, въ силу которой, какъ говорится въ вышеупомянутой статьѣ „Зачѣмъ", „въ христіанскомъ государствѣ, гдѣ имѣется Евангеліе на 70 языкахъ, въ томъ числѣ: на вогульскомъ, вотяцкомъ, зырянскомъ, калмыцкомъ, латышскомъ, лапландскомъ и пр.,—славянское населеніе въ два десятка милліоновъ душъ лишено права читать Св. Писаніе на своемъ родномъ языкѣ?" Удобное-ли это положеніе для цѣлей религіозно-нравственнаго просвѣщенія массъ, и не оказываетъ-ли оно вліянія на соціальный бытъ народа?

Мы не имѣемъ въ виду доказывать въ частности каждое изъ этихъ положеній; мы хотимъ только подчеркнуть ту мысль, что въ рѣшеніи всѣхъ этихъ вопросовъ методомъ научнымъ, нужно въ дѣйствительности считаться съ наукой широко, а не ставить базисомъ для своихъ заключеній ту мысль, что „малоруссы въ этнографическомъ отношеніи представляютъ не самостоятельную особь, но лишь разновидность той обширной славянской особи, которая именуется русскимъ народомъ“ (стр. 213).

Стоя на только-что указанной точкѣ зрѣнія, проф. Т. Д. Флоринскій однако-же не соглашается съ тѣми взглядами, по которымъ малорусская литература совсѣмъ не должна существовать. „Такое право—говоритъ онъ—ею пріобрѣтено какъ давностью бытія, такъ особенно высокими достоинствами нѣкоторыхъ ея произведеній“. Признаться нужно, что мы такой постановки вопроса не понимаемъ: если рѣшено, что литература для даннаго народа, говорящаго *нарѣчіемъ*, а не *языкомъ*, не нужна, то при чемъ тутъ давность, а еще болѣе личная талантливость? То, что было давно и теперь признано ненужнымъ, должно быть брошено, и то, чего никогда не было, но признается полезнымъ, должно быть наново заведено—вотъ какъ должна-бы разсуждать прямолинейно логика. Равнымъ образомъ: если что-нибудь оказывается лишнимъ, а можетъ быть даже и вреднымъ, тó должно быть уничтожаемо, и чѣмъ бóльшій талантъ обнаружится въ этомъ излишнемъ, тѣмъ съ большей энергіей надо его искоренять,—и наоборотъ: если что-либо признано полезнымъ, то, и при отсутствіи таланта, оно все-же будетъ полезнымъ, хотя и въ меньшей степени. Правда, это недоразумѣніе нѣсколько выясняется впереди, когда мы прочтемъ тѣ ограниченія, какія проф. Т. Д. Флоринскій дѣлаетъ для малорусской литературы, опредѣляя ея отношенія къ обще-русской. Такъ, онъ готовъ помириться съ тѣмъ, что „если малорусская литература возникла и существуетъ, то она можетъ играть роль лишь второстепенной, побочной литературы, слу-

жащей какъ-бы дополненіемъ литературы общерусской; она можетъ имѣть значеніе лишь какъ одно изъ проявленій племенной индивидуальности данной вѣтви русскаго народа наряду съ малорусскимъ театромъ, малорусской народной пѣсней и пляской, малорусскимъ народнымъ одѣяніемъ, но не можетъ и не должна брать на себя выполненія всѣхъ тѣхъ функцій, какія выполняютъ общерусскій языкъ и общерусская литература" (стр. 217). Отсюда проф. Т. Д. Флоринскій дѣлаетъ такое рѣшительное заключеніе: „По моему мнѣнію, малорусская литература прежде всего должна быть органомъ непосредственнаго поэтическаго творчества, вытекающаго изъ глубины малороссійскаго духа, и, сверхъ того, можетъ служить средствомъ распространенія элементарнаго знанія среди простого крестьянскаго люда. Содержаніе ея должно исчерпываться художественно-поэтическими произведеніями, рисующими народную жизнь малоруссовъ, изданіями памятниковъ малорусскаго народнаго творчества и простонародными книгами, имѣющими цѣлью распространеніе просвѣщенія въ малорусской деревнѣ. Подобныя книги для народа на малорусскомъ нарѣчіи должны служить переходною ступенью къ общерусской книгѣ" (стр. 217).

Если-бъ всѣ вышеприведенныя заключенія проф. Т. Д. Флоринскаго относились только къ русской части Малороссіи, мы могли бы не возражать ему, ужъ въ силу того, что для нашей жизни уступки, дѣлаемыя имъ, вызываютъ только слова „спасибо и на этомъ", хотя далеко не исчерпывается здѣсь сущность вопроса съ научной точки зрѣнія. Такъ напримѣръ: для насъ, съ педагогической стороны, совсѣмъ не ясно, какъ долженъ совершиться для простого народа переходъ отъ *своей* книги къ *общерусской*,—должна-ли это сдѣлать школа, или оно какъ-нибудь само собой случится? Какимъ методомъ произойдетъ переходъ отъ чтенія художественно-поэтическихъ произведеній на малорусскомъ *нарѣчіи* къ чтенію такихъ художественно-поэтическихъ произведеній, какъ произведенія Пушкина, Лермонтова—на общерусскомъ *языкѣ*? Что нужно сдѣлать для того, чтобы послѣ простонародныхъ книгъ, имѣющихъ цѣлію распространеніе про-

свѣщенія въ малорусской деревнѣ, перейти къ чтенію такихъ-же книгъ на общерусскомъ языкѣ? Все это вопросы, требующіе серьезной разработки, и разъ для уважаемаго профессора они ясны, то мы можемъ только пожалѣть, что онъ не нашелъ нужнымъ просвѣтить и насъ въ этомъ отношеніи. Вѣдь если мы, малороссы по происхожденію, принадлежа къ культурнымъ классамъ общества, пользуемся съ удобствомъ книгой на общерусскомъ языкѣ, то для меня ясно, что причина этого скрывается въ той школѣ, которую мы прошли, въ той средѣ, въ которой мы вращались съ дѣтства, вращаемся и теперь; но какъ сдѣлать достояніемъ селянина-малоросса ту-же общерусскую книгу, при условіи, что онъ нѣсколько мѣсяцевъ въ своей жизни можетъ провести въ школьной работѣ, изрѣдка можетъ слышать этотъ культурный русскій языкъ и *maximum* успѣваетъ только исковеркать немного свою родную рѣчь, не менѣе того уродуя и общерусскій книжный языкъ. Пока результатъ получается такой, котораго—мы увѣрены—не пожелаетъ и проф. Т. Д. Флоринскій. Вотъ почему намъ совершенно странными кажутся слѣдующія его строки: „Стремленія современныхъ галицко-русскихъ дѣятелей возвести малорусское нарѣчіе на степень языка преподавательскаго (въ среднихъ и высшихъ школахъ), научнаго, публицистическаго и общественнаго не оправдывается *ни логическими основаніями, ни практическими соображеніями*".

Повторяемъ, если бъ шла рѣчь только о русской Украинѣ, то мы не возражали бы на слова проф. Т. Д. Флоринскаго, т. к. общерусскій языкъ для насъ, обучающихся въ русскихъ школахъ, вполнѣ доступенъ; но какъ можно предъявлять требованія къ галичанамъ, чтобы они отказались отъ разработки своего научнаго языка и пользовались обще-русскимъ? Не мнѣ доказывать ученому слависту, что литературная рѣчь у народовъ вырабатывается не полицейскими предписаніями, даже не академическими постановленіями, а самымъ складомъ жизни, той—такъ сказать—культурной атмосферой, которой окружены люди. Взглянемъ-же съ этой точки зрѣнія на положеніе гали-

чанъ. Если развитіе ихъ родного языка обмежевать, какъ желаетъ для насъ проф. Т. Д. Флоринскій, только сельской, „мужицкой“ литературой, то для высшихъ культурныхъ задачъ они должны, значитъ, воспользоваться какимъ-то другимъ языкомъ; спрашивается теперь: какимъ-же именно? Намъ отвѣчаютъ — *общерусскимъ*. Если у отвѣчающихъ такимъ образомъ есть хоть малѣйшее знакомство съ вопросами политической и общественной жизни въ Галиціи, то они или умышленно не хотятъ понять положенія вещей, или, сами того не замѣчая, впадаютъ въ логическое противорѣчіе. Мы спросимъ только: есть-ли возможность всю Галицію покрыть школами низшими, средними и высшими съ преподавательскимъ языкомъ общерусскимъ? За отвѣтомъ надо обратиться, конечно, къ австрійскому правительству... Мы ужъ не станемъ говорить о томъ, что одной школой вопросъ не будетъ все-таки рѣшенъ въ корнѣ: школа можетъ сдѣлать многое, но далеко не все. Вѣроятно, уважаемому профессору знакомы писанія тѣхъ галичанъ, которые, изучая общерусскій языкъ и желая писать на немъ, преподносятъ время отъ времени намъ эти свои яко-бы русскія писанія; вѣдь и больно, и смѣшно видѣть, какъ искалѣчивается ими по нетинѣ блистательно разработанный русскими писателями нынѣшняго столѣтія литературный русскій языкъ, и если-бы всѣ галичане приняли совѣтъ, даваемый имъ между прочимъ и проф. Т. Д. Флоринскимъ, то мы съ грустью смотрѣли-бы на то, какъ созидаемое здѣсь разрушается тамъ.

И такъ, если общерусскій языкъ пока-что не можетъ быть удѣломъ Галицкой, Буковинской и Угорской Руси, то для высшихъ задачъ имъ пришлось-бы пользоваться чужими языками, что́, съ точки зрѣнія австрійской политики, гораздо болѣе достижимо, но что́ ни въ какомъ случаѣ не было бы желательно ни со стороны общерусской политики, ни съ точки зрѣнія національныхъ стремленій всего славянства, за которыя такъ ратуетъ нашъ уважаемый славистъ.

Гдѣ-же въ такомъ случаѣ выходъ? Единственный тотъ, на который ступила народническая партія въ Галиціи нѣсколько

десятковъ лѣтъ тому назадъ, а именно—постепенное созданіе своего культурнаго языка, который защититъ ихъ положеніе, пригнетаемое отовсюду недобродушными сосѣдями, и выведетъ ихъ на прямой путь къ установленію прочной національной особи среди другихъ славянскихъ и неславянскихъ народностей Австріи.

Въ заключеніе мы должны сказать, что современный галицкій книжный языкъ насъ такъ-же мало радуетъ, какъ и профессора Т. Д. Флоринскаго; мы полагаемъ, что въ тотъ срокъ, который прошелъ для галицкой литературы, можно было-бы достигнуть бо́льшаго, что слишкомъ мало обращено вниманія галицкими писателями на технику разработки языка,—но мы думаемъ, что причины этому заключаются въ слишкомъ интенсивной работѣ галичанъ въ области очень путаной политики, которая не даетъ имъ времени болѣе спокойно остановиться на культивированіи рѣчи. Впрочемъ, это вопросъ будущаго, котораго предсказывать мы не рѣшаемся, какъ и вообще полагаемъ, что въ дѣлѣ развитія литературныхъ языковъ должна быть дана, такъ сказать, академическая свобода, потому-что именно къ этой области больше всего можетъ относиться изреченіе; „аще есть дѣло рукъ человѣческихъ—погибнетъ". А если это, въ случаѣ чего, есть дѣло рукъ Божіихъ, т. к. языкъ у человѣка есть даръ Божій? Не грѣшно-ли его уничтожать руками человѣческими?

В. Науменко.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Три письма кошевыхъ атамановъ къ шведскимъ королямъ.

1) *Письмо кошевого атамана Константина Гордіенка къ Карлу XII. 16 апр. 1709 года.* «Прибувши до насъ атамана Кошового и всего войска Запорожского Низового отъ ясне вельможного добродѣя нашого его милости пана гетмана панъ Филипъ Орликъ писаръ енералный войсковый предложилъ словесно отъ вашого королевского пресвѣтлого величества милостивое слово и высокопочтеннѣйшій совѣтъ: якимъ бы способомъ могли зломыслящую Москву общого непріятеля нашого враждебнѣйшого подъ Соколкою будучую зносити и зломити и переправу оной попустивши чрезъ Ворскло на сюю сторону или на томъ боку Ворскла баталѣю з нею учинити. Такое прето одобравши мы словесное отъ пана писаря енералного предложенье, а певне вѣдаючи, что тая Москва, погребши трупъ збытихъ людей своихъ подъ Соколкою [1]), рушила во свои слободскіе мѣсца минувши и Царичанку, [2]) о томъ вашему королевскому пресвѣтлому величеству ознаймуемъ. Да онъ же панъ писаръ енералный войсковый предложилъ намъ атаманови кошовому и всему войску запорожскому отъ вашого королевского пресвѣтлого величества премоцнѣйшій указъ, жебысмо нашого войска запорожского пехотного з тисячу прислали подъ Полтаву въ назначоное время; тое зъ охотою учинити по височе почтеннѣйшому вашого королевского величества повелѣнію готови будучи на всегда.

[1]) Мѣст. Кобыляц. у. Полт. губ.

[2]) Ibid.

Вашого королевского пресвѣтлого величества наиповолнѣйшіе слуги Константинъ Гордѣенко Атаманъ Кошовый войска запорожского низового зъ товариствомъ».

З Нового Санджарова [1]) Априля ѕі року ҂аѱѳ.

На оборотѣ второго листа печать краснаго воску съ надписью: «печать славного войска запорозского низового» и адресъ: «Наяснѣйшому вельможному его милости королеви Шведскому, намъ велце пану милостивому въ достопочтенное отданье».

(Подлинникъ хранится въ Шведскомъ Госуд. Архивѣ въ Стокгольмѣ, отдѣлъ Cosacica, связка «Underfältherrars skrifvelser 1710—1721».).

—

2) *Письмо кошевого атамана Ивана Малашевича къ королевѣ Ульрикѣ Елеонорѣ 8 мая 1720 года.* «Наяснѣйшая, вельможная и многомощная королевая шведского величества велце намъ премногомилостивая монарха и особливѣйшій патроне, добродѣю и протекторю.

Сердцемъ и всею высокою силою покойного блаженного и вѣчно достойной памяти премногомилостиваго нашего протекторя его милости наяснѣйшого короля шведского вашого милого рожоного брата уболѣваемъ і ижъ есмо зостали безъ монаршой милости въ краю чужомъ осиротѣлими по истинной тужимо, но еднакъ упевнившися чрезъ нарочного войскового товариша [2]) отъ нашего ясневельможного войскъ запорожскихъ обоихъ сторонъ Днепра пана гетмана до насъ войска запорожскаго низоваго и до великаго хана его милости кримскаго, же по изволенію всесилнаго единаго святаго Бога и по желанію всего вашего монаршества швецскаго ваша королевская милость вмѣсто милостивого нашего протекторя покойнаго блаженнаго и вѣчно достойной памяти его милости наяснѣйшого короля шведского, а вашого рожоного милого брата естесь на тронъ державства королевского возведенная, честію и славою прославленная, несмущаемо

---

[1]) Мѣст. Кобыляц. у., Полтавской губ.

[2]) Въ штатѣ Филиппа Орлика Ѳ. Нахимовскій носилъ званіе булавничаго. См. „Спецификацію оффицеровъ моихъ и провизіи ихъ якъ много хто зъ нихъ въ годъ беретъ", писанную рукою Орлика, въ Швед. Гос. Арх., Cosacica: Orliks skrifvelser till kongl M: t. 1711—1722. Получалъ Нахимовскій въ годъ 400 „талярей силберминцъ". Онъ отправился съ дипл. порученіемъ къ хану и въ кошъ въ сентябрѣ 1719 г.

жъ, но аки на твердомъ основаніи зостаючи умоцнени на вашой королевской милости и вшехмоцности, во вѣнцѣ королевства шведскаго вашу королевскую милость сіяючую славою и велелѣпіемъ красящуюся, всѣ мы цѣлое войско запорожское низовое рабски предъ величествомъ вашой королевской милости и предъ престоломъ и діадимою славы вашой королевской милости лицемъ доземно падаемъ и покланяемся, просячи отъ Бога вашой королевской милости во многіе лѣта помислно и долговременно отъ сили въ силу и отъ славы въ славу поступовати а надъ всѣми противящимися вашой королевской милости во всякіе часы тріумфовати и зѣло сіяти; есть намъ атаману кошовому и всему войску запорожскому низовому вѣрнимъ вашой королевской милости подданнимъ и поклоннимъ отъ прежного милостивого нашего монархи покойнаго блаженной и вѣчно достойной памяти наяснѣйшого его милости короля шведского милого вашого брата превысочайшимъ и преповажнѣйшимъ наданніи деклераціи подъ время тое, когда изъ границъ панства турецкаго во свою шведскую уступовалъ сторону, упевняючіи насъ все войско въ своей королевской милости и именуючихъ всегда имѣти при своей королевской опасности. И аще, мовилъ, отъ вашого и нашого непріятеля вамъ войску запорожскому войною не одстою желаемой вами вашой отчизни, то покоемъ, а еднакъ вась осиротѣлими не остановлю. И того ради нашому ясне вельможному войскъ запорожскихъ обоихъ сторонъ Днепра его милости пану гетману, а нынѣ при королевской вашой державѣ зостаючому росказалъ за собою въ Швецію ити, на него же ми все войско запорожское аки на стѣну непреломаную и крѣпкое оружіе, тоежъ на наданніи королевского величества деклераціи щочасно уважаючи и всекрѣпко вѣрячи всѣ до вашой королевской милости рабски припадаемъ и ижъ бы и наданное право вашой королевской наяснѣйшой милостію, а не цесаремъ его милостію наяснѣйшимъ королемъ шведскимъ, милимъ вашимъ рожонимъ братомъ, при насъ войску вашомъ запорожскомъ возъимѣло скутокъ и исполненіе, кроткими душами смиренними сердци милости ищемъ.

Вашой королевской наяснѣйшой милости милостивѣйшому нашому патрону, добродѣевѣ и протекторю вѣрнии раби и подножки.

Иванъ Малашевичъ Атаманъ кошовой зо всѣмъ войска запорожского низового товариствомъ».

З Коша маия й Року ҂аѱк.

На обороте 2-го листа печать войска зап. низ. и адресъ: «наяснѣйшой велможной многомощной кролевой въ шведской коронѣ сіяющой еи милости Улрицѣ Елеонорѣ, велце намъ премногомилостивому монарсѣ а особлившому патроновѣ, протекторовѣ и величайшому добродѣевѣ, достопочтенно и смиренно належитъ».

(Подлинникъ тамъ-же).

—

3) *Письмо кошеваго атамана Василія Ерофеевича къ кор. Фридриху I. 20 августа 1721 г.* «Наяснѣйшій и насилнѣйшій Королю Пане а пане намъ милостивый.

Когда мы атаманъ кошовый и все войско низовое запорожское получили превысочайшее намъ и благополучное наяснѣйшого вашего королевского величества презъ умислного посланнаго отъ боку ясне велможнаго добродѣя нашего его милости пана Филиппа Орлика гетмана войскъ нашихъ запорожскихъ низовихъ посланіе, въ которомъ инъформованнія зосталисмо, же намъ до тихъ часъ жаль неутолимій и преникаючій сердце и душу, смерти блаженнія и вѣчнія достойнія памяти наяснѣйшого и насилнѣйшого Короля второго надцать короля Шведского швагра вашего королевскаго величества, а нашего милостиваго пана и протектора, нынѣщасливимъ и намъ благопомислнимъ вашего королевскаго величества трону сукцессіоналне королевства шведского завладѣніемъ утолился и так наша жалость на велію перемѣнися радость. А до того еще когда ваше королевское величество обнадеживаетъ и упевняетъ насъ атамана кошового и все войско запорожское низовое во всемъ прежднею протекціею неотмѣнною и ласкою антесессора своего вишше реченнаго наяснѣйшого короля милостивого пана нашего и протектора, а швакгра вашего королевского величества, теди мы атаманъ кошевый зо всѣмъ войскомъ запорожскимъ, ведлугъ присяги нашой на вѣрность антецессорови вашего королевского величества повинъни зостановляючися при вожду и лейменътарови нашему ясне вельможному его милости пану Филиппу Орлику гетманови войскъ запорожскихъ за маестатъ вашего королевского величества а за отчизну и волности войска запорожского до остатней кроплѣ крови животъ свой истощати яко тіе, которіе зостають Вашему королевскому величеству пану а пану нашему милостивому вѣрніе наинижайшіе слуги Василій Іерофеевичъ Атаманъ кошовый зо всѣмъ войска запорожского низового товариствомъ.

З Коша запорожского августа к Року ҂аѱка.

На оборотѣ второго листа слѣды печати краснаго сургуча и адресъ: «Наяснѣйшому и наисилнѣйшому королеви шведскому Фридерикови первому, намъ велце милостивому пану а пану наипокорнѣйше. (Подлинникъ тамъ-же).

Сообщ. Н. Молчановскій.

Находка клада въ Почаевской лаврѣ въ 1840 году.

Передача Почаевскаго монастыря въ 1831 г. въ православное вѣдомство, какъ извѣстно, сопровождалась упорнымъ стремленіемъ прежнихъ его хозяевъ, уніатскихъ монаховъ, утаить и скрыть отъ новыхъ владѣльцевъ денежныя суммы и драгоцѣнныя вещи. Чего нельзя было увезти изъ монастыря, то пряталось въ разныхъ тайникахъ и укромныхъ мѣстахъ въ надеждѣ впослѣдствіи воспользоваться припрятаннымъ. Военносудная коммиссія, разбиравшая дѣло объ участіи Почаевскихъ базиліанъ въ польскомъ мятежѣ, не мало занималась разслѣдованіями и относительно сокрытія ими монастырскаго имущества, и благодаря добытымъ ею свѣдѣніямъ, а главнымъ образомъ—благодаря указаніямъ мѣстныхъ крестьянъ, много было впослѣдствіи разыскано кладовъ и въ монастырскомъ лѣсу, въ муравейникахъ, и въ разныхъ тайникахъ церковныхъ зданій, и даже въ гробницѣ фундатора монастыря, Н. Потоцкаго. Какъ извѣстно, молва о существованіи кладовъ въ Почаевѣ живетъ и по настоящее время, и вотъ причина, почему тамъ и теперь еще занимаются кладоискательствомъ. Часто-ли такія разысканія сопровождаются находками, неизвѣстно, въ прежніе же годы подобныя находки удавались. Объ одномъ изъ такихъ случаевъ вотъ что нашли мы въ дѣлахъ Кременецкаго уѣзднаго суда.

Въ числѣ лицъ, привлеченныхъ къ слѣдствію въ 1831 году военносудною коммиссіею, былъ почаевскій крестьянинъ Михаилъ Турчинюкъ, исполнявшій при базиліанахъ должность монастырскаго привратника. Его обвиняли въ томъ, что за три дня до пріема монастыря, онъ по порученію іеромонаха Гервасія Галинскаго, зарылъ въ лѣсу болѣе трехъ тысячъ рублей денегъ, которыя впослѣдствіи были отысканы и отобраны въ монастырскую казну, а Турчинюкъ за то просидѣлъ около семи лѣтъ въ Кіевской крѣпости. Вернувшись въ Почаевъ въ 1839 году, онъ узналъ, что іеромонахъ Гервасій, пе-

реведенный въ Кременецкій базиліанскій монастырь, подъ разными предлогами нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Почаевъ, и въ послѣдній разъ просилъ дозволенія пойти на чердакъ братскаго корпуса и взять сложенный имъ тамъ для храненія простой курительный табакъ въ папушахъ. Ему это было дозволено, но за нимъ зорко слѣдили, и онъ дѣйствительно набралъ цѣлую бричку табаку, но не могъ взять того, за чѣмъ собственно пріѣзжалъ. Спустя нѣкоторое время Гервасій встрѣтилъ въ Кременцѣ на ярмаркѣ лаврскаго служителя Мартина Погорѣлецкаго, пользовавшагося особенною довѣренностью базиліанъ, и предложилъ ему сто червонцевъ награды, если онъ тайно достанетъ ему спрятанную на томъ-же чердакѣ книгу; при этомъ ему были описаны всѣ признаки книги и точно указано мѣсто, гдѣ она спрятана. Но Погорѣлецкій не прельстился наградой, а предпочелъ послѣдовать примѣру своего односельца крестьянина Андріевскаго, который за содѣйствіе къ отысканію сокрытыхъ базиліанами монастырскихъ сокровищъ, по представленію генералъ-губернатора Левашова, былъ награжденъ серебрянною медалью на аннинской лентѣ. Погорѣлецкій секретно сообщилъ намѣстнику лавры, архимандриту Антонію, о сдѣланномъ ему Гервасіемъ предложеніи, и когда монастырскія власти пошли на чердакъ, что надъ братскими келліями, и, по указанію Погорѣлецкаго, отрыли щебень, то нашли тамъ зашитую въ холстъ и опечатанную пятью монастырскими печатями приходо-расходную книгу съ 1789 по 1827 годы, ту самую, предъявленія которой тщетно добивались власти у базиліанъ при отобраніи монастыря. Зналъ ли Турчинюкъ о существованіи этой книги— неизвѣстно, но ему было хорошо вѣдомо, что тамъ же, на чердакѣ, спрятаны были деньги. Сильно хотѣлось ему проникнуть туда и доподлинно развѣдать, сохранился ли въ цѣлости этотъ кладъ. Пробовалъ онъ подговорить монастырскаго крестьянина, кузнеца Ивана Голынца поддѣлать ключъ къ дверямъ, ведущимъ на лаврскій чердакъ, но тотъ не согласился. Между тѣмъ весною 1840 года буря сорвала кровлю на братскомъ корпусѣ, и Голынецъ посланъ былъ чинить ее. Слѣдомъ за нимъ прокрался туда же и Турчинюкъ. Голынецъ хотѣлъ было удалить его съ чердака, но Турчинюкъ остановилъ его словами: «Мовчы, дурню, я покажу тоби скарбъ». И онъ точно указалъ въ стѣнѣ мѣсто, гдѣ долженъ находиться ящикъ съ табакомъ и съ деньгами, тайно замурованный имъ совмѣстно съ бывшимъ іеромонахомъ Гервасіемъ, еще въ 1830 году. Стали они ломать стѣну надъ трапезой,

и тамъ дѣйствительно оказался ящикъ, наполненный табакомъ. Когда вынимали табакъ, то Турчинюкъ выхватилъ оттуда какую-то пачку, обернутую синею бумагою, спряталъ ее за пазуху и, сказавъ Голынцу: «Мовчы жъ, я и тоби удилю»,—поспѣшно скрылся съ чердака.

Недѣли черезъ двѣ послѣ того по селу прошелъ слухъ, что Голынецъ и Турчинюкъ нашли на лаврскомъ чердакѣ деньги. Слухъ дошелъ до намѣстника лавры, архимандрита Антонія, и онъ, пригласивъ мѣстнаго станового пристава, рѣшилъ произвести формальное слѣдствіе. На допросѣ Голынецъ во всемъ повинился и подробно сообщилъ, что выше разсказано, при чемъ добавилъ, что вынутая изъ ящика пачка была толщиною въ полъ-кирпича и что Турчинюкъ, выйдя съ ней изъ монастырскаго двора, направился къ еврею Нуткѣ, арендовавшему у лавры питейную торговлю. Противъ этого Турчинюкъ показалъ, что онъ точно ходилъ на монастырскій чердакъ, такъ какъ зналъ, что бывшіе базиліане прятали тамъ табакъ, и что они съ Голынцемъ открыли въ стѣнѣ ящикъ съ табакомъ, откуда онъ и взялъ одну или двѣ папуши, но денегъ никакихъ тамъ не было и онъ о нихъ ничего не знаетъ. Спросили и еврея Нутку, но тотъ рѣшительно отвергъ какое бы то ни было свое участіе въ этомъ дѣлѣ. Приставъ составилъ протоколъ, и дѣло было передано кременецкому земскому исправнику для дослѣдованія, а Турчинюкъ и Голынецъ взяты были подъ стражу и заключены въ кременецкую градскою тюрьму. Тамъ они имѣли достаточно времени и всѣ удобства къ тому, чтобы столковаться какъ слѣдуетъ, и когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ихъ вызвали къ исправнику для передопроса и Голынецъ долженъ былъ на очной ставкѣ съ Турчинюкомъ уличать его въ содѣянномъ совмѣстно преступленіи, то Голынецъ, къ изумленію исправника и духовнаго депутата, категорически отрекся отъ своего первоначальнаго показанія и во всемъ подтвердилъ показанія Турчинюка. «Зачѣмъ же ты иное говорилъ на первомъ допросѣ?» спрашивали его слѣдователи. Голынецъ отвѣчалъ, что онъ взвелъ напраслину на Турчинюка, чтобы избѣжать тѣлеснаго наказанія, котораго ожидалъ со стороны лаврскаго начальства. Напрасно его уличали присяжными показаніями двухъ почаевскихъ крестьянъ, которые сами слышали, какъ Голынецъ хвалился, что Турчинюкъ при немъ нашелъ на монастырскомъ чердакѣ деньги и обѣщалъ съ нимъ подѣлиться. Голынецъ упорно стоялъ на своемъ. По обычаю тогдашняго судопроизводства, сдѣлали «повальный обыскъ» у подсудимыхъ, при чемъ они оба были «въ поведеніи» одобрены.

Дѣло поступило въ такомъ видѣ на рѣшеніе уѣзднаго кременецкаго суда. Здѣсь подсудимые согласно повторили прежнія показанія, и судъ, за недостаткомъ прямыхъ уликъ, постановилъ: «оставить Голынца и Турчинюка въ находкѣ ими съ чѣмъ бы то ни было пачки между табакомъ въ подозрѣніи, покамѣстъ какимъ-либо случаемъ явнѣе на нихъ сіе не обнаружится, а за необъявленіе ими въ свое время о находкѣ въ ящикѣ табаку, къ чему сами добровольно сознались, вмѣнить имъ въ наказаніе претерпѣнное ими подъ стражею тюремное заключеніе, и какъ одобренныхъ въ поведеніи, оставить на прежнемъ жительствѣ».

О. Л.

Новый документъ 1604 года о Самозванцѣ. Приводимый ниже документъ о Лжедимитріи найденъ г. Адамомъ Даровскимъ въ Италіи, въ архивѣ князей Фарнезе. Одинъ изъ представителей этого знатнаго рода Рануччіо, владѣвшій въ началѣ XVII в. Піаченцей и Пармой, держалъ при австрійскомъ дворѣ въ качествѣ резидента собственнаго агента Томаша Ронкароли, который доставлялъ властелину своему свѣдѣнія, не только близко касавшіяся Піаченцы и Пармы, но вообще политическаго положенія другихъ государствъ. Когда вѣнскій дворъ переѣзжалъ въ Прагу, Ронкароли сопровождалъ его, доказательствамъ чего могутъ служить оставшіяся послѣ него за нѣсколько лѣтъ письма, дающія свѣдѣнія о Самозванцѣ. Письма эти, впрочемъ, не сохранились въ подлинникѣ, а лишь въ копіи съ оригинала, который пармскій посолъ имѣлъ въ рукахъ, или, быть можетъ, видѣлъ у лицъ, близкихъ къ императорскому двору.

Какъ историческій документъ, наибольшій интересъ изъ этихъ писемъ представляетъ донесеніе изъ Чернигова—описаніе перваго похода Самозванца изъ Украины за Днѣпръ, въ московскіе предѣлы, вмѣстѣ съ воеводой Сандомірскимъ Юріемъ Мнишкомъ. Въ «заѣздѣ» этомъ, которымъ Самозванецъ открылъ свою карьеру, авторъ реляціи самъ принимаетъ участіе. Онъ былъ, несомнѣнно, лицо духовное католическаго вѣроисповѣданія (повидимому, іезуитъ); пишетъ о событіяхъ своему начальнику, также духовному. Судя по выраженіямъ, напр.: «наше войско», т. е. воины воеводы Сандомірскаго, онъ, очевидно, былъ полякъ, чему не противорѣчатъ разсказы его о

проповѣдяхъ и исповѣди во время похода, въ совершеніи которыхъ онъ дѣятельно участвовалъ.

Главный интересъ и цѣнность документа заключается не въ описаніи осады г.г. Моровска и Чернигова, о которой такъ подробно говоритъ Паерле въ своихъ запискахъ [1]), а затѣмъ еще обстоятельнѣе Костомаровъ [2]), пользовавшійся для своего труда и упомянутыми записками, и многими другими источниками; гораздо большее значеніе имѣютъ приводимыя въ документѣ свѣдѣнія о состояніи замковъ въ этихъ городахъ, о степени ихъ укрѣпленности, о замковой артиллеріи, о количествѣ украинскихъ, запорожскихъ и донскихъ казаковъ, участвовавшихъ въ первомъ походѣ Самозванца за время отъ выѣзда его изъ Сандоміра до выступленія изъ Чернигова (отъ 22 августа до 12 ноября 1604 года). По этому послѣднему вопросу показанія прежнихъ источниковъ рѣзко расходятся. Одни [3]) показываютъ 6000 козаковъ, другіе [4]) 10000, третьи [5]) всего лишь около 1000 и т. д. Документъ нашъ ясно говоритъ, сколько было первоначально козаковъ, сколько присоединилось по пути, сколько прибыло запорожцевъ и донцовъ.

Писанъ онъ на латинскомъ языкѣ, и помѣщенъ въ переводѣ на польскій въ газ. «Kraj», № 47, откуда его и заимствуемъ [6]).

Слѣдуетъ замѣтить, что въ Ватиканскомъ Архивѣ (Borgh., III, go b. F. 298—300) хранится въ подлинникѣ какъ настоящее донесеніе, такъ и позднѣйшее, отъ 15 ноября. Копіи съ этихъ донесеній есть въ Краковской Академіи Наукъ. Ими пользовался г. Ал. Гиршбергъ въ своемъ недавнемъ трудѣ «Dymitr Samozwaniec» (Lwów, 1898), стр. 75, пр. I.

Nova Moskovitica 10 et 12 Novembris anni 1604. Послѣ весьма продолжительнаго похода черезъ Подолье и другія обширныя

---

[1]) Сказанія современниковъ о Димитр.-Самозв., I, 156—157 „Записки Паерле".

[2]) Смутное время Моск. Госуд. т. I.

[3]) Беръ (Лѣтопись Московская), въ Сказ. совр., стр. 38.

[4]) Де-Ту,—тамъ-же, 330.

[5]) Маржеретъ, тамъ-же, 293.

[6]) Документъ подписанъ 10 ноября, но по смыслу его (разсказываются событія 12 числа) надъ предположить, что это описка.

области русскія [1]), мы благополучно и невредимо прибыли 17-го октября съ ясновельможнымъ паномъ Воеводою (т. е. Юріемъ Мнишкомъ) и его войскомъ въ Кіевъ; пробывъ здѣсь три дня и приведя въ порядокъ войско, отступили отъ Кіева на двѣ мили для переправы черезъ Днѣпръ. Но намъ потребовалось 6 или 7 дней, пока все войско перешло на противоположный берегъ широкой рѣки; поэтому представился прекрасный случай позаботиться у Днѣпра о религіозныхъ потребностяхъ солдатъ, особенно же о св. исповѣди, о чемъ мы не забыли, и дѣла, благодареніе Господу, пошли не дурно: ибо почти всѣ сотники и знатнѣйшіе, очиствъ душу покаяніемъ, пріобщились св. Таинъ надъ берегомъ Днѣпра, въ небольшой палаткѣ. Ихъ примѣру тогда же и вслѣдъ за тѣмъ послѣдовали прочіе жолнѣры: забываютъ старыя неудовольствія, застарѣлую вражду, уничтожаютъ ростовщическіе договоры, вознаграждаютъ убытки, возвращаютъ чужое добро, на службѣ Божіей бываютъ не только въ праздничные дни, но нѣкоторые даже ежедневно. Духовная помощь подается не только здоровымъ, но и болящимъ. Господу Богу за то хвала!

Послѣ переправы мы направились къ границамъ Московскимъ, черезъ лѣса и болота, пока, наконецъ, въ послѣдній день октября не разбили палатокъ въ Сѣверской землѣ, подъ первымъ городомъ и замкомъ (называется Морависко [2]) и отстоитъ отъ Кіева въ 12 польскихъ миляхъ), при томъ такъ счастливо и благополучно, что замокъ этотъ вмѣстѣ съ городомъ найяснѣйшій князь (Serenissimus Princeps, т. е. Димитрій Самозванецъ) взялъ безъ битвы, не употребляя оружія.

Три дня спустя подступили къ другому, бо́льшему замку, лучше укрѣпленному, съ собственнымъ городомъ, который является однимъ изъ важнѣйшихъ, можно сказать, столицей Сѣверской земли, т. е. къ Чернигову, именуемому также Черноховымъ; отстоитъ онъ отъ Кіева въ 18 миляхъ, а отъ Морависка въ 12. И этотъ замокъ также найяснѣйшій князь взялъ 1 ноября безъ бою, благодаря добровольной сдачѣ при всеобщихъ поздравленіяхъ.

---

[1]) Изъ Самбора, надъ Днѣстромъ, вышли 22 августа (Записки Паерле, стр. 156—„Сказан. современниковъ о Димитр. Самозванцѣ", т. I).

[2]) Моровскъ—въ 60 в. отъ Чернигова.

Что же касается укрѣпленности обоихъ замковъ, то хотя оба они деревянные, однако весьма крѣпки благодаря валамъ, рвамъ, палисадамъ, башнямъ, дубовымъ стѣнамъ, внутри насыпаннымъ землей и снабженнымъ всевозможными московскими укрѣпленіями этого рода.

Въ первомъ замкѣ было найдено 7 большихъ арматъ (tormenta bellica grandiosa), меньшихъ же болѣе 20 (aeneae fistulae minores); гарнизона также было около 700 стрѣльцовъ, каждый съ ружьемъ. Во второмъ замкѣ было больше войска и начальниковъ: арматъ большихъ 27, поставленныхъ на башняхъ и на стѣнѣ такъ, чтобы можно было со всѣхъ сторонъ поражать и оттѣснять непріятеля; было еще много меньшихъ арматъ, такъ что немыслимо было бы взять эти замки силой, если бы они сами не сдались. Оба замка взяты слѣдующимъ образомъ: впередъ отправлена часть войска для того, чтобы окружить и осадить замокъ, именно 2000 козаковъ и тысяча польской гусарской конницы. Тѣмъ временемъ послана грамота найяснѣйшаго князя (т. е. Самозванца) къ москвитянамъ, въ которой онъ приглашалъ ихъ добровольно и дружески возвратить ему отцовское наслѣдіе. Нѣкоторые изъ начальниковъ городовъ упорно сопротивляются, но не одинъ тайкомъ соглашается. Народъ безъ колебанія, цѣлуя грамоту князя, такъ сильно и неудержимо стремится къ подданству, что производитъ бунтъ, производитъ нападенія на нѣкоторыхъ начальниковъ, ранитъ ихъ, хватаетъ, ввергаетъ въ тюрьмы; нѣкоторыхъ, связавши, отправляетъ къ князю, въ сопровожденіи многочисленныхъ своихъ представителей, и тѣ отдаются въ подданство и приносятъ присягу.

Таково начало перваго вступленія въ Московію, Ваше Высокопреподобіе (Reverentia Vestra), довольно мирное, удачное, хотя между жолнѣрами и случалось нѣсколько дракъ, какъ это обыкновенно бываетъ на войнѣ, но они уже, слава Богу, прекратились и не мѣшаютъ предпринятому походу въ Москву.

Что же касается *нашего* войска, то оно превосходно и немалочисленно. Кромѣ тѣхъ 3-хъ тысячъ, о которыхъ, если не ошибаюсь, раньше писалъ Вашему Высокопреподобію, къ намъ на пути присоединилось много *козаковъ*, такъ что ихъ уже считается около 3-хъ тысячъ, и это только изъ тѣхъ селъ и городовъ, черезъ которые мы проходили; теперь ожидаемъ еще болѣе тысячи другихъ, которыхъ именуютъ Запорожскими. Ожидаемъ также пана Галецкаго, пана Струся съ тысячей конницы и кн. Рожинскаго съ нѣсколькими сот-

нями, которые конечно пойдутъ за ясновельможнымъ паномъ Воеводой [1]), что обѣщали устно, а затѣмъ подтвердили и письменно. Ожидаются также на помощь козаки московскіе, Донцы, которые, какъ говорятъ, идутъ на встрѣчу князю [2]).

12 ноября прибыло еще 9000 конницы или козаковъ донскихъ. Ожидали это войско, а теперь оно уже есть, къ великой радости найяснѣйшаго князя. Кромѣ того прибыло еще 4000 козаковъ запорожскихъ. Да будетъ благословенно имя Божіе за неизмѣнную помощь вездѣ невинному. О военныхъ силахъ Москвы ничего не знаемъ; только начальники Черниговскаго замка увѣряютъ, что Годунъ (т. е. Борисъ Годуновъ) не собралъ совсѣмъ войска, считая немыслимымъ, чтобы Черниговъ, такъ хорошо укрѣпленный, могъ быть взятъ нами [3]). Правда ли то, что мнѣ разсказываютъ, не знаемъ. Вижу, что наши начальники держалися осторожно.

Ежедневно отправляемъ Службу и говоримъ проповѣди жолнѣрамъ въ праздничные дни, развѣ что надо идти поспѣшно, какъ это нерѣдко случается; но мы лишь тогда снимаемся съ мѣста, когда здоровые ушли впередъ. Ясновельможный Воевода (Magnificus Dux Pallatinus—Мнишекъ) исповѣдникомъ имѣетъ бернардина, но и о насъ имѣетъ великое, отцовское попеченіе.

Найяснѣйшій князь (т. е. Димитрій) часто благосклонно и ласково бесѣдуетъ съ нами, но въ краткихъ словахъ проситъ молиться за него и за успѣхъ похода, не разъ проситъ поблагословить его, иногда привѣтствуетъ и притомъ искренно. На пути почти всѣ сотники и многіе изъ воиновъ передъ переходомъ московской границы очистили души св. покаяніемъ и укрѣпились св. евхаристіей, каковымъ дается также приватно общее отпущеніе грѣховъ; другіе слѣду-

---

[1]) Сандомірскимъ,—Юріемъ Мнишкомъ.

[2]) Въ бытность Самозванца въ Самборѣ, посланъ былъ нѣкто Свирскій на Донъ для возбужденія донскихъ козаковъ. Но еще раньше, во время пребыванія Димитрія въ Краковѣ, туда являлись къ нему два донскіе атамана и объявили готовность служить „всѣмъ тихимъ Дономъ" (Костом. Смутн. время, I, 108, 123). Затѣмъ, когда польское войско переправилось черезъ Днѣпръ и направлялось къ Моровску, снова явились къ Димитрію послы отъ донскихъ козаковъ съ изъявленіемъ охоты служить всѣмъ вольнымъ Дономъ. Однако, какъ видно, обѣщанія такъ и оставались обѣщаніями; только теперь прибыла значительная подмога, превосходившая числомъ всю польскую армію.

[3]) Соловьевъ, т. VIII, 761, говоритъ, что только въ январѣ сѣверныя русскія области были увѣдомлены правительствомъ о Лжедимитріи.

ютъ ихъ примѣру, и такимъ образомъ получается немалая польза въ обращеніи душъ. Слава Богу! Дѣйствительно, надо благодарить Бога и за это начало; пусть Онъ дастъ еще болѣе счастливый оборотъ этому дѣлу, а мы будемъ неустанно просить о помощи Милосерднѣйшаго Бога, такъ какъ по Его Милости достигли мы того, что есть и что признано не только нами, но и многими воинами.

Два или три дня спустя войско двинется отсюда вглубь Московіи [1]), гдѣ, какъ говорятъ, путь будетъ идти миль на тридцать лѣсами къ Бѣлгороду (Bialingrod): пусть Богъ ведетъ и выведетъ. Многіе изъ польскихъ жолнѣровъ даютъ обѣщаніе остаться въ Москвѣ, если Богъ дастъ успѣхъ въ этомъ предпріятіи; и мы вмѣстѣ съ тѣмъ не будемъ упускать случаевъ обращенія душъ ко Христу, хотя о томъ и о другихъ важныхъ дѣлахъ будетъ, надѣемся, время и возможность подумать. Тѣмъ временемъ горячо поручаю себя памяти Вашего Высокопреподобія при св. службѣ и въ молитвахъ.

Изъ Чернигова, 10 ноября 1604 г.

Сообщ. В. Доманицкій.

По Днѣстру. *(Путевыя замѣтки).* Въ Новороссійскомъ Телегр. 1898 г. № 7542 были помѣщены путевыя замѣтки по Днѣстру А. П. Тиверцева, представляющія интересъ въ томъ отношеніи, что живо рисуютъ характерныя мѣстности русскаго Днѣстра на протяженіи до 300 верстъ. Считаемъ нелишнимъ для нашихъ читателей перепечатать болѣе интересныя выдержки изъ этой статьи.

—

Желая проѣхать по Днѣстру, я рѣшилъ отправиться на «Піонерѣ» —пароходѣ, курсирующемъ между Вадулуй-Водами и Могилевымъ. Вадулуй-Воды—небольшое село, въ 18 верст. отъ Кишинева, у вершины одной изъ значительныхъ излучинъ Днѣстра. Впадающая въ нее невдалекѣ р. Икель отдѣляетъ Кишиневскій уѣздъ отъ Оргѣевскаго уѣзда, Бессарабской губерніи.

Могучая рѣка, широкая долина по берегамъ, сплошь покрытая садами, виноградниками, тополями и вербами—вотъ первое впечатлѣніе, полученное мною отъ долины Днѣстра около г. Дубоссаръ, когда на разсвѣтѣ поднялся я на мостикъ парохода.

---

[1]) По словамъ дневника Лжедимитрія, изъ Чернигова выступили 14-го.

Между прочимъ, противъ Дубоссаръ впадаетъ р. Реутъ—самый значительный правый притокъ Днѣстра.

Нѣсколько выше Дубоссаръ, бессарабскій берегъ начинаетъ повышаться, и Днѣстръ образуетъ довольно крутой изгибъ по направленію къ пристани Маловатой,—такъ называемые *Роги* (рога), обставленные дугою горъ, то покрытыхъ лѣсомъ, то обнаженныхъ и изрытыхъ оврагами съ сверкающими на солнцѣ ручейками и родниками. Здѣсь, между прочимъ, проѣзжаемъ мы мель «Гуяна».

Зеленая ленточка р. Ягорлыка отдѣляетъ Херсонскую губ. отъ Подольской, которая представляетъ долину, почти сплошь покрытую роскошными садами съ рядами тополей, особенно въ изгибѣ Днѣстра у с. *Красный Кутъ*. Далѣе повышается уже подольскій берегъ и понижается бессарабскій и т. д. Въ этой части, на дугообразномъ изгибѣ Днѣстра, расположены почти сплошнымъ рядомъ деревни. Правильное чередованіе горъ то съ правой, то съ лѣвой стороны, стѣсняющихъ иногда оба берега Днѣстра, замѣчается на всемъ протяженіи нашего пути.

Выше Днѣстръ течетъ почти въ меридіанальномъ направленіи безъ значительныхъ извилинъ, образуя такъ называемый *прогонъ*. Часть этого проѣзда отъ пристани Латовой до Рыбницы—одна изъ живописнѣйшихъ мѣстностей, достойная кисти художника.

Затѣмъ снова возвышается бессарабскій берегъ, горы котораго,—то усѣянныя камнями, то гладкія, какъ столъ, или же съ возвышающимися небольшими конусами,—большею частью покрыты лѣсомъ. Здѣсь, среди лѣса, выдѣляются три дикихъ скалы, въ одной изъ которыхъ бѣлѣетъ древній скитъ,—такъ называемый *Городище*, (близъ бессарабской деревни Цибова, напротивъ подольскаго селенья Попенки) Верстахъ въ 12 отъ него находится *Сахарнянскій монастырь*, (возлѣ с. Сахарна; основанъ монахомъ Варѳоломеемъ Криворучкой въ XVIII в.), расположенный въ лѣсномъ ущельѣ, на трехъ возвышающихся одинъ надъ другимъ уступахъ и окруженный со всѣхъ сторонъ горами съ вьющимися по нимъ тропинками, дорожками и особымъ узкимъ проходомъ. Напротивъ расположенъ продолговатый высокій островъ, покрытый виноградниками. Продолговатые, покрытые вербами и лозою острова, а также выступающія изъ воды отмели, съ разгуливающими на нихъ аистами и цаплями, расположены противъ овраговъ или устьевъ впадающихъ въ Днѣстръ рѣчекъ и наглядно указываютъ на свое образованіе путемъ наносовъ...

Мы все плывемъ. Вотъ, наконецъ, сѣро-желтая Резина—мѣстечко, въ которомъ «Монополія» представляетъ лучшее зданіе, а затѣмъ—подольское мѣстечко Рыбница, съ красивымъ садомъ на берегу. Здѣсь оба берега Днѣстра соединены желѣзнодорожнымъ мостомъ на двухъ устояхъ; здѣсь же, между прочимъ, оканчивается ровно треть нашего пути (100 верстъ).

Нѣсколько выше Рыбницы этотъ длинный поѣздъ заканчивается крутымъ поворотомъ Днѣстра къ западу. Суровый подольскій берегъ господствуетъ надъ бессарабскимъ берегомъ, который спускается здѣсь нивами и яркими лугами почти къ самой рѣкѣ. У вершины угла, въ виноградникахъ, бѣлѣетъ постройка къ видѣ башенки, на склонѣ горы пестрѣетъ стадо овецъ, на рѣкѣ—съ острова—поднимается купа деревъ, въ узкой долинѣ, прорѣзывающей горы, виднѣется с. Молокишъ. Впереди тоже довольно грозныя горы, а далѣе горизонтъ закрывается поперечными горами, что означаетъ новый поворотъ рѣки... Отъ середины этого западнаго переѣзда виднѣется характерный уступъ, напоминающій издали голову громаднаго сфинкса; повышается также бессарабскій берегъ, покрывается лѣсомъ и импонируетъ подольскому берегу,—съ обѣихъ сторонъ на склонахъ—виноградники, сады, то съ бѣлѣющимъ домомъ помѣщика, то съ постройкою въ видѣ башенокъ... Здѣсь, при верховомъ вѣтрѣ («горишный»), насъ настигаетъ гроза съ эффектными зигзагами молніи и раскатами грома, повторяемыми эхомъ...

Вотъ мы дѣлаемъ новый небольшой поворотъ къ сѣверу. У с. Соколы оканчивается Оргѣевскій уѣздъ и начинается Сорокскій, который тянется въ продолженіе всего остальнаго нашего пути. Скоро показались огни м. Рашкова—подольскаго и бессарабскаго,—нѣсколько выше котораго оканчивается также Балтскій и начинается Ольгопольскій уѣздъ Подоліи.

Непрерывный дождь съ холоднымъ вѣтромъ заставляетъ насъ спуститься на палубу. Въ числѣ новыхъ пассажировъ (изъ Рыбницы) виднѣется десятокъ—другой типичныхъ малороссовъ, часть которыхъ расположилась въ душной каютѣ 2 класса, откуда доносится какая то малорусская хоровая пѣсня.

Это—такъ назыв. *галерники*, т. е. гонщики плотовъ и галеръ,—преимущественно изъ Жванца, Хотина, Ушицы,—возвращающіеся домой послѣ пятинедѣльной отлучки. За гонку плата до г. Маяки—

вблизи лимана—каждый изъ нихъ получаетъ по 9 рублей, изъ которыхъ 2 рубля удерживаются на обратный путь.

Когда-то пишущій эти строки проѣхалъ на плоту въ теченіе болѣе сутокъ и теперь считалъ бы нелишнимъ привести здѣсь нѣкоторыя изъ своихъ воспоминаній объ этой поѣздкѣ.—Съ появленіемъ утренней зари, мы вмигъ поднялись на *сплавахъ* (такъ называются плоты); заскрежетали шесты о кремнистое дно, заскрипѣли «кермы»—огромныя весла,—и мы тихо поплыли... Горы, изрытыя желтыми оврагами, бѣлѣющія, темнѣющія отъ покрывающаго ихъ кустарника, то уходятъ назадъ, то загораживаютъ горизонтъ... Деревеньки съ маленькими церквами, овцы съ глухимъ звономъ вожака, скрипъ и пискъ водяныхъ мельничекъ чередуются съ здоровымъ носовымъ говоромъ жителей Бессарабіи.

Вотъ закраснѣлся небосклонъ; просыпающаяся рѣка дымится паромъ, и теплая вода не освѣжаетъ лица... Вотъ чайки (рыбалки) съ крикомъ проносятся по рѣчкѣ... Разъ направленный плотъ (сплавъ), идетъ вѣрно и спокойно подъ присмотромъ «правчика», который изрѣдка закричитъ своему подручному»: «тремай (держи) въ Лядчину, тремай въ Молдову! Годи (довольно)»!... Сидя у кормы, при такой однообразной обстановкѣ, невольно вспоминается покинутая «Окраина», милая, летающая по полю «сивою голубкою»,— и польется грустная, мелодичная пѣсня, долго оглашающая берега Днѣстра... А то вдругъ съ берега какая-нибудь проказница закричитъ звонко: «Дядьку—дядьку, щаслыва вамъ дорога, видъ носа та до порога!» на что иной находчивый голосъ съ плота отвѣчаетъ: «Росты велыка, та не будь дыка;—не ходы въ лисъ, бо вовкъ тебе зъисть»!..

Трудно приходится когда плотъ сядетъ на мель: не столько опасно, сколько несносно и невыгодно; много времени отнимаетъ это стояніе на одномъ мѣстѣ у людей, которымъ предстоитъ впереди недѣльный обратный путь пѣшкомъ. Такъ случилося и съ однимъ изъ нашихъ сплавовъ (плотовъ) возлѣ с. Нападава... Не теряя времени, мы направились въ Шабку...—Эту-то мѣстность съ извѣстною мелью «Качалова» (ниже Каменки) мы проходили ночью на «Піонерѣ».

Шабскій Вознесенскій монастырь съ церковью и небольшой келіей въ скалѣ (основанъ въ XVII в. іеремонахомъ Іезикіилемъ) посѣщается множествомъ богомольцевъ. Мѣстность чудная. Молдаване говорятъ, что соловьи со всей Бессарабіи слетаются сюда. Видно,

что основатели бессарабскихъ монастырей были тонкими цѣнителями красотъ природы. Напротивъ виднѣется м. Каменка—нынѣ курортъ—съ ея садами, виноградниками, домомъ кн. Витгенштейна и извѣстнымъ виномъ («каменское вино»). Вообще здѣсь происходитъ интереснѣйшая часть нашего пути. Кто проѣхалъ по Днѣстру между Каменкою и Ямполемъ,—тотъ, можно сказать, узналъ всѣ главнѣйшія особенности этой живописной рѣки. Прежде всего это одна изъ самыхъ извилистыхъ частей Днѣстра, въ общемъ болѣе чѣмъ удваивающая разстояніе между названными пунктами (90 верстъ вмѣсто 40 в. сухопутьемъ). Ночью мы прошли первую изъ трехъ извилинъ (у с. Вертюжаны), нѣсколько похожую на шею рака—*Ракова шыя* (кажется, собственно, такъ называется большая извилина Днѣстра между гг. Григоріополемъ и Бендерами)—и встрѣтили пасмурное утро (10-го іюля) у с. Грушки. Вторая извилина, съ весьма острымъ угломъ, такъ называемая *Локоть* (у с. Воронкова) служитъ причиною сильнѣйшихъ наводненій, вслѣдствіе того, что въ ней во время ледохода нерѣдко скопляется ледъ и забиваетъ Днѣстръ. Здѣсь-же, между прочимъ, заканчивается вторая треть нашего пути (103 версты).

Наконецъ, третья значительная извилина, начинающаяся прекрасною долиною у с. Трефауцы, омываетъ затѣмъ возвышенный бессарабскій берегъ, покрытый лѣсомъ, виноградниками и прорѣзанный громаднымъ бѣлѣющимъ оврагомъ съ пещерою на склонѣ, за которымъ начинаются предмѣстья гор. Сороки, съ его круглою генуэзскою крѣпостью (Ольхіонія) и улицами, въ которыхъ съ трудомъ могутъ разъѣхаться двѣ молдаванскія «каруцы»—одноконныя повозочки.

По выѣздѣ изъ Сорокъ, сначала повышается подольскій берегъ. Вотъ бѣлѣющій оврагъ—возлѣ м. Цекиновки—съ уступомъ, по которому во время ливня вода низвергается въ видѣ водопада. Вотъ Янкуловскій лѣсъ съ различными оттѣнками зелени—темной вверху, свѣтлой посрединѣ и серебристой внизу,—два большихъ острова, покрытыхъ вербами, лознякомъ, садами, тополями. По берегу начинаются гранитныя скалы—иногда громадныхъ размѣровъ—сглаженныя водою. Одна изъ нихъ въ видѣ мавзолея...

Дальше мы проѣзжаемъ среди сплошныхъ отвѣсныхъ стѣнъ, состоящихъ изъ сѣраго гранита и желтой глины. Береговыя ласточки рѣзво носятся надъ рѣкою; иногда небольшой пестрый ястребъ паритъ надъ прибрежными скалами. Въ гранитной стѣнѣ возлѣ г. Ка-

соуцы, точно нарочно, выдѣланы карнизы, выдолблены углубленія и поднимаются отдѣльныя плиты, въ родѣ памятниковъ... Мы—у *Ямпольскихъ пороговъ* (деревня «Пороги»), мѣсто которыхъ обозначается темными гранитными скалами съ той и другой стороны узкаго фарватера. Нѣсколько выше выступаетъ такъ называемая *Череда*—цѣлая группа скалъ, напоминающая издали стадо скота.

Самый Ямполь—уѣздный городъ—расположенъ на низменности; у второго поворота отъ него, около деревни Фламинды, выступаетъ внушительный подольскій берегъ изъ глины и мѣла («крейда»), въ которомъ виднѣется нѣсколько отверстій—*пещеръ*, въ которыхъ и теперь еще находятъ много стараго серебра и оружія. Старые люди утверждаютъ, что здѣсь когда-то былъ городъ—Старый Могилевъ, но «турокъ разогналъ его».

Въ образуемомъ здѣсь колѣнѣ Днѣстра находится такъ называемый *Гребень*—ряды подводныхъ скалъ, надъ которыми рябится вода, а изъ ней въ мелководье нѣкоторыя скалы выступаютъ на поверхность... Далѣе, на возвышенномъ бессарабскомъ берегу тянется Головчинскій лѣсъ; впереди горизонтъ закрывается поперечными горами, и Днѣстръ снова образуетъ крутой «локоть». Падающая отъ горъ тѣнь и рельефъ постепенно понижающагося подольскаго берега производятъ удивительный оптическій обманъ: кажется, будто вы движетесь по покатой поверхности рѣки, которая далѣе исчезаетъ... Въ слѣдующемъ небольшомъ прогонѣ, у подошвы горы въ формѣ трапеціи, расположенъ бессарабскій *Кременчугъ*, бывшее мѣстечко, жители котораго, по разсказу добродушнаго старичка, кременчугскаго обывателя, были разогнаны татарами и дали названье полтавскому Кременчугу (днѣпровскому)... Наконецъ, Днѣстръ дѣлаетъ послѣдній на нашемъ пути поворотъ—и мы направляемся къ западу. Сначала возвышается подольскій берегъ, особенно, у м. Яриги. Весь склонъ у с. Субботовки покрытъ прекрасными виноградниками. Здѣсь оканчивается Ямпольскій уѣздъ; далѣе, на холмахъ видны Садновцы—село Могилевскаго уѣзда.

Здѣсь снова повышается бессарабскій берегъ, большею частью покрытый лѣсомъ, съ лѣсистыми ущельями и выступами, напоминающими старинныя башни. Въ одномъ изъ такихъ ущелій расположенъ *Каларашевскій монастырь*,—бывшій сначала подворьемъ молдавскаго монастыря св. Саввы, въ которомъ могилевскій житель Хаджи Марко Доничъ, около 1780 г., устроилъ каменную церковь и сталъ именоваться первымъ *эпитропомъ*, т. е. настоятелемъ монастыря.

Подъ звуки солдатскихъ пѣсенъ нашихъ галерниковъ, къ 10 часамъ вечера мы прибыли въ Могилевъ,—собствено «Могиловъ», городъ, основанный молдавскимъ господаремъ Іереміей Могилой (около 1600 г.),—лучшій городъ въ Подоліи, съ грандіознымъ мостомъ черезъ Днѣстръ...

Среди такихъ-то береговъ, на каждомъ шагу мѣняющихъ свои очертанія и краски, въ тѣсномъ руслѣ, постоянными извилинами пролагаетъ свой путь быстрый Днѣстръ,—Тирасъ грековъ, Турла турокъ—съ его продолговатыми островами, выступающими изъ воды отмелями, перекатами, порогами и т. п. Довольно узкій и прихотливый фарватеръ Днѣстра,—такъ называемая *матка*—въ настоящее время на всемъ пути обозначенъ различными знаками; устроены дамбы, плотины, поставлены бакены, фонари и проч., для наблюденія за которыми содержится цѣлый штатъ береговыхъ, постовыхъ старшинъ и различныхъ чиновниковъ. Для разъѣздовъ ихъ имѣется пароходъ «Днѣстръ»,—какъ говорятъ весьма комфортабельный. Встрѣчающіеся отъ времени до времени, такъ называемые *сплавы*—плоты и *галеры*—открытыя, четыреугольныя плоскодонныя баржи, въ родѣ ящиковъ,—нагруженныя мѣшками съ хлѣбомъ, досками, гонтомъ, дровами, гипсомъ и проч., попрежнему составляютъ главный видъ днѣстровскаго торговаго судоходства; нѣсколько закрытыхъ баржей и встрѣтившійся буксирный пароходъ «Польза» вмѣстѣ съ «Кишиневомъ» и «Піонеромъ» представляютъ все торговое и пассажирское движеніе Днѣстра, пересѣкающаго на своемъ пути густо населенную полосу чернозема, считающагося житницею Россіи.

О какихъ бы то ни было пристаняхъ для пассажировъ здѣсь и мечтать не совѣтую.

По словамъ лоцмановъ, знаки и баканы мало помогаютъ при мелководьи: суда то и дѣло становятся на мель.

Одна или двѣ землечерпательныя машины, находящіяся у какой то днѣстровской пристани, въ полномъ бездѣйствіи.

Почти въ двое сутокъ (44 часа) мы проѣхали около 300 верстъ, т. е. все среднее теченіе русскаго Днѣстра, который въ этой части служитъ естественною этнографическою границею между Россіею и Румыніею.

Разставаясь съ прекрасными берегами Днѣстра, нельзя не посовѣтовать каждому, у кого есть возможность, совершить поѣздку по

Днѣстру—даже на «Піонерѣ». Окружающая природа заставитъ васъ забыть неудобства пароходной обстановки, тѣмъ болѣе что по теченію рѣки на этотъ проѣздъ потребуется нѣсколько болѣе сутокъ.

А. П. Тиверцевъ.

ЛЕТУЧІЯ ЗАМѢТКИ.

Съ текущаго года мы рѣшаемъ внести въ отдѣлъ «Извѣстій и замѣтокъ» особую рубрику, озаглавивъ ее «Летучія замѣтки», куда войдутъ всѣ тѣ извѣстія, которыя касаются новостей въ области науки, литературы и искусства въ нашемъ краѣ и которыя въ разрозненномъ видѣ попадаются въ разныхъ газетахъ и журналахъ, но не будучи сгруппированы вмѣстѣ, затериваются въ массѣ разнородныхъ мелочей. На первый разъ мы помѣщаемъ рядъ такихъ замѣтокъ, извлеченныхъ изъ нѣкоторыхъ русскихъ, польскихъ и галицкихъ изданій, но разсчитываемъ впереди расширить этотъ отдѣлъ, слѣдя болѣе систематически за періодическими изданіями, начиная съ 1899 года.

Празднованіе столѣтія возрожденія украинской литературы.

1) *Въ Кіевѣ* происходило чествованіе памяти творца и родоначальника художественной малорусской словесности, И. П. Котляревскаго, 25 ноября 1898 года. Празднество было устроено Литературно-артистическимъ Обществомъ, многіе изъ членовъ котораго, малороссы по происхожденію, приняли въ немъ самое дѣятельное участіе, составивъ очень удачно литературно-вокальный вечеръ. Вечеръ этотъ открылся чтеніемъ большого количества телеграммъ изъ разныхъ городовъ Россіи и Галиціи, а затѣмъ были прочитаны два реферата: одинъ—г. Науменкомъ, а другой—г-жей Старицкой-Черняховской. Послѣ рефератовъ началось концертное отдѣленіе вечера, причемъ чередовались декламаціи съ вокальными и музыкальными номерами. Особенно произвели впечатлѣніе: кантата для хора, напи-

санная г. Лисенкомъ къ этому дню на слова Шевченка «На вічну памьять Котляревськову», а также прочитанное артистомъ кіевской русской драматической труппы г. Багровымъ стихотвореніе г-жи О. Косачъ. Вечеръ этотъ, какъ по содержанію, такъ и по исполненію, можетъ быть названъ вполнѣ удавшимся. Зала Литературно-артистическаго Общества не могла вмѣстить всѣхъ желавшихъ присутствовать на вечерѣ, и такъ какъ она была переполнена, то пришлось многимъ возвращаться домой, не проникши даже въ самое помѣщеніе Общества. О чествованіи въ Кіевѣ сообщалось, кромѣ кіевскихъ газетъ: «Жизнь и Искусство», № 328 и «Кіевское Слово», №№ 3910 и 3911,—въ «Сынѣ Отечества», № 336 и въ «Полтавскихъ Губерн. Вѣдомостяхъ», № 261.

—

2) *Въ Петербургѣ* празднованіе происходило 29-го октября, въ залѣ желѣзнодорожнаго клуба, куда собралось до 50 человѣкъ почитателей памяти поэта; тутъ были и нѣкоторые изъ русскихъ и польскихъ писателей, расположенныхъ къ украинскому слову. Среди залы, на высокой подставкѣ, стоялъ большихъ размѣровъ портретъ творца «Энеиды», убранный вышитыми «рушниками». Празднованіе открылъ г. Мордовцевъ короткой рѣчью о значеніи Котляревскаго, закончивъ ее теплымъ обращеніемъ къ присутствующимъ русскимъ и польскимъ писателямъ. За нимъ г. Ж. подробнѣе остановился на содержаніи «Энеиды», показавъ, какимъ правдивымъ народнымъ духомъ, гуманностью и любовью къ родному краю проникнуто это произведеніе. Затѣмъ г. Ц. представилъ обзоръ работы преемниковъ Котляревскаго, изъ которыхъ—Шевченко, Кулишъ и Костомаровъ—привели къ найвысшему расцвѣту родную литературу и вмѣстѣ съ тѣмъ способствовали росту національнаго самосознанія. Наконецъ г. Б., перечисливъ главныхъ писателей Украины и Галичины самаго новаго періода, показалъ, какъ тяжело отражаются на украинской литературѣ нынѣшнія неблагопріятныя условія ея существованія. Извѣстный писатель-философъ г. Л., въ красивой рѣчи далъ новое освѣщеніе литературному облику Котляревскаго, показавъ признаки вѣроятнаго вліянія на него философіи Сковороды. Было еще нѣсколько рѣчей, а также прочтено до 20 полученныхъ телеграммъ и писемъ съ привѣтами изъ Украины, Галичины, Буковины и Угорщины, среди которыхъ выдавались письма отъ Наукового тов. ім. Шевченка, общества «Просвіта», ред. «Кіевской Старины», черниговскихъ украинцевъ.

(Літ.-Науков. Вістн., т. IV, кн. III).

3) *Въ Краковѣ*, 24 октября, въ городскомъ театрѣ, отпразднованъ торжественно юбилей возрожденія украин.-русской литературы. Сначала прочелъ рефератъ г. Войтовичъ, который въ самомъ началѣ обратилъ вниманіе поляковъ на то, что они отлично знаютъ иныя чужія литературы, а малорусской—передъ глазами у нихъ—не интересуются, и представилъ затѣмъ краткій очеркъ нашей литературы отъ Котляревскаго и его преемниковъ до нашего времени. Послѣ этого слѣдовало представленіе драмы Л. Манька «Нещасне кохання» въ переводѣ краковскаго артиста Милевскаго. Публика наградила представленіе громкими аплодисментами. Особенно понравились пѣніе и танцы. Во время антрактовъ хоръ академиковъ пѣлъ малорусскія пѣсни. Съ особеннымъ одушевленіемъ встрѣчено было пѣніе извѣстной пѣсни «Ще не вмерла Украина».

(«Буковина», ч. 129).

—

4) *Въ Галиціи* празднества происходили въ разныхъ мѣстахъ, а именно: во Львовѣ, сверхъ празднества, устроеннаго Науков. Тов. імени Шевченка 19 и 20 окт. (см. «Кіев. Ст.», № 12), было еще празднованіе 20-го ноября Общества «Руськихъ ремісників Зоря», которое устроило весьма удачный концертъ.—Перемышльскіе русинскія общества праздновали юбилей 8 декабря. Количество публики было громадное.—Такъ-же торжественно отпразднованъ былъ юбилей 3 декабря въ Черновцахъ. Малорусской публики въ театрѣ было такъ много, что такого количества до сихъ поръ не запомнятъ.—Юбилейныя торжества состоялись еще въ Станиславовѣ, Самборѣ, Дрогобычи, Бережанахъ, Бродахъ, Сокали и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ и селахъ Галиціи.—Товариству імени Шевченка, уже послѣ празднества, присланъ былъ изъ Москвы слѣдующій привѣтъ: «Этнографическій отдѣлъ Имп. Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи шлетъ Ученому Обществу имени Шевченка въ день его національнаго праздника свой искренній привѣтъ и желаетъ уважаемому Обществу дальнѣйшаго процвѣтанія на славу русскаго имени и науки. Предсѣдатель Этнографическаго отдѣла, ординарный профессоръ Всев. Миллеръ. Секретарь Вл. Богдановъ.

(Літ.-Науков. Вістник, т. IV, кн. III).

—

5) Въ № 238, «Подольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» помѣщена статья «И. П. Котляревскій» (1769—1839). Въ ней указываются

заслуги Котляревскаго по отношенію къ малорусской литературѣ («та же, что Карамзина къ общерусской литературѣ»); то, что въ общерусской литературѣ сдѣлано цѣлымъ рядомъ талантливыхъ писателей—Крыловымъ, Грибоѣдовымъ, Пушкинымъ, Гоголемъ—по отношенію къ малорусской литературѣ на нѣсколько десятилѣтій ранѣе сдѣлано однимъ Котляревскимъ. Въ этомъ его вся и сила, и заслуга, хотя въ общерусскую сокровищницу литературы онъ не внесъ ровно ничего». Упомянувъ о произведеніяхъ Котляревскаго съ точки зрѣнія художественности, сообщается довольно подробная біографія писателя.

—

6) Въ № 43 «Нивы» помѣщенъ портретъ Котляревскаго и статья о послѣднемъ, представляющая довольно подробную біографію писателя, съ коротенькимъ замѣчаніемъ о значеніи Энеиды, какъ литературнаго произведенія.

Къ памятнику И. П. Котляревскаго.

1) Губернаторъ полтавскій увѣдомилъ городскую полтавскую управу, что помѣщеніе на памятникѣ Котляревскаго надписи на малорусскомъ языкѣ «Рідний край першому народному поэтові Івановi Котляревському» признано Министр. Внутр. Дѣлъ неподходящимъ. Однако г. Министръ нашелъ возможнымъ разрѣшить надпись того-же содержанія на русскомъ языкѣ; что-же касается другихъ проектированныхъ городскою управою надписей на памятникѣ, то г. Министръ препятствій не нашелъ, съ предупрежденіемъ однако, чтобы въ обѣихъ малорусскихъ надписяхъ, взятыхъ изъ сочиненій Котляревскаго (изъ «Наталки-Полтавки»: «Де згода в семействі де мир і тишина, щасливі там люде, блаженна сторона») и изъ Шевченка: («Слава сонцемъ засіяла—не вмре кобзар, бо на віки його привітала») соблюдено было правописаніе обще-русское. («Kraj», № 48, стр. 33).

—

2) Бюстъ для памятника Котляревскому полученъ въ началѣ декабря Полтавской городской управой и помѣщенъ въ городской технической конторѣ. Бюстъ не будетъ распакованъ до установки его на постаментъ памятника. (Полтав. Губ. Вѣд., № 266).

Юбилей І. Франка въ Вѣнѣ.

26 ноября ст. ст. малорусское «товариство» въ Вѣнѣ «Січ» устроило вечеръ по поводу 25-лѣтняго юбилея литературной дѣятельности І. Франка. Празднованіе открылъ предсѣдатель («голова») общества Романъ Сембратовичъ рѣчью, въ которой ярко обрисовалъ заслуги юбиляра по отношенію къ русско-украинскому обществу. Послѣ рѣчи «головы» слѣдовали декламаціи изъ стихотв. произведеній Франка; пѣлъ также сѣчевой хоръ. Въ этомъ вечерѣ принимало участіе (пассивное) много русскихъ («россіян»). При окончаніи вечера «голова», отъ имени общества, поблагодарилъ русскихъ гостей за то, что они приняли участіе въ общемъ торжествѣ возвеличенія неутомимаго труженика на украинской нивѣ. Благодаря за искренній пріемъ, одинъ изъ «россіянъ» подтвердилъ слова «головы»: что «есть также и между русскими расположенные къ украинцамъ элементы—т. е. русскіе прогрессисты».

(Буковина, 138).

—

Памяти Е. П. Гребенки.

Въ № 264 «Подольск. Губернск. Вѣдомостей» помѣщена довольно обширная статья, посвященная памяти Е. П. Гребенки. Авторъ ея, остановившись нѣсколько на личности поэта, разбираетъ преимущественно произведенія, писанныя на русскомъ языкѣ, о малорусскихъ упоминая только вскользь. Такого же содержанія статью помѣстили также и «Полтавскія Губернскія Вѣдомости» № 266; С.-Петербургскія, № 333, Московскія Вѣдомости, № 336 и «Галичанинъ», № 276.

—

Памятникъ Т. Г. Шевченку.

Михайло Маковей Маковычъ, гражданинъ г. Львова, имѣетъ намѣреніе, по словамъ Руслана (№ 226), поставить на собственныя средства въ городскомъ охотничьемъ паркѣ во Львовѣ памятникъ Т. Г. Шевченку.

—

Общество имени Т. Г. Шевченка.

29-го ноября состоялось, подъ предсѣдательствомъ Д. Л. Мордовцева, первое общее собраніе общества имени Т. Г. Шевченка,

для вспомоществованія нуждающимся уроженцамъ южной Россіи, учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга. Собраніе было посвящено выборамъ должностныхъ лицъ и кандидатовъ къ нимъ. Избраны: предсѣдателемъ — помощникъ предсѣдателя Императорскаго человѣколюбиваго общества сенаторъ тайный совѣтникъ А. Н. Марковичъ и членами правленія: Д. Л. Мордовцевъ, И. С. Иващенко, П. П. Катериничъ, П. М. Саладиловъ и Я. П. Забѣлло. Вновь возникшее общество намѣрено оказывать учащимся уроженцамъ и уроженкамъ южной Россіи помощь:—взносомъ платы за слушаніе лекцій, безплатною выдачею книгъ и учебныхъ пособій, снабженіемъ одеждою, пищею и пріютомъ неимущихъ студентовъ и курсистокъ, содѣйствіемъ къ пріисканію имъ занятій, снабженіемъ бѣдныхъ больныхъ медицинскими пособіями, врачебною помощью и помѣщеніемъ въ больницы и назначеніемъ, въ исключительныхъ случаяхъ, денежныхъ пособій. По окончаніи выборовъ собранію было доложено, что Императорское человѣколюбивое общество, сочувствуя цѣлямъ новаго общества, пожертвовало на его нужды 200 руб.; собраніе постановило выразить Человѣколюбивому обществу благодарность за пожертвованіе.

(Сынъ Отеч. № 325).

Новое просвѣтительное общество.

По сообщенію «Жизнь и Искусство» (№ 348), 27 декабря въ Петербургѣ открывается «Благотворительное Общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ» для *малорусскаго* народа. Задача его организовать въ Петербургѣ центръ мыслящаго и дѣятельнаго общества въ интересахъ культуры малорусскаго народа и его экономическаго благосостоянія. Общество предполагаетъ создать свой органъ и журналъ общеполезныхъ знаній для народа, и поэтому оно разсчитываетъ на поддержку всѣхъ, кому дорого благосостояніе родного края. Изъ утвержденнаго Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ устава Общества видно, что ближайшею своею цѣлью оно ставитъ помощь религіозно-нравственному развитію и экономическому благосостоянію малорусскаго народа. Имѣя это въ виду, Общество будетъ издавать одобренныя цензурою дешевыя и доступныя по языку и изложенію книги какъ религіозно-нравственнаго содержанія, такъ и по всѣмъ отраслямъ сельско-хозяйственнаго и вообще промышленнаго знанія,

а равно и литературно-художественнаго содержанія. Членами Общества могутъ быть совершеннолѣтнія лица обоего пола, за исключеніемъ учащихся, нижнихъ чиновъ и лицъ, ограниченныхъ въ правахъ по суду. Поступленіе въ члены Общества обусловливается ежегоднымъ взносомъ въ кассу не менѣе трехъ рублей.

Портретъ Ольдриджа работы Шевченка.

До сихъ поръ полагали, что Шевченко написалъ только одинъ портретъ Ольдриджа, тотъ, который онъ подарилъ графинѣ К. Ф. Толстой (по мужу—Юнге), а она передала его въ московскую галлерею Третьякова. Теперь же стало извѣстно, что другой такой же портретъ съ подписью Ольдриджа—Шевченко подарилъ Н. Д. Сухановой-Подколзиной. Этотъ портретъ сынъ Сухановой—ученикъ Шевченка—подарилъ А. Я. Конисскому вмѣстѣ съ другими рисунками и письмомъ Шевченка. Письмо будетъ напечатано въ «Літер.-Науков. Вістнику» и будетъ передано, какъ и рисунки, въ Шевченковскій музей при Наук. Товар. ім. Т. Шевченка во Львовѣ.

(Літ.-Науков. Вістник, томъ IV, кн. III.

Изданіе произведеній Шевченка.

1) Вскорѣ начнется печатаніе во Львовѣ VI тома «Кобзаря» Шевченка. Этотъ томъ будетъ обнимать письма Шевченка, которыхъ А. Конисскій собралъ болѣе 170. Предполагается добыть еще нѣсколько до сихъ поръ ненапечатанныхъ писемъ нашего поэта.

(«Літ.-Науков. Вістник», т. IV, кн. III.).

—

2) Въ настоящее время въ Кіевѣ уже печатается «Кобзарь» новымъ изданіемъ, которое по прежнему будетъ въ двухъ видахъ: одно—дешевое, а другое—болѣе дорогое на лучшей бумагѣ. Изданіе это готовитъ редакція журнала «Кіевская Старина».

—

3) «*Гайдамаки*» Шевченка въ изданіи Бѣлоуса. Михаилъ Бѣлоусъ, галичанинъ (изъ г. Коломыи), издалъ «Гайдамаки» Шевченка, съ объяснительнымъ рисункомъ такого содержанія: на рѣзню «ляховъ» (мужчинъ и женщинъ) съ святымъ «запаломъ» въ очахъ, и ножемъ

въ рукѣ, смотритъ мальчикъ («pachołę»). Кромѣ того, издатель отъ себя написалъ предисловіе, дышащее искренней ненавистью и полное обдуманныхъ... опечатокъ, образчикъ которыхъ «Kraj» приводитъ цѣликомъ.

«Онъ (Шевченко) и его личные пріятели, высоко поставлени люди въ Россіи, старалися выхлопотать у императора Александра II указъ о знесение панщины—неволи, и передъ смертью Шевченка имп. Александръ дѣйствительно подписалъ указъ, освобождающій весь народъ имперіи изъ неволи. Это случилось въ 1861 г. Два года спустя вспыхнула въ Польшѣ послѣдняя революція. Какія причины послужили поводомъ къ этой революціи, это загадка (sic!) и когда-то она будетъ распутана—открыта; однако это правда, что освобожденный изъ неволи сельскій людъ польскій и рускій (малорусскій) хваталъ повстанцевъ и представлялъ ихъ правительству. Остальное долженъ каждый самъ понять».

«Kraj», отмѣтивъ крупныя ошибки, какъ напримѣръ то, что возстаніе началось раньше освобожденія,—добавляетъ, что «поводъ» къ хватанію повстанцевъ сельскимъ людомъ *каждый* можетъ понять только подъ тѣмъ условіемъ, если его невѣжество и легковѣріе равняется «шляхетскимъ» тенденціямъ п. Бѣлоуса.

—

4) *Извѣстія книжн. магазиновъ товар. М. О. Вольфъ* (№ 2, 1898, стр. 23) сообщаютъ, что П. А. Бѣлоусовъ готовитъ изданіе стихотвореній Т. Г. Шевченка въ переводѣ на русскій языкъ. Кстати будетъ замѣтить, что уже одинъ Бѣлоусовъ (Иванъ), однофамилецъ, издалъ въ 1887 году, въ Кіевѣ, книжку переводовъ подъ заглавіемъ «Изъ Кобзаря».

Тарасъ Бульба на французской сценѣ.

Довольно извѣстный французскій беллетристъ Сильвестръ Арманъ вмѣстѣ съ другимъ писателемъ Маро, написалъ пьесу «Kosaks», передѣлавъ ее изъ повѣсти Гоголя «Тарасъ Бульба». Остановился онъ на послѣдней, по его словамъ, какъ на чудной поэмѣ въ прозѣ, которая способна ознакомить французскую публику съ совершенно незнакомымъ ей міромъ—съ *Малороссіей*. «Русскій романъ», ставшій популярнымъ во Франціи, представляетъ только великорусскую жизнь,

великорусскую натуру, а о существованіи въ предѣлахъ же Россіи страны, которая ближе подходитъ къ нашему Провансу, объ *особой южной расѣ* со всѣми свойствами нашихъ gens du midi—у насъ и понятія не имѣютъ (Изъ Новорос. Телегр. № 7569).

Другой вопросъ, насколько удачно исполнилъ французскій писатель взятую на себя довольно нелегкую задачу. Объ этомъ мы встрѣчаемъ интересную статью г. В. Г—ко (Полтав. Губ. Вѣд., № 263), съ которой считаемъ нелишнимъ познакомить читателей.

Какъ отнеслись авторы піесы къ своему источнику?—ставитъ вопросъ г. В. Г—ко. «Это вовсе не скромная и покорная передѣлка! восклицаетъ театральный критикъ одной изъ распространеннѣйшихъ французскихъ газетъ» (Journal). «Авторы съумѣли, съ самымъ вѣрнымъ чутьемъ, сохранить языкъ и чувства дѣйствующихъ лицъ, то, что можно назвать умственной декораціей, духовнымъ пейзажемъ творенія Гоголя, представляющаго, само по себѣ, заимствованіе изъ народныхъ преданій. Но что касается театральнаго приключенія и столкновенія чувствъ,—тутъ доля вымысла, внесенная французскими авторами, гордо заявляетъ критикъ, очень и очень велика.»!

И, вслѣдъ за этимъ, онъ разсказываетъ ходъ дѣйствія новой драмы, и вплетенные въ нее французами вымыслы. Когда два сына Бульбы возвращаются изъ Кіева, гдѣ они учились въ семинаріи, отецъ встрѣчаетъ ихъ съ нѣсколько презрительной насмѣшливостью, глядя на ихъ поповскіе подрясники, и, чтобы испытать ихъ, дерется съ ними на кулакахъ. Но нѣтъ! Не смотря на свое платье, —они молодцы, и черезъ недѣлю онъ повезетъ ихъ въ лагерь запорожскихъ козаковъ, гдѣ живутъ храбрецы, недруги поляковъ, и гдѣ они научатся настоящей наукѣ, какъ понимаетъ ее Тарасъ Бульба,—наукѣ убивать людей и умирать самому. «Озапъ и Андри» (Osap et Andry) скоро постигаютъ эту науку, въ особенности Остапъ. Андрей менѣе жестокъ, меньше козакъ душею. Причина тому та, что въ Кіевѣ онъ видѣлъ и полюбилъ польку, дочь воеводы (Waived). Онъ отыщетъ ее. Однажды ночью, стоя на часахъ въ лагерѣ подъ Дубномъ, онъ оставляетъ свой постъ и отправляется въ городъ къ полькѣ, которую не переставалъ любить. Эта выходка имѣетъ послѣдствіемъ то, что запорожскіе козаки захвачены врасплохъ непріятелемъ, почти всѣ перебиты или захвачены въ плѣнъ. И въ теченіе многихъ годовъ старый Бульба оплакиваетъ потомъ это пораженіе».

«Что сталось съ его сыновьями? Остапъ, онъ знаетъ,—умеръ. Онъ былъ свидѣтелемъ его смерти, онъ умеръ доблестно, распѣвая воинственную и религіозную пѣснь,—пѣснь отчизны. Что касается Андрея, то о немъ Тарасъ не имѣетъ вѣрныхъ извѣстій. Онъ считаетъ его умершимъ, подобно старшему брату, или попавшимъ въ плѣнъ. Ибо никто не открылъ ему правды, никто не рѣшился сказать отцу объ измѣнѣ сына. Даже когда козаки, бывшіе въ плѣну, возвращаются изъ Польши, онъ не узнаетъ ничего. Однако подозрѣніе какого-то несчастія живетъ въ немъ. Съ неистовымъ бѣшенствомъ допрашиваетъ онъ объ этомъ возвращающихся и болѣе всѣхъ пѣвца, бывшаго пасѣчника, Руслана, которому поляки выкололи глаза. Русланъ, которому все извѣстно, не говоритъ ничего изъ жалости къ юношѣ и изъ состраданія къ отцу. Напрасно Тарасъ проситъ его, умоляетъ, приказываетъ, угрожаетъ. Слѣпецъ молчитъ, и не скажетъ никогда ничего... Тогда Тарасъ велитъ казнить его и оставляетъ его глазъ на глазъ съ священникомъ, который долженъ исповѣдывать его предъ смертью. Только для этого? Нѣтъ, слѣпой, допрошенный священникомъ, скажетъ правду. Кому, священнику?.. Нѣтъ самому отцу, одѣвающему для этого рясу священника.

«Тарасъ Бульба, продолжаетъ наивный французскій критикъ, несмотря на признаніе Руслана, не хочетъ вѣрить измѣнѣ своего сына. Онъ даетъ клятву передъ образомъ покарать измѣнника, кто бы онъ ни былъ. Увы, измѣнникъ этотъ дѣйствительно Андрей, и скоро Бульба видитъ его дерущимся противъ козаковъ, защищая свою польку. Тогда бѣшенство стараго казака выходитъ ихъ границъ. Онъ велитъ привязать губительницу своего сына къ хвосту дикой лошади и, посовѣтовавшись со стариками о карѣ, какая надлежитъ Андрею, убиваетъ своего сына. А въ это время пѣвецъ Русланъ, на сторонѣ котораго, какъ всегда на сторонѣ поэтовъ, остается правда,—оплакиваетъ въ прелестныхъ строфахъ бѣднаго юношу, ставшаго преступникомъ изъ-за любви къ женщинѣ и ея красотѣ, и свирѣпая драма заканчивается слезами нѣжности... Прекрасное произведеніе, великолѣпный успѣхъ»!...

Къ этой наивной глупости или глупой наивности прибавлять нечего,—такъ говоритъ она сама за себя.

Правнукъ гетмана Украины.

«Галичанинъ» (№ 265) сообщаетъ, что въ числѣ 4404 особъ, получившихъ отличіе въ Австріи по случаю юбилея Франца-Іосифа, находится въ оффиціальномъ спискѣ (въ Wiener Zeitung) Statshaltereirath ausser Dienst, Gutsbesitžer in Ober-Wigstein Kamillo Graf Razumovski. Это правнукъ гр. Кирилла Разумовскаго, гетмана Украины (1755—1764), затѣмъ фельдмаршала. Одинъ изъ сыновей Кирилла, Григорій, переселился въ 1805 г. изъ Россіи въ Австрію, купилъ въ Моравіи имѣніе Радолецъ, и уже тамъ получилъ титулъ австрійскаго графа. Умеръ онъ въ 1838 г., и представителемъ этой австрійской линіи Разумовскихъ въ настоящую пору является упомянутый выше графъ Камиллъ, родившійся въ 1852 году.

Интересъ къ Галиціи со стороны зап.-европ. публицистовъ.

1) Извѣстный талантливый датскій критикъ *Брандесъ* пріѣзжалъ въ половинѣ ноября во Львовъ, приглашенный поляками на торжественное открытіе памятника Яну Собѣсскому. Поляки пригласили его за то, что онъ написалъ годъ тому назадъ книжку о Польшѣ, о Галиціи, гдѣ весьма симпатично говоритъ о полякахъ и выказываетъ полнѣйшее невѣдѣніе о существованіи въ Австріи русиновъ, (по его мнѣнію, Галиція вся населена польскимъ народомъ, который распѣваетъ польскія пѣсни и т. д.). Явившись во Львовъ и поживъ нѣкоторое время въ немъ, онъ «открылъ» злополучныхъ русиновъ и заинтересовался ими. Желая узнать о взглядахъ Брандеса на послѣднихъ, нѣсколько передовыхъ галицко-русскихъ дѣятелей обратились къ нему и пригласили его къ себѣ на собраніе. Брандесъ съ охотой согласился, но, на другой день имъ было прислано письмо, въ которомъ онъ глубоко извиняется за неисполненіе даннаго слова и беретъ его обратно, потому что онъ узналъ отъ поляковъ, что русины и поляки—двѣ враждебныя стороны, и онъ, будучи гостемъ послѣднихъ, не желаетъ ихъ оскорбить.

(Буковина, 136).

—

2) *André Cheradam*, французскій публицистъ изъ Парижа, пробылъ значительное время во Львовѣ съ цѣлью собрать матеріалъ для обширной публицистической статьи о Русинахъ. Между прочимъ

онъ дважды посѣтилъ посла Барвинскаго и въ продолжительной бесѣдѣ съ нимъ старался ознакомиться съ русинскимъ вопросомъ, при чемъ получилъ при этомъ богатыя записки и матеріалы, а также указанія, гдѣ и какимъ образомъ могъ бы получить дальнѣйшіе матеріалы.

(Буковина, № 109).

—

3) Нѣмецкій журналъ «Die Gesellshaft, halbmonatschriftf ür Litteratur, Kunst und Socialpolitik», № 20, помѣстилъ среди другихъ статей—три посвященныхъ *малорусской* литературѣ. Изъ нихъ наибольшій интересъ представляетъ статья *Осипа Маковея*, Zur Wiedergeburt der Kleinrussischen Litteratur, съ содержаніемъ которой считаемъ не безъинтереснымъ познакомить читателей. Авторъ прежде всего отмѣчаетъ тотъ печальный фактъ, котораго, къ сожалѣнію, нельзя не признать, что, несмотря на свою давнюю исторію и культуру, 30 милліонный народъ малорусскій *менѣе извѣстенъ въ Европѣ, чѣмъ какое-нибудь дикое Африканское племя.* Объясняется это тѣмъ взглядомъ на опредѣленіе народности вообще, который, вмѣсто признанія природныхъ этнографическихъ границъ для опредѣленія націй, ставитъ на ихъ мѣсто границы государственныя. Представивъ въ общихъ чертахъ тяжелое положеніе украинскаго народа, разбитаго на нѣсколько частей и страдающаго, помимо прочаго, и отъ собственныхъ ренегатовъ, авторъ переходитъ къ указанію на практическіе результаты столѣтняго существованія украинской литературы. Перечисливъ болѣе выдающихся дѣятелей родной земли отъ Котляревскаго и до нашихъ дней, авторъ заключаетъ свою статью слѣдующими словами: «малорусской литературы въ Европѣ теперь не знаютъ, но настанетъ еще время, когда ее «откроютъ» и убѣдятся, что она заслуживаетъ по крайней мѣрѣ столько же вниманія, какъ и молодое поколѣніе талантливыхъ норвежскихъ писателей... Настанетъ вѣдь время, когда малорусская нація заявитъ о себѣ въ Украинѣ».

Статья эта, съ такимъ сочувствіемъ говорящая о нашемъ словѣ и помѣщенная въ широкораспространенномъ нѣмецкомъ литературномъ органѣ,—вполнѣ, надо полагать, исполнитъ свою задачу, за что, главнымъ образомъ, слѣдуетъ принесть заслуженную благодарность почтенному ея автору.

Въ томъ же № помѣщенъ переводъ весьма поэтичнаго разсказа Ольги Кобилянськоі «Eine Schlacht» (Битва), а также, въ от-

дѣлѣ критики, небольшая статейка Georg'а Adama—Kleinrussische Liter., являющаяся собственно весьма симпатичной рецензіей на 4 книжку «Літературно-Наукового Вістника».

„Русини з початком XX століття“.

Подъ этимъ заглавіемъ помѣщена въ № 229 «Руслана» статья, въ которой предлагается программа такой книги, которая могла бы дать читателю: «полное и всестороннее понятіе о современной жизни всей націи малорусской и представляла бы степень ея культурности». Идея книги— «єдність інтересів цілої українсько русскої нациї від Карпатів до Кавказа». Содержаніе книги, раздѣленное на XX главъ, имѣетъ быть слѣдующее: географическій очеркъ, антропологическій, политическое положеніе, церковное устройство и религіозная жизнь, финансы, промышленность и торговля, рабочіе, сельское хозяйство и населеніе, національное движеніе, общественная жизнь, пресса, низшее народное образованіе, среднее и высшее образованіе, наука, литература, театръ, музыка, живопись, архитектура и скульптура, колоніи малороссовъ. Къ участію въ составленіи этой книги приглашаются всѣ, кто сочувствуетъ задуманному дѣлу. Изданіе предполагается иллюстрированное и должно выйти въ свѣтъ въ концѣ 1899 г., сначала въ Австріи, на малорусскомъ языкѣ, а затѣмъ въ переводѣ на русскій. Матеріалы, рисунки, фотографіи и въ особенности фотографіи американскихъ и сибирскихъ малор. колоній—просятъ присылать не позже 1 іюля 1899 г. Кто беретъ на себя ту или иную главу, просятъ извѣстить объ этомъ редакцію. По дѣламъ редакціи просятъ обращаться по адресу: Кіевъ, Софійская, 8, Н. Михновскому.

Подольскій народный катихизисъ.

Редакціей «Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» напечатанъ въ №№ 45, 46, и 48 опытъ *Народнаго Катихизиса*, который имѣетъ цѣлью «пособить духовенству, какъ народнымъ учителямъ и руководителямъ, въ выясненіи основныхъ истинъ о русской народности, вѣрѣ православной и исторіи подольскаго края, знаніе чего необходимо мѣстному населенію въ виду близкаго сосѣдства съ иновѣрцами и инородцами». Самъ по себѣ этотъ катихизисъ весьма инте-

ресенъ; въ особенности такіе пункты, какъ опредѣленіе русской народности, отечества, времени появленія христіанства въ Подоліи, исторія подольской земли. Что касается его исполненія,—то отвѣты на поставленные вопросы почти всегда удовлетворительны; встрѣчаются, правда, нѣкоторыя удивительныя вещи, какъ напр. такое опредѣленіе понятія «славянина»: славяниномъ называется всякій, кто *говоритъ* языкомъ похожимъ на тотъ славянскій языкъ, на которомъ у насъ въ церкви совершается богослуженіе». Впрочемъ такіе перлы встрѣчаются въ весьма незначительномъ количествѣ. Вообще «катихизисъ» этотъ надо признать весьма полезнымъ средствомъ въ цѣляхъ ознакомленія народа съ прошлымъ, да и невѣдомымъ ему настоящимъ.

Первая выставка малорусскаго искусства.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ во Львовѣ, въ залахъ общества «Сокіл», происходила первая выставка картинъ художниковъ-русиновъ. Участіе приняло въ ней всего лишь 7 художниковъ. Наибольшій успѣхъ имѣли работы Івана Труша, ученика Крак. Акад. Наукъ,—главнымъ образомъ портреты и пейзажи, напр. «Поле по жнивах», «Гірскій водопад», «Сад в маю». Хорошей техникой и талантливымъ исполненіемъ выдавались картины Ал. Скрутика,—напр. «Двое дітий в полю» и портретъ старой гуцулки. Обращала на себя вниманіе картина Корнила Устіяновича,—«Шевченко на вигнаню». Томасевичъ выставилъ копію извѣстной Рѣпинской картины «Отвѣтъ запорожцевъ Султану». Остальные художники представили главнымъ образомъ произведенія на религіозно-церковные темы и сюжеты.

Вообще выставка эта невелика и какъ сумма работы, произведенной на нивѣ изобразительнаго искусства, является не въ очень то розовомъ свѣтѣ,—«але початок зроблений. Може будучність принесе нам щось ліпшого на тім полі».

(Буковина, ч. 129).

Малорусскія пьесы у нѣмцевъ.

Малорусскія народныя пѣсни «Ой за гаемъ, гаемъ,—гаемъ зелененькымъ», «Дивка въ синяхъ стояла, на козака моргала»,—по-

мѣстилъ въ довольно удачномъ, по словамъ «Руслана» (№ 234), переводѣ Otton Hauser въ № 20 газеты «Aus fremdem Zungen». Первый куплетъ первой пѣсни такъ переведенъ:

Auf dem grünem Felde,
Pflügt'ein Mädchen Wacker,
Pflügte dort mit schwarzen Ochsen
Pflügte stets den Acker».

Начало второй пѣсни въ переводѣ звучитъ такъ:

Stand das Mädchen vor dem Haus,
Winkte, rief ins Feld hinaus;
Lass, kòzak, das Zaudern!
Lass uns küssen, plaudern!
Komm doch, mein Herr!

Переводчикъ придерживается ритмическаго строя пѣсенъ, такъ что эти переводы можно пѣть согласно малорусской аріи. По замѣчанію редакціи «Руслана» и здѣсь проявляется (подчеркнутая такъ рѣзко Шевченкомъ) традиція «науки од німця»: «ми все ждемо, аж німець сам випередить нас и покаже нам, що у насъ е замітного и цикавого».

Südrussische Parallelen zu Doctor Allwissend.

Подъ этимъ заглавіемъ помѣстилъ извѣстный фольклористъ Ю. А. Яворскій въ Zeitschrift füz österreichische Volkskunde, вып. IX—X, 250—255 стр. интересную статью изъ области южно-русской литературы. Въ этой статьѣ авторъ приводитъ нѣсколько вновь записанныхъ варіантовъ извѣстной басни «о всезнайкѣ», а также пополняетъ новыми библіографическими данными богатую литературу о немъ, собранную и сведенную Бенфеемъ, Коскеномъ и Поливкою. (Галичанинъ, № 273)

Нѣкоторыя ститистич. данныя о Галиціи.

Населеніе въ Австріи располагается въ такомъ порядкѣ: поляковъ—4 милліона (15,8%), русиновъ—3,200,000 (13%); нѣмцевъ—9,100,000 (36%). По вѣроисповѣданію: р.-катол.—20 милліон. (79%), греко-котолич.—2,760,000 (11%), евреевъ—1,340,000 (5%). Всего

населенія числится 25 милліоновъ и въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ возросло на 34%=8 милл. Бюджетъ доходовъ и расходовъ въ Австріи въ теченіе этого времени тоже повысился въ нѣсколько разъ. Въ 1848 г. (безъ Венгріи) доходилъ онъ до 150 милл., нынѣ же—720 м. Прямыхъ налоговъ въ Галиціи на душу приходится 1 зл. р. (гульд.) 96 кр. въ годъ, во всей же остальной Австріи приходится по 4 зл. 85 кр. Данныя эти взяты изъ графической статистической таблицы, изданной вѣнскимъ «Fremdenblatt» по поводу юбилея австр. императора. (Kraj, № 49).

Крупное пожертвованіе на малорусскій Университетъ.

Kraj, № 48, сообщаетъ, что «какой-то русинъ (малороссъ) пожертвовалъ 40 тысячъ злот. рейнск. на основаніе малорусскаго университета. Для этого, «Наукове Товариство ім. Шевченка» купило домъ во Львовѣ на ул. Чарнецкаго за 120 тыс. злот. рен., заплативъ сразу 41 тысячу».

„Прекращеніе галицкаго изданія Дзвинок."

Украинское педагогическое общество во Львовѣ рѣшило съ 1899 года прекратить изданіе дѣтскаго журнала «Дзвинок», вслѣдствіе недостаточнаго количества подписчиковъ на изданіе, а вмѣсто него рѣшило издавать книжечки для дѣтей съ малорусскими и другими сказками. (Літер.-Науков. Вістник, томъ IV, кн. II.)

Новый трудъ по исторіи Украины-Руси.

Во Львовѣ на дняхъ вышелъ I-й томъ «Історіи Украіни-Руси,— напис. М. Грушевський. До початку XI віку. У Львові, 1898, стр. 496, in 8°, ціна 2 зл. р. (4 франка). Авторъ задумалъ издать полную научно-составленную исторію укр.-русскаго народа, которая обнимала бы все время его историческаго развитія. Этотъ томъ является началомъ этой исторіи; авторъ старался, не поступаясь научностью своей работы, сдѣлать ее доступною и для болѣе широкой публики. (Літ.-Науков. Вістник. т. IV, кн. III).

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ ЮЖНОЙ РОССІИ.

Отъ редакціи.

Съ настоящей книжки мы открываемъ на страницахъ «Кіевской Старины» новый небольшой отдѣлъ, подъ вышеприведеннымъ названіемъ, въ которомъ будутъ помѣщаться въ сжатомъ видѣ различнаго рода свѣдѣнія, касающіяся южно-русскихъ древностей и старины. Такого рода свѣдѣнія, если и попадаются въ печати, то, будучи разбросаны, затрудняютъ возможность слѣдить за ними. Группировать ихъ во-едино и, такимъ образомъ, облегчать лицамъ, интересующимся памятниками старины нашего края, трудъ по собиранію такихъ свѣдѣній и будетъ задачей «Археологической лѣтописи». Въ этотъ отдѣлъ войдутъ свѣдѣнія о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, объ археологическихъ изслѣдованіяхъ, случайныхъ находкахъ древностей, о музеяхъ и частныхъ собраніяхъ, краткія библіографическія указанія и т. п. Для достиженія возможной полноты «Лѣтописи», редакція «Кіевской Старины» обращается съ покорнѣйшей просьбой ко всѣмъ, сочувствующимъ дѣлу изученія мѣстныхъ древностей не отказать въ присылкѣ такого рода свѣдѣній [1]).

---

[1]) Сообщенія просятъ присылать по адресу Редакціи для Н. Ф. Бѣляшевскаго, которому поручено завѣдываніе этимъ отдѣломъ.

Къ Археологическому съѣзду въ Кіевѣ.

Дѣятельность Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета по устройству въ Кіевѣ XI Археологическаго съѣзда. Въ Кіевской Старинѣ *) были напечатаны протоколы 1-го и 2-го засѣданій (20 іюня и 5 октября 1897 г.) Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета; въ настоящей замѣткѣ мы постараемся дать краткій очеркъ того, что было сдѣлано Отдѣленіемъ въ послѣдующее время—по конецъ 1898 г. За это время состоялось еще 7 засѣданій Отдѣленія, на которыхъ обсуждались и рѣшались различные вопросы, касающіеся какъ подготовительныхъ работъ къ съѣзду, такъ и самого съѣзда. Начнемъ съ первыхъ. На лѣто 1898 г. были намѣчены археологическія экскурсіи для изученія различныхъ памятниковъ старины, главнымъ образомъ на Волыни. Предсѣдатель отдѣленія *проф. В. Б. Антоновичъ* предполагалъ произвести археологич. раскопки на Волыни съ цѣлью опредѣлить сѣверную границу скиѳскихъ поселеній въ странѣ; въ этихъ видахъ проф. Антоновичъ предполагалъ изслѣдовать интересный въ указанномъ отношеніи курганъ близъ м. Берестечка, дубенск. уѣзда, и предпринять экскурсіи въ окрестности гг. Кременца и Старо-Константинова (гдѣ, по сообщеніямъ корреспондентовъ, находятся мегалитическіе памятники), а равно и въ ковельскій уѣздъ, гдѣ, какъ сообщаютъ, обнаружены остатки свайныхъ построекъ на озерѣ; предполагалось также изслѣдованіе могильника у м. Шумска, на территоріи с. Брыкова, гдѣ находится огромное городище съ обширнымъ могильникомъ близъ него. *Е. Н. Мельникъ* предложила произвести археолог. раскопки въ Ровенскомъ, Луцкомъ, Острожскомъ и друг. уѣздахъ Волынской губ. (между проч. г-жей Мельникъ былъ намѣченъ для раскопки огромный курганъ, находящійся въ предмѣстьи г. Луцка). *Н. Ф. Бѣляшевскій* предложилъ произвести археологич. изслѣдованія и раскопки по обоимъ берегамъ Западнаго Буга въ губерніяхъ Сѣдлецкой, Люблинской и Волынской. *М. П. Истоминъ* предполагалъ отправиться на Волынь съ цѣлью осмотрѣть и описать сохранившуюся тамъ старинную церковную живопись и архитектуру. *И. М. Каманинъ* предложилъ совершить экскурсію на Волынь и Подолію для осмотра и описанія

*) Октябрь и ноябрь 1897 г.

частныхъ архивовъ и вообще собраній старинныхъ рукописей и гравюръ, а равно для собиранія свѣдѣній, касающихся палеографіи; *проф. П. А. Лашкаревъ* предложилъ осмотрѣть и описать церковныя древности гг. Чернигова, Новгородъ-Сѣверска и Острога. *Н. В. Молчановскій* и *О. И. Левицкій* предложили осмотрѣть древности въ Подольской губ. Предполагалась еще одна экскурсія—*Н. П. Василенка* въ Полтавскую губ. для осмотра архивовъ, но, по неимѣнію средствъ, отъ нея пришлось отказаться. Какъ видимъ, экскурсій на лѣто 1898 г. предполагалось гораздо больше, чѣмъ въ предыдущее лѣто; заручившись денежнымъ пособіемъ отъ Предварительнаго Комитета и согласіемъ мѣстныхъ начальствъ содѣйствовать намѣченнымъ изслѣдованіямъ, экскурсанты и совершили поѣздки и, если, по различнымъ обстоятельствамъ, не все изъ предполагавшагося было сдѣлано, то во всякомъ случаѣ сдѣлано было довольно много. О результатахъ этихъ экскурсій мы постараемся дать краткіе отчеты въ слѣдующей книжкѣ.

Въ связи съ археологическими изслѣдованіями, Отдѣленіемъ была выработана довольно пространная «Программа для собиранія свѣдѣній о древностяхъ»; «Программа» эта была отпечатана въ количествѣ 2000 экземпляровъ и разослана лицамъ, интересующимся древностями, священникамъ и учителямъ сельскихъ школъ (между прочимъ и въ Холмскую Русь); отвѣты на вопросы «Программы» уже поступаютъ, но, къ сожалѣнію, поступаютъ очень туго—мало еще у насъ развитъ интересъ къ памятникамъ прошлаго.

Какъ извѣстно, при съѣздѣ предположено устроить археологическую выставку, и вопросъ о выставкѣ занималъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ дѣятельности Отдѣленія. Кромѣ древностей, имѣющихся въ кіевскихъ общественныхъ и частныхъ собраніяхъ, Отдѣленіе старалось привлечь къ участію въ выставкѣ и многочисленныя провинціальныя собранія, разбросанныя главнымъ образомъ въ юго-западномъ краѣ. Выставка будетъ состоять изъ слѣдующихъ 6-ти отдѣловъ: 1) первобытныхъ древностей—завѣдующій этимъ отдѣломъ проф. В. Б. Антоновичъ, 2) церковныхъ древностей—завѣдующій проф. Н. И. Петровъ, 3) историческихъ древностей—завѣдующій проф. В. З. Завитневичъ, 4) книгъ, рукописей и гравюръ—завѣдующій И. М. Каманинъ, 5) древнихъ географическихъ картъ и плановъ—завѣдующій В. А. Кордтъ, 6) классическихъ древностей—завѣдующій проф. Ю. А. Кулаковскій. Первоначально предполагалось

размѣстить предметы выставки въ слѣдующихъ учрежденіяхъ: древности первобытныя, классическія и историческія—въ Музеѣ Кіевскаго Общества Любителей Древностей и Искусствъ, если тако-вой будетъ готовъ къ съѣзду; судя по быстротѣ, съ какой произ-водится постройка музея, можно надѣяться, что это намѣреніе осу-ществится; древности церковныя—въ Церковно-Археологическомъ му-зеѣ при Кіевской Духовной Академіи; книги, рукописи и гравюры—въ помѣщеніи Кіевскаго Центральнаго Архива; географическія карты, планы и чертежи—въ одной изъ залъ университетской библіотеки. Впослѣдствіи, въ виду отказа Церковно-Археологическаго Общества передать изъ Церковно-Археолог. Музея на выставку нѣкоторые пред-меты изъ числа первобытныхъ древностей, Отдѣленіе постановило не передавать въ свою очередь церковныхъ древностей, могущихъ поступить на выставку въ Церковно-Археолог. Музей, а оставить ихъ при общей выставкѣ и поручить завѣдываніе этимъ отдѣломъ вы-ставки проф. Лашкареву и Дмитріевскому. Вышеприведенное обстоя-тельство внесло нѣкоторый разладъ въ дѣятельность двухъ учреж-деній, имѣющихъ задачей однѣ и тѣ-же цѣли, но въ общемъ, обсто-ятельство это существеннаго вліянія на ходъ дѣла имѣть не мо-жетъ. Необходимая принадлежность каждой выставки, а въ особен-ности такой, какъ археологическая—умѣло составленный каталогъ выставки; отдѣленіе всесторонне обсуждало этотъ вопросъ и рѣшило составить каталогъ (къ сожалѣнію, безъ иллюстрацій—это обошлось-бы слишкомъ дорого); что-же касается системы, то предметы будутъ описаны по отдѣламъ, на которые распадается выставка, и при томъ каждая изъ коллекцій, имѣющихъ поступить на выставку отъ различ-ныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, будетъ описана отдѣльно. Составленіе каталога поручено отчасти лицамъ, завѣдующимъ отдѣлами, отчасти спеціалистамъ, приглашеннымъ для этой цѣли; составленіе каталога уже настолько подвинулось впередъ, что въ настоящее время ру-копись каталога занимаетъ объемъ 10-ти печатныхъ листовъ, и на очереди вопросъ о печатаніи каталога.

Помимо вышеперечисленнаго, Отдѣленію пришлось заниматься и рѣшать много другихъ, болѣе мелкихъ вопросовъ, связанныхъ со съѣздомъ. Наряду съ Московскимъ Комитетомъ, Отдѣленіе заботи-лось о приглашеніи на съѣзды представителей различныхъ загра-ничныхъ ученыхъ учрежденій и ученыхъ, главнымъ образомъ изъ сла-вянскихъ земель, такъ что если даже на съѣздъ явится и половина

приглашенныхъ, то онъ превзойдетъ въ этомъ отношеніи всѣ предшествовавшіе съѣзды. Поступили также въ Отдѣленіе новые вопросы и запросы, предлагаемые на обсужденіе будущаго съѣзда. Упомянемъ здѣсь о цѣломъ рядѣ вопросовъ и запросовъ, представленныхъ редакціей «Кіевской Старины»; они относятся къ Лѣвобережной Украинѣ XVII и XVIII в.в. и касаются формъ землевладѣнія, ремеслъ, рабочей платы, крестьянскихъ повинностей, цеховъ, цеховой организаціи, торговли, формъ ссудъ, выборнаго начала, войсковой старшины, крестьянскихъ волненій, родового выкупа, архива генеральнаго суда—это все вопросы, на которые предложившіе ихъ, именно И. В. Лучицкій и В. А. Мякотинъ, дадутъ отвѣтъ въ видѣ рефератовъ. Кромѣ того, В. П. Науменко дастъ отвѣтъ на поставленный имъ вопросъ—«Предшественники Энеиды» Котляревскаго въ малороссійской литературѣ XVIII вѣка, а П. В. Голубовскимъ, А. М. Лазаревскимъ, А. В. Стороженкомъ и Е. А. Кивлицкимъ будетъ составлена историческая карта Лѣвобережной Украины. Довольно многочисленны и запросы, отвѣты на которые желательно получить на съѣздѣ; въ виду интереса, какой они представляютъ, приводимъ ихъ цѣликомъ: 1) Типы монастырскаго и владѣльческаго хозяйства въ Лѣвобер. Украинѣ; 2) типы козачьяго хозяйства въ Лѣвобер. Укр.; 3) типы посполитскаго хозяйства въ Лѣвоб. Укр.; 4) Размѣры и характеръ скотоводства въ Лѣвоб. Укр. XVII—XVIII вв.; 5) Добывающая и обработывающая промышл. въ Лѣвоб. Укр. XVII и XVIII вв. (руды, буды и т. п.). Развитіе фабричнаго дѣла въ Малороссіи XVIII в.; 6) Городское хозяйство XVIII в.; 7) Писанные законы, употреблявшіеся въ малорусскихъ судахъ XVII и XVIII вв. 8) Ревизіи, переписи населенія въ Малороссіи XVIII в. въ связи съ вопросомъ, кому принадлежали иниціатива и планъ Румянцевской описи; 9) Оцѣнка цифровыхъ данныхъ Румянц. описи; 10) На основаніи какихъ источниковъ написана Румянцевская записка о непорядкахъ въ Малороссіи? 11) Малорусская Генеральная Рада XVII в.; 12) Рада старшинъ при гетманахъ XVII в.; 13) Генеральная войсковая, полковая и сотенная старшина; ея составъ и происхожденіе; 14) Шляхты и шляхетское землевладѣніе въ Малороссіи въ первое время послѣ присоединенія ея къ Россіи; 15) Составъ малорусскаго прихода въ XVII и XVIII вв. въ Лѣвоб. Украинѣ. Отмѣтимъ еще вопросы П. В. Голубовскаго 1) Съ какого времени существовалъ въ Россіи способъ защиты «таборомъ»; 2) О необходимости археологическихъ изысканій въ г. Чер-

ниговѣ; 3) Положеніе вѣча послѣ нашествія татаръ; и его-же запросъ—нѣтъ-ли связи между каменными бабами и изображеніемъ идоловъ, находимыхъ въ курганахъ? Отдѣленіемъ получены также свѣдѣнія, что свящ. Евф. Сѣцинскій намѣренъ изготовить къ съѣзду археологическую карту Подольской губерніи, а А. Н. Половцовъ изготовляетъ докладъ «О Юрьевской Божницѣ» (возлѣ г. Остра, Черниговск. г.).

Занималось Отдѣленіе и вопросами хозяйственнаго характера, такъ напр.: оно обратилось съ просьбой къ Попечителю Кіевск. Учебнаго Округа о предоставленіи въ распоряженіе Хозяйственнаго Комитета на время съѣзда для размѣщенія пріѣзжихъ членовъ зданія нѣкоторыхъ средне-учебныхъ заведеній, и просьба эта уважена г. Попечителемъ. Для удобства пріѣзжихъ иностранныхъ гостей Отдѣленіе, по предложенію В. С. Иконникова, рѣшило издать краткое описаніе Кіева на французскомъ языкѣ. Въ настоящее время Отдѣленіемъ рѣшенъ уже вопросъ и о поѣздкахъ и раскопкахъ во время предстоящаго Съѣзда; изъ трехъ, намѣченныхъ раньше, болѣе или менѣе продолжительныхъ экскурсій—1) Въ г. Луцкъ; 2) Въ Кременецъ, Почаевскую Лавру, г. Дубно и г. Острогъ, 3) По р. Днѣпру—рѣшено избрать поѣздку по р. Днѣпру и его берегамъ въ такомъ направленіи: Кіевъ — Триполье—Переяславъ—Черкассы—Корсунь—Бѣлая Церковь—Кіевъ; Сверхъ того, рѣшено устроить двѣ небольшихъ экскурсіи: 1) въ Китаевскую Пустынь и 2) въ Вышгородъ и Межигорье.

Н. Б.

—

— Проф. В. Б. Антоновичемъ, взявшимъ на себя трудъ составленія къ предстоящему Археологическому Съѣзду археологической карты Волынской губ., въ настоящее время собранъ уже обширный матеріалъ для карты; матеріалъ распредѣленъ по уѣздамъ, и въ каждомъ уѣздѣ—по тѣмъ мѣстностямъ, въ которыхъ находятся памятники старины, производились раскопки или обнаружены случайныя находки древностей. Матеріалъ этотъ проф. Антоновичъ черпалъ какъ изъ печатныхъ источниковъ, такъ и изъ рукописныхъ замѣтокъ и корреспонденцій, доставленныхъ разными лицами. Имѣющійся рукописный матеріалъ, по изготовленіи карты, предназначенъ проф. Антоновичемъ для Городецкаго Музея Волынской губерніи.

—

— Кіевскимъ городскимъ головой получено отъ Императорскаго Московскаго археологическаго общества письмо слѣдующаго содержанія: «Какъ извѣстно, Имп. моск. арх. об. устраиваетъ съ Высочайшаго соизволенія въ г. Кіевѣ въ августѣ 1899 г. XI археологическій съѣздъ для Кіева не незнакомый, ибо III археологич. съѣздъ былъ также въ Кіевѣ въ 1874 г. Какъ этотъ съѣздъ, такъ и всѣ остальные девять всегда находили радушный пріемъ со стороны городскихъ управленій С.-Петербурга, Москвы, Кіева, Казани, Одессы, Тифлиса, Ярославля, Вильно, Риги, и это выражалось главнымъ образомъ въ устройствѣ безплатныхъ помѣщеній для членовъ съѣзда, конечно по мѣрѣ возможности, и въ организаціи какого либо пріема или праздника при открытіи съѣзда. Имѣя въ виду, что XI съѣздъ будетъ особенно богатъ гостями не только русскими, но въ особенности изъ славянскихъ земель и что древній Кіевъ является лучшимъ представителемъ древней Руси—широко гостепріимной, Императорское археологическое общество надѣется, что Кіевъ и на этотъ разъ проявитъ къ членамъ съѣзда свое радушіе». Письмо это внесено въ городскую финансовую комиссію.

„Ж. и И.“.

Изслѣдованія и раскопки.

Раскопки въ г. Кіевѣ на Кирилловской ул. Осенью 1898 г. В. В. Хвойка продолжалъ изслѣдованія замѣчательной стоянки палеолитической эпохи, открытой на Кирилловской ул. Изслѣдованія производились въ усадьбахъ Зайцева (прежде Зивала) и Багрѣева. Въ первой культурный непрерывный слой, отличавшійся мощностью, залегалъ на глубинѣ 25-ти аршинъ, на поверхности третичныхъ отложеній; надъ нимъ находился слой валуновъ и лессовыхъ отложеній; культурный слой заключалъ въ себѣ массу обугленныхъ и разбитыхъ костей мамонта и другихъ современныхъ ему животныхъ, обугленное дерево и сравнительно очень незначительное количество осколковъ кремневыхъ орудій. Въ усадьбѣ Багрѣева, лежащей по другую сторону холма, у основы котораго была сдѣлана первая находка, культурный слой обнаруженъ на глубинѣ 16-ти аршинъ, ниже суглинка, между сѣрыми песками; залегалъ онъ не сплошнымъ пластомъ, а гнѣздообразно (б. м. это мѣста первобытныхъ жилищъ); костей мамонта здѣсь не было встрѣчено, найдены зубы пещернаго медвѣдя

и кости менѣе крупныхъ животныхъ; обнаружена здѣсь масса отбивныхъ кремневыхъ орудій, которыя можно уже подраздѣлить на нѣсколько типовъ; вмѣстѣ съ орудіями найдены осколки кремней, ядрища и куски кремня, приготовленные, повидимому, для выдѣлки орудій,—всѣ эти находки указываютъ на то, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло со стоянкой-мастерской палеолитической эпохи. Въ верхнихъ слояхъ Холма, какъ и при прежнихъ изслѣдованіяхъ, открыты землянки, относящіяся къ неолитической эпохѣ каменнаго вѣка. М.

—

Раскопки у м. Триполья, Кіевск. у. У м. Триполья и между сс. Халепьемъ и Веремьемъ уже раньше обнаружены В. В. Хвойкой очень интересные остатки культуры, на которую впервые, благодаря раскопкамъ въ данной мѣстности, было обращено серьезное вниманіе. Культура эта, еще не вполнѣ опредѣленная, относится къ концу каменнаго вѣка и началу металлическаго; здѣсь, на площадкахъ изъ пережженной глины, служившихъ б. м. основаніемъ жилищъ, найдено громадное количество цѣлыхъ и разбитыхъ сосудовъ разнообразной формы, покрытыхъ своеобразнымъ росписнымъ и рельефнымъ орнаментомъ, очень интересныя глиняныя фигурки людей и животныхъ, кремневыя и полированныя каменныя орудія и наконецъ орудія изъ чистой мѣди. Нѣкоторые изъ обнаруженныхъ здѣсь предметовъ имѣютъ сходство съ кипрскими и финикійскими, и вообще здѣсь чувствуется вліяніе Востока. Несомнѣнно, что находка эта составитъ эпоху въ археологіи южной Россіи. Лѣтомъ 1898 г. г. Хвойка, съ обычной энергіей, продолжалъ свои изслѣдованія въ этой мѣстности. Изъ болѣе интересныхъ находокъ отмѣтимъ открытіе довольно большого помѣщенія, съ остатками глинобитныхъ стѣнъ, въ которое вели три ступеньки; посрединѣ этого помѣщенія, на площадкѣ, среди сосудовъ, обломковъ ихъ и золы, найденъ слой обуглившейся и благодаря этому прекрасно сохранившейся пшеницы, не принадлежащей ни къ одному изъ существующихъ видовъ; въ другомъ помѣщеніи найдены также обуглившіяся зерна, еще пока неопредѣленныя. Отмѣтимъ также находку сосуда, наполненнаго различными кремневыми орудіями. Во время этихъ раскопокъ былъ вскрытъ и курганъ, расположенный въ мѣстности, занятой вышеуказанными площадками. При раскопкѣ кургана, въ основаніи его, обна-

ружена площадка изъ обожженой глины—одинаковаго характера съ раньше обнаруженными; въ площадкѣ оказалась яма, въ которой лежалъ скелетъ съ окрашенными костями. Курганы съ окрашенными скелетами встрѣчаются часто на югѣ, заходятъ они даже въ Крымъ; предметы, которые находятъ въ такихъ курганахъ, относятся къ каменному вѣку и въ нѣкоторыхъ случаяхъ—къ переходной эпохѣ, къ металлическому; въ такихъ курганахъ иногда встрѣчаются мѣдныя кованныя орудія; раскопка кургана у м. Триполья, какъ единичная, еще не даетъ твердыхъ основаній къ пріурочиванію кургановъ съ окрашенными костяками, а слѣдовательно и населенія, оставившаго эти курганы, къ культурѣ, открытой у м. Триполья, но все таки мы имѣемъ исходную точку для сближеній; болѣе тщательное изслѣдованіе культуры кургановъ съ окрашенными костями, кстати сказать, не пользовавшейся до сихъ поръ особымъ вниманіемъ ученыхъ, можетъ повести къ болѣе точнымъ и несомнѣнно очень интереснымъ выводамъ.

Н. Б.

—

Раскопки у с. Пастерскаго, Чигиринск. у., Кіевск. г. По приглашенію владѣльца Пастерскаго имѣнія Б. И. Ханенка, В. В. Хвойка произвелъ лѣтомъ 1898 г. раскопку находящагося вблизи этого села городища и кургановъ. Городище, круглой формы, окружено валомъ и занимаетъ площадь въ 18 десят. Вышина вала—25—26 арш., ширина у основанія 19—22 арш., верхъ вала состоитъ частью изъ обожженной глины и камней; въ городище ведутъ 4 въѣзда. Протекающей здѣсь небольшой рѣченкой городище раздѣлено на двѣ части; въ одной изъ этихъ частей находится небольшое внутреннее укрѣпленіе, образуемое тремя концентрическими валами, концы которыхъ упираются въ главный валъ. Поверхность площади городища состоитъ изъ неправильной формы бугровъ; на нихъ и сосредоточивались раскопки, результатомъ которыхъ явилась возможность положительно отнести это городище къ т. н. скифской культурѣ; и на этотъ разъ археологія нашего края обязана г. Хвойкѣ еще однимъ важнымъ открытіемъ, т. к., если не ошибаемся, это первый случай открытія въ данной мѣстности несомнѣнно скифскаго городища. Раскопанные бугры заключали въ себѣ площадки обожженной глины (какъ полагаетъ г. Хвойка, б. м. это мѣсто погребеній съ сожженіями), и массу разбитыхъ амфоръ, греческихъ терракотъ, глиняныхъ сосудовъ т. н.

скифскаго типа; изъ другихъ предметовъ здѣсь встрѣтились: скифскіе желѣзные мечи, безчисленное множество желѣзныхъ ножей, два бронзовыхъ ножа, желѣзные наральники и лопатки, желѣзные серпы, масса бронзовыхъ стрѣлочекъ, стеклянныхъ бусъ, глиняныхъ грузилъ; тутъ-же находилась зола и много костей животныхъ: лошадей, воловъ, барановъ, кабановъ и оленей. Пастерское городище замѣчательно еще тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь раньше часто были находимы крестьянами цѣлые клады очень цѣнныхъ предметовъ другой эпохи—эпохи переселенія народовъ; какъ это часто бываетъ, большинство этихъ находокъ погибло безвозвратно; при раскопкахъ г. Хвойка, было найдено нѣсколько предметовъ и изъ этой эпохи, именно—кладъ, состоящій изъ серебряныхъ фибулъ, серегъ и браслетовъ; всего 12 штукъ. Изъ расположенныхъ возлѣ городища кургановъ было раскопано 14; они относятся къ той-же скифской эпохѣ и заключали въ себѣ погребенія 3-хъ типовъ: 1) погребеніе въ камерѣ или склепѣ, 2) погребеніе въ нишѣ, устроенной въ боку ямы и 3) погребеніе съ сожженіемъ. Почти всѣ курганы оказались разграбленными, и разграбленными въ близкое къ погребенію время; только въ одномъ случаѣ удалось раскопать курганъ съ нетронутымъ содержимымъ; курганъ заключалъ въ себѣ двѣ камеры съ мужскимъ и женскимъ скелетами; возлѣ мужского скелета были найдены кости 2-хъ барановъ, бронзовый шлемъ типичной греческой работы, три желѣзныхъ копья, желѣзный ножикъ, колчанъ съ бронзовыми стрѣлочками, 2 терракотовыхъ греческихъ сосуда, 2 амфоры съ греческими клеймами и электроновая чаша; кромѣ того, кругомъ всего скелета лежалъ рядъ бронзовыхъ стрѣлочекъ; въ ногахъ скелета обнаруженъ другой скелетъ въ поперечномъ положеніи—повидимому скелетъ раба; возлѣ женскаго скелета найдены: амфора, плита изъ особой массы, бронзовое зеркало съ желѣзной ручкой, 2 бронзовыя шпильки, 2 золотыхъ серьги, 18 бляшекъ съ изображеніемъ оленя и краски. Раскопка разграбленныхъ кургановъ также дала очень цѣнныя находки, напр.: фрагменты расписной греческой вазы съ изображеніемъ похищенія Европы Зевсомъ—произведеніе лучшей эпохи греческаго искусства, панцырь изъ бронзовыхъ бляшекъ, золотыя штампованныя бляшки и тому подобное.

М. К.

Случайныя находки.

Въ усадьбѣ Кіево-Софійскаго собора, при выемкѣ земли для фундаментовъ уже въ настоящее время выстроеннаго громаднаго дома, была произведена находка, къ сожалѣнію потерянная для науки благодаря невниманію и безучастному отношенію тѣхъ, кому о семъ надлежало вѣдать. Передаемъ со словъ очевидца и компетентнаго лица нѣкоторыя обстоятельства дѣла. Лицо это посѣтило мѣсто постройки уже тогда, когда яма для фундамента была почти закончена; здѣсь, на довольно большой глубинѣ, были обнаружены остатки громаднаго кострища, большая часть котораго была уже вывезена; среди предметовъ, которые удалось извлечь изъ кострища, большой интересъ представляетъ бронзовый котелокъ или курильница; судя по патинѣ, покрывающей котелокъ, онъ долженъ быть отнесенъ къ глубокой древности; нѣкоторыя указанія на время происхожденія кострища могутъ дать куски перегорѣвшей парчи, въ большомъ количествѣ находившейся въ кострищѣ,—на нихъ ясно виденъ византійскій рисунокъ. Совѣстно становится за нашъ просвѣщенный Кіевъ,—находка эта произведена на архи-историческомъ мѣстѣ, гдѣ каждая пядь земли хранитъ въ себѣ остатки прошлаго: вѣдь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого мѣста (въ усадьбѣ Есикорскаго) не такъ давно еще былъ найденъ кладъ цѣнныхъ предметовъ великокняжеской эпохи; неужели такъ трудно было установить хотя какой-нибудь надзоръ при выемкѣ земли, удѣлить хотя немного вниманія тому, что не принадлежитъ къ числу земныхъ благъ міра сего.

М. К.

—

Городище „Княжа Гора" (у с. Пекарей, Черкасск. у.) не перестаетъ быть источникомъ многочисленныхъ и зачастую очень интересныхъ находокъ. Городище это принадлежитъ въ настоящее время крестьянамъ, и нѣкоторые изъ нихъ создали себѣ изъ поисковъ на немъ древностей постоянный и очень доходный промыселъ. Наученные опытомъ крестьяне-искатели обходятся теперь безъ посредничества торговцевъ древностями, а собравъ партію предметовъ,—отвозятъ ихъ въ Кіевъ и продаютъ въ музей и частныя собранія. Въ теченіе минувшей осени въ Кіевъ было доставлено четыре партіи древностей,—между которыми, помимо массы болѣе обычныхъ предметовъ великокняжеской эпохи, были слѣдующіе, заслуживающіе

вниманія: небольшая рѣзная на сланцѣ иконка съ рельефнымъ изображеніемъ на одной сторонѣ св. Николая, а на другой—четвероконечнаго креста (поступила въ собраніе древностей великокняжеской эпохи Н. П. Чернева); два цѣлыхъ мѣдныхъ креста—энколпіона, особенно интересенъ одинъ изъ нихъ: изображенія на немъ сдѣланы чернью, и крестъ былъ позолоченъ; нетронутой сохранилось внутреннее содержаніе креста; въ какой-то массѣ, наполняющей крестъ, видѣнъ небольшой кусочекъ дерева, уложеннаго въ массу (поступили въ собраніе В. В. Хвойки); изъ украшеній упомянемъ о небольшомъ кладѣ, состоявшемъ изъ 13-ти височныхъ серебряныхъ колецъ, и о золотой привѣскѣ въ формѣ геральдической лиліи—такая привѣска встрѣтилась первый разъ на Княжей Горѣ; раньше этотъ типъ извѣстенъ по кладу изъ усадьбы г. Лѣскова въ Кіевѣ (поступили въ собраніе Н. П. Чернева). Много находилось и желѣзныхъ предметовъ, типа, раньше извѣстнаго, и новаго (поступили въ собраніе Н. Ф. Бѣляшевскаго).

П. К.

—

Цѣнная находка въ Кіево-Печерской лаврѣ. 26-го ноября въ Кіево-Печерской лаврѣ обнаружена цѣнная находка при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ настоящее время производится капитальный ремонтъ соборной церкви Кіево-Печерской лавры. Между прочими передѣлками и измѣненіями, рѣшено въ указанной церкви замѣнить всѣ деревянные полы каменными плитками. Когда, съ этой цѣлью, на хорахъ сорвали деревянные полы, то оказалось, что довольно значительное пространство между полами и каменнымъ сводомъ заполнено разнаго рода мусоромъ и щебнемъ. Но такъ какъ мусоръ отъ времени сильно слегся и пріобрѣлъ значительную плотность, то его пришлось разбивать. 26 ноября, когда названныя работы по удаленію мусора производились въ лѣвомъ придѣлѣ во имя св. Ѳеодосія, одинъ изъ рабочихъ, отдѣляя щебень отъ стѣны, сильно ударилъ ломомъ. Ломъ коснулся чего то желѣзнаго, раздался довольно глухой звукъ, и ломъ ушелъ въ пустое пространство. Немедленно приступили къ очищенію этого мѣста отъ мусора, и глазамъ рабочихъ предстала слѣдующая картина. Въ стѣнѣ была довольно значительная ниша, отверстіе которой было закрыто незначительной толщины чугунной плитой, разбитой ломомъ. Когда приняли плиту, то въ нишѣ нашли деревянную кадушку, имѣющую видъ небольшого улья, емкостью около двухъ ведеръ. Вокругъ этой кадушки стояло 4 оловя-

ныхъ сосуда. Два изъ нихъ имѣютъ круглую форму, другіе два четыреугольную. Круглые сосуды вмѣщаютъ по полуведру каждый, четыреугольные—по ведру. Эти оловяные сосуды имѣютъ навинчивающіяся крышки съ ручками. Два изъ нихъ повреждены ударомъ лома.

Въ Лаврѣ и въ настоящее время существуютъ сосуды, подобные найденнымъ, но они уже рѣдки и остаются, какъ памятники старины.

Одинъ изъ круглыхъ сосудовъ заключалъ въ себѣ золотыя монеты, которыхъ было въ немъ $^2/_3$ всей емкости сосуда. Всѣ же остальные сосуды, а также и кадушка были до верху наполнены разнаго рода серебряными монетами. Золотыхъ монетъ было вѣсомъ 1 пудъ 26 ф., серебряныхъ до 20-ти пудовъ. Въ сосудахъ, кромѣ монетъ, были обнаружены также документы, отчасти испорченные временемъ. Большая часть изъ нихъ оказывается неимѣющей никакого историческаго значенія,—они изорваны и помяты и, по всей вѣроятности, были положены для того, чтобы прикрыть сокровища. Большій интересъ представляютъ найденные тамъ-же различные счеты и реестры; начинаются они 1631 г. и оканчиваются 1753 годомъ. При золотыхъ монетахъ найденъ документъ съ датой «1731 г. ноября 26»; по содержанію своему онъ представляетъ актъ генеральной ревизіи лаврскихъ сокровищъ, произведенной 26 ноября 1731 г. Въ немъ указаны размѣры лаврскихъ сокровищъ, констатированные ревизіей, затѣмъ говорится, что изъ нихъ взята сумма, необходимая на ремонтъ соборной церкви, пострадавшей послѣ пожара 1718 года, и на постройку нынѣшней лаврской колокольни; послѣ всего этого подведенъ итогъ остающимся суммамъ, которыя опредѣлены слѣдующимъ образомъ: „въ скобцѣ червонныхъ 1,100" и въ остальныхъ сосудахъ „талеровъ 10,000"; внизу слѣдуютъ подписи архимандрита Романа Копы и трехъ лаврскихъ старцевъ. По этимъ документамъ можно прослѣдить исторію позаимствованій изъ этого казнохранилища на различныя нужды лавры; послѣдній разъ, именно въ 1753 году, было взято на нужды лавры „2000 червонныхъ".

По поводу этой находки проф. Лашкаревъ обратился въ Церковно-Археологическое Общество при Кіевской Духовной Академіи съ запиской, въ которой указывалъ на научный интересъ найденныхъ сокровищъ. Вслѣдствіе этой записки Общество въ экстренномъ засѣданіи своемъ 2 декабря назначило особую комиссію изъ членовъ:

профессоровъ П. А. Лашкарева, Н. И. Петрова и В. З. Завитневича и чиновника А. Ф. Новицкаго, для научнаго опредѣленія находки. Комиссія собиралась 3, 8 и 9 декабря и нашла слѣдующее. Большинство монетъ—XVII в., меньше—XVI в. и изрѣдка попадаются XV вѣка, позднѣйшая монета—1702 года. Русскихъ монетъ весьма мало, но зато всѣ онѣ представляютъ большую рѣдкость, а именно: двѣ золотыя—Бориса Θеодоровича Годунова, двѣ золотыя—Алексѣя Михайловича, 1 золотая—Софіи Алексѣевны и Іоанна и Петра Алексѣевичей и 1 золотая въ 10 червонцевъ Петра Великаго 1702 года. Къ русскимъ же монетамъ нужно отнести 167 ефимковъ, т. е. западно-европейскихъ талеровъ съ московскимъ штемпелемъ XVII в. Польскія монеты, какъ серебряныя, такъ особенно золотыя, идутъ сплошнымъ рядомъ, начиная со Стефана Баторія и оканчивая Яномъ Собѣсскимъ. Между польскими золотыми есть массивныя донативы (Стефана Баторія и Сигизмунда III) и коронаціонные червонцы (2 Яна Казиміра). Единственную въ своемъ родѣ вещь представляетъ большая золотая медаль князя Константина Константиновича Острожскаго, воеводы кіевскаго, съ портретомъ на одной сторонѣ и щитомъ съ его гербами на другой, а также латинскими надписями. Есть частные фамильные жетоны кн. Радзивилловъ и др. Много есть шведскихъ, датскихъ, трансильванскихъ и прусскихъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ, а также мелкихъ германскихъ княжествъ и городовъ, которыя болѣе или менѣе точно и подробно опредѣлены комиссіей. Менѣе важныя, съ точки зрѣнія русской нумизматики, монеты голландскія, австрійскія, венгерскія, венеціанскія и вообще итальянскіе, швейцарскія, испанскія, португальскія, французскія (англійскихъ нѣтъ ни одной) и турецко-татарскія, распредѣлены только по группамъ.

Среди этой массы монетъ нашлась одна, относящаяся къ другой эпохѣ—это собственно не монета, а большой золотой медальонъ императоровъ восточной римской имперіи Констанція и Константа.

Интересно, что объ этомъ казнохранилищѣ не сохранилось въ лаврѣ никакихъ преданій; вѣроятно оно было забыто во время чумы, свирѣпствовавшей въ Кіевѣ въ 1769—71 гг., когда лица, вѣдавшія казнохранилище, могли умереть отъ чумы или удалиться изъ Кіева.

Насъ интересуетъ судьба этой находки. Если соборъ лавры рѣшитъ ее продать, то очень желательно, чтобы были оставлены хотя нѣкоторые экземпляры, представляющіе историческій и нумизматическій интересъ, какъ напр., замѣчательная медаль Константина

Острожскаго и нѣкоторые изъ русскихъ и польскихъ монетъ; для нихъ имѣется уже и надлежащее мѣсто—Церковно-Археологическій Музей; намъ кажется, что отъ такого дара средства лавры не потерпятъ особеннаго ущерба.

Б.

Музеи и частныя собранія

Кіевскій музей. 2 декабря состоялось засѣданіе строительной комиссіи кіевскаго музея древностей и искусствъ для обсужденія вопроса объ исполненіи статей и барельефовъ, которыми будетъ украшенъ фасадъ зданія музея. Изъ многочисленныхъ гипсовыхъ проэктовъ, представленныхъ различными художниками, комиссія въ предъидущихъ засѣданіяхъ признала лучшими проэкты итальянскаго художника г. Sala, которымъ недавно исполнены барельефы для Ксеніевскаго института въ Петербургѣ.

Намъ пришлось видѣть проэкты г. Sala, одобренные къ исполненію. Парапетъ музея будетъ вѣнчать группа, состоящая изъ трехъ фигуръ: искусства, архитектуры и поэзіи. Искусство, громадная женская фигура, вышиною въ 4 съ половиною аршина, вѣнчаетъ лавровымъ вѣнкомъ двѣ другія женскія фигуры, живопись и архитектуру. Изъ многочисленныхъ варіантовъ группъ, представленныхъ для главнаго фронтона зданія, избрана аллегорическая группа, изображающая торжественное шествіе искусства. Искусство возсѣдаетъ на колесницѣ, запряженной разгоряченными конями; вокругъ шествуетъ толпа съ факелами, трепетниками и т. д. У главнаго входа въ музей, по обѣ стороны большой лѣстницы, будутъ помѣщаться два льва, колоссальныя фигуры длиною въ 7 и вышиною въ 4 съ половиною аршина.

Общество древностей и искусствъ приступило пока къ сооруженію частей зданія, обращеннаго фасадами къ европейской гостинницѣ и царскому саду. Часть зданія обращенная фасадомъ къ институту благородныхъ дѣвицъ, будетъ выстроена впослѣдствіи. Строющаяся часть зданія, возведенная въ настоящее время подъ крышу, будетъ заключать 20 залъ, по пяти въ каждомъ этажѣ. Изъ нихъ собственно для музея предназначается десять залъ, въ двухъ надземныхъ этажахъ зданія, въ двухъ же подземныхъ этажахъ будутъ помѣщаться

залъ общихъ собраній, библіотека, архивъ, залъ для публичныхъ лекцій и т. д.

Съ Царской площади зданіе музея будетъ производить впечатлѣніе капитальнаго одноэтажнаго зданія, возвышающагося на вершинѣ 13-ти аршинной скалы, созданной искусственно. Будетъ построена гранитная упорная стѣна, производящая впечатлѣніе скалы. Такимъ образомъ, главный входъ въ музей, съ расположенными по обѣ его стороны колоссальными львами, поднимается на высоту третьяго этажа домовъ Александровской улицы. Съ площади ведетъ къ входу широкая каменная лѣстница. Холмъ будетъ отдѣланъ двумя уступами, на первомъ изъ которыхъ будутъ разбиты клумбы и цвѣтники, на второмъ будетъ возвышаться зданіе.

Стоимость сооруженія, которое, несомнѣнно, явится однимъ изъ лучшихъ украшеній Кіева, исчислено въ 400.000 руб.; стоимость же части, сооружаемой теперь, вмѣстѣ съ упорною стѣною, цвѣтниками, канделябрами у входа и желѣзною рѣшеткою, исчисляется въ 215.000 руб. Въ распоряженіи общества древностей и искусствъ, которому Кіевъ будетъ обязанъ этимъ прекраснымъ зданіемъ, имѣется около 200.000 р. Въ части зданія, обращенной фасадомъ къ институту благородныхъ дѣвицъ, предполагается помѣстить художественно промышленную школу, учрежденіе которой проектируется. Общество надѣется исходатайствовать себѣ правительственную субсидію собственно для учрежденія школы, при чемъ эта субсидія дала бы ему возможность закончить зданіе музея.

(Ж. и И.)

—

Воззваніе правленія Кіевскаго Общества Древностей и Искусствъ. «Кіевское общество древностей и искусствъ», основанное въ 1897 году, имѣетъ своей задачей служить научному изученію памятниковъ старины, а равно развитію эстетическаго вкуса и художественнаго образованія. Для осуществленія поставленной задачи общество прежде всего приступило къ сооруженію въ г. Кіевѣ музея, подъ усадьбу котораго городское управленіе, сочувствуя задачамъ общества, отвело участокъ земли противъ Царскаго сада.

Въ музеѣ предполагаются два отдѣленія: 1) исторіи и этнографіи и 2) изящныхъ искусствъ и художественной промышленности. Первый отдѣлъ имѣетъ въ виду интересы чисто научные. Второй отдѣлъ имѣетъ цѣлью удовлетворять практическимъ нуждамъ юго-западнаго

края, играя роль учебно-воспитательнаго учрежденія, гдѣ всѣмъ желающимъ будетъ предоставлена возможность полнаго ознакомленія съ образцами художественныхъ и художественно-промышленныхъ произведеній.

Въ настоящее время зданіе музея вчернѣ окончено, и теперь надлежитъ приступить: во-первыхъ, къ отдѣлкѣ внутренняго помѣщенія зданія и, во вторыхъ, къ пріобрѣтенію и составленію коллекцій для музея.

Въ виду недостатка средствъ на устройство музея, кіевское общество древностей и искусствъ обращается ко всѣмъ, кому дорого развитіе въ нашемъ отечествѣ искусствъ и охраненіе памятниковъ старины, съ покорнѣйшей просьбой о содѣйствіи ему въ устроеніи кіевскаго музея пожертвованіемъ деньгами или предметами искусства для коллекцій музея.

Пожертвованія въ пользу музея будутъ приняты съ благодарностью; отчеты о поступленіяхъ будутъ опубликованы, и имена жертвователей будутъ занесены въ особую книгу. Желающимъ поступить въ члены кіевскаго общества древностей и искусствъ уставъ общества будетъ высланъ по первому требованію.

Обращаться лично или письменно въ правленіе кіевскаго общества древностей и искусствъ (Кіевъ, Бульварная у., домъ № 9), къ предсѣдательницѣ общества графинѣ М. Н. Мусиной-Пушкиной (Екатерининская, д. № 18), или къ вице-предсѣдателю Б. И. Ханенко (Алексѣевская, соб. домъ).

—

Музей древностей университета св. Владиміра. Въ 1898 г. въ музей поступило 708 предметовъ. Изъ предметовъ, найденныхъ *въ Кіевской губ.*, поступили: часть эмали бивня мамонта изъ палеолитической стоянки въ г. Кіевѣ на Кирилловской ул. и образцы кухонныхъ остатковъ и неолитической стоянки тамъ же; кремневые отбойники, стрѣлы, острія ножика, обломки глиняныхъ сосудовъ, найденные на Лысой горѣ, на предмѣстьи г. Кіева, Верхней Соломенкѣ; образцы глиняной обмазки стѣнъ, глиняные сосуды, часть глиняной статуэтки грубой формы, топорикъ изъ сѣраго талька, кусокъ оленьяго рога, отдѣланный въ видѣ клина, оленья кость (три послѣдніе предмета найдены въ одномъ сосудѣ)—изъ раскопокъ жилища на поселкѣ неолитической эпохи на земляхъ с. Халепья, Кіевск. у; желѣзный кинжалъ, желѣзный ножъ, бронзовые наконечники стрѣлъ, кос-

тяныя стрѣлы, бронз. гвозди, бронз. зеркало, стеклянныя бусы, золотая штампованная бляшка, краски, сѣра—изъ скифскаго кургана у сс. Лазурцы, Ковали, и Ромашки—Каневск. у.; бронзовыя стрѣлы, бляшки, шпоры, фибула, обломки браслетовъ, серьги, кольца, желѣзные ножи, подковы, глиняныя пряслицы, стеклянныя бусы—изъ городища у с. Бабичи, Чигиринск. у.; кремневый ножъ, бронзовыя стрѣлы, фрагментъ бронзоваго дротика, бронз. украшенія, серебрян. перстень, пряслицы, грузила, глиняные сосуды—изъ окрестностей с. Трехтемирова, Кіевск. у.; кремневыя орудія изъ сс. Трощина и Тростянца, Каневск. у; бронз. фибула—изъ с. Вучака, Каневск. у.; брон. пряжка и смальтовыя бусы—изъ городища у с. Пилявы, Каневск. у; бронз. браслеты и украшенія, желѣз. стрѣлы—изъ окрестностей г. Канева; каменныя полированныя орудія, бронз. фибулы, браслеты, привѣски, украшенія, клинокъ сибирскаго типа, желѣзныя стрѣлы и крючки, грузила, пряслицы—изъ городища Княжа гора у с. Пекарей, Черкасск. у.; кремневыя стрѣлки, бронз. и костяныя стрѣлы—у с. Грищенецъ, Каневск. у.; каменный топоръ—молотъ, брон. стрѣлы, фибулы, бляхи, привѣски, украшенія, часть желѣзнаго кинжала, желѣзныя стрѣлы, ножи, копье, бусы, пряслицы, бронзовый складной крестъ—изъ окресностей с. Сахновки, Черкасск. у.; два стеклянныхъ сосуда—изъ г. Кіева. *Въ Волынской губ.*: кремневыя и каменныя орудія, найденныя у входа въ пещеру у с. Бущи, Дубенск. у.; кремневыя и каменныя орудія, найденныя у с.. Будеража, Малой Мощаницы, Нараева, Ступна, Чубры, Листвина. и Майдана—Дубенск. у. *Въ Подольской губ.*: бронзовыя стрѣлы и желѣзные гвозди, найденные въ курганахъ въ имѣніи Межирѣчье, Балтск. у., бронзовая стрѣла съ римскими цифрами изъ Балтс. у. *Въ Полтавской губ.*: кремневыя и костяныя стрѣлы, костяныя пластинки и острія,—(изъ городища у с. Лѣплявы, Золотоношск. у.); кремневыя орудія, найденныя на песчаныхъ розсыпяхъ у с. Келеберды, Золотоношск. у.; золотой перстень изъ г. Переяслава. *Въ Екатеринославской губ.*; глиняная урна, найденная въ Брянскомъ заводѣ; золотая серьга изъ Баширина; желѣзная стрѣла, найденная въ полѣ с. Волоскаго, Екатеринославск. у. Особенно замѣчательныхъ предметовъ въ означенномъ году въ музей не поступало.

М.

—

Собраніе древностей Н. Я. Тарновскаго. Большая часть собранія покойнаго Н. Я. Тарновскаго послѣ его смерти была продана съ

публичныхъ торговъ; [1]) непроданными остались, благодаря высокой оцѣнкѣ, лишь двадцать съ небольшимъ витринъ. На вторичныхъ торгахъ почти все оставшееся было пріобрѣтено родственниками покойнаго и предназначено для помѣщенія въ одинъ изъ общественныхъ музеевъ г. Кіева. Намъ удалось поближе ознакомиться съ этими остатками собранія; размѣщены они въ 26-ти небольшихъ изящныхъ витринахъ; всѣ предметы занумерованы, и по оставшимся каталогамъ можно возстановить происхожденіе каждой вещи. Перечисленіе всего имѣющагося въ коллекціи заняло-бы слишкомъ много мѣста, да кромѣ того есть надежда, что будетъ составленъ и изданъ подробный каталогъ коллекціи, поэтому ограничимся бѣглымъ обзоромъ. Одна витрина занята каменнымъ вѣкомъ; здѣсь имѣются двѣ каменныя булавы со сверлинами, найденныя у с. с. Грушева и Москалевокъ, Кіевск. у. и нѣсколько топоровъ—молотковъ и кусковъ ихъ—изъ Каневск. у. Двѣ витрины наполнены предметами изъ раскопокъ кургановъ у с. с. Бурты, Зеленки, Казаровки и Синявки, Емчихи, Грищенецъ—Каневск. у. Кіевск. губ., у с. Халчи, Кіевск. у., у с. Келеберды, Золотоношск. у. Полтавск. г. Изъ бронзовыхъ предметовъ большой интересъ представляетъ булава, найденная при корчеваніи лѣса въ с. Поташнѣ, Кіевск. губ.; часть бронзовой формочки для отливки стрѣлъ—с. Грищенцы, Каневск. у.; затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ бронзовыхъ фибулъ, браслетовъ, украшеній, стрѣлъ изъ разныхъ мѣстъ Каневскаго у. Кіевск. г. Много предметовъ дали пробныя раскопки городища у с. Лѣплявого, Золотоношск. у. Полтавской губ.; здѣсь мы находимъ бронзовыя кольца, браслеты, фибулы, пряжки, украшенія, различные желѣзные предметы, грузила, пряслицы, бусы и, что особенно интересно, массивные мѣдные топорики. Есть нѣсколько мечей—кинжаловъ, формы переходной отъ бронзовой къ желѣзной—м. Корсунь, Черкасс. у Кіевск. губ., масса различныхъ мелкихъ предметовъ изъ случайныхъ находокъ, главнымъ образомъ, въ Каневск. у., и т. под. Особенно большой подборъ желѣзныхъ орудій, оружія и украшеній изъ городища Княжа гора у с. Пекарей, Каневс. у.; изъ другихъ предметовъ великокняжеской эпохи отмѣтимъ крестъ энколпіонъ, нѣсколько крестиковъ-тѣльниковъ, нѣсколько перстней изъ разныхъ мѣстъ Каневск. у.; изъ монетныхъ знаковъ той-же эпохи есть серебряная гривна новгородскаго типа—с. Пекари, Черкасск. у., и двѣ серебр. гривны кіевскаго типа—городище Княжа гора. Хотя коллекція эта и представляетъ только остатки большей но и въ такомъ видѣ она можетъ составить цѣнный вкладъ во всякій музей.

Б.

---

[1]) См. некрологъ П. Я. Тарновскаго въ декабр. книжкѣ „Кіев. Ст.“ 1898 г.

Подвижной Музей Учебныхъ Пособій Кіевскаго Общества Грамотности. Въ декабрѣ состоялось общее собраніе Кіевскаго Общества Грамотности, на которомъ было рѣшено устроить Подвижной Музей Учебныхъ Пособій, сосредоточить въ немъ различныя коллекціи и разсылать таковыя для временнаго пользованія въ городскія и сельскія школы. Среди другихъ коллекцій, имѣется въ виду составить коллекціи и по *археологіи.* Нельзя не отнестись вполнѣ сочувственно къ новому начинанію Кіевскаго Общества Грамотности; въ частности, касаясь коллекцій по археологіи, нужно признать, что такія коллекціи будутъ способствовать распространенію въ массѣ какъ знаній, такъ и вообще интереса къ памятникамъ нашей старины, къ сожалѣнію, еще очень слабо развитаго не только среди простонародія, но даже и въ болѣе интеллигентныхъ слояхъ общества.

К.

Разныя извѣстія.

Фальсификація древностей. У кіевскихъ торговцевъ древностями время отъ времени появляются различныя поддѣлки; фальсификаціей занимались до сихъ поръ тѣ-же мѣстные торговцы; въ послѣднее время появились фальсификаты повидимому другого происхожденія; такъ напр., мы видѣли мѣдную литую икону съ рельефными изображеніями свв. Константина и Елены и греческими подписями; по увѣренію торговца, икона найдена въ Херсонесѣ, но достаточно одного взгляда, чтобы узнать поддѣлку, поэтому насъ очень удивилъ интересъ, съ какимъ отнеслись къ этой фальсификаціи нѣкоторые изъ мѣстныхъ присяжныхъ ученыхъ, считающіе икону подлинной. Начали появляться на кіевскомъ рынкѣ и предметы изъ мрамора съ изображеніями и греческими надписями, — также несомнѣнные фальсификаты; можно догадываться и объ источникѣ всѣхъ этихъ поддѣлокъ—повидимому, мы имѣемъ дѣло съ произведеніями бр. Гохмановъ изъ Очакова, получившихъ уже достаточную извѣстность своей энергичной и ловкой дѣятельностью на этомъ поприщѣ.

—

Живопись въ Кирилловскомъ монастырѣ. Въ засѣданіи русскаго археологическаго общества 12 декабря былъ подвергнутъ обсужденію вопросъ, стоитъ ли издать памятники древней стѣнной живописи въ

Кіевскомъ упраздненномъ Кирилловскомъ монастырѣ. Спрошенный, какъ лицо, хорошо знакомое съ памятниками нашей древней церковной живописи, А. В. Праховъ замѣтилъ, что, по его мнѣнію, снимки со стѣнной живописи Кирилловскаго монастыря издать необходимо, и вопросъ можетъ быть лишь въ томъ, издавать ли одни только снимки со стѣнной живописи Кирилловскаго монастыря, или же—совмѣстно съ тѣмъ, что осталось еще неизданнымъ изъ фресокъ и памятниковъ стѣнной живописи собора св. Софіи и Михайловскаго Златоверхаго монастыря. Окончательное обсужденіе этого вопроса было отложено.

("Ж. и И.")

Библіографическія замѣтки.

Лашкаревъ П. Церковно-археологическіе очерки. Кіевъ 1898, 8⁰ 240 стр. съ планами и рисунками. Настоящая книга почтеннаго профессора представляетъ изъ себя сборникъ очерковъ, изслѣдованій и рефератовъ, большей частью уже напечатанныхъ въ разныхъ изданіяхъ; всѣ они связаны общимъ характеромъ и—по словамъ автора—служатъ цѣлью уяснить правильное отношеніе къ памятникамъ (главн. обр. архитектурнымъ) религіозной старины и установить соотвѣтствующіе дѣлу пріемы ихъ изслѣдованія. «Очерки» заключаютъ въ себѣ слѣдующія статьи: 1) Религіозная монументальность, 2) что осталось отъ древней кіевской церкви Спаса на Берестовѣ. 3) По вопросу объ архитектурѣ XII вѣка въ Суздальскомъ княжествѣ, 4) Кіевская архитектура X—XII вѣка, 5) Развалины церкви св. Симеона и Копыревъ конецъ древняго Кіева, 6) Киворій, какъ отличительная архитектурнаа принадлежность алтаря въ древнихъ церквахъ, 7) Остатки древнихъ зданій Кіево-печерской лавры, 8) Остатки древней церкви въ г. Переяславѣ, 9) Соборная Успенская церковь въ г. Каневѣ. Послѣдняя статья появляется въ печати впервые, и о ней мы подробнѣе поговоримъ въ одной изъ ближайшихъ книжекъ. Выходъ своей книжки авторъ пріурочилъ къ предстоящему въ Кіевѣ XI археологическому съѣзду, и сдѣлать это авторъ счелъ умѣстнымъ потому, что, какъ онъ говоритъ, всѣ его археологическіе опыты такъ или иначе касаются памятниковъ мѣстной старины, которая, по связи ея съ общерусскою стариною, не можетъ прямо или кос-

венно входить въ программу занятій съѣзда,—нужно быть только благодарнымъ автору за принятый имъ на себя трудъ.

В.

—

Собраніе В. Н. и Б. И. Ханенко. Древности Русскія. Кресты и образки. Кіевъ. 1899. 4⁰. Только что вышло роскошное изданіе, подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, представляющее изъ себя часть описанія замѣчательнаго собранія древностей В. Н. и Б. И. Ханенко, находящагося въ г. Кіевѣ. Въ настоящемъ выпускѣ, на 16-ти прекрасно исполненныхъ фототипіей таблицахъ, мы находимъ изображенія 169-ти крестовъ и образковъ; таблицы снабжены текстомъ и вступительной статьей о религіозномъ, историческомъ и художественномъ значеніи изданныхъ крестовъ и образковъ, которые раздѣлены на три группы: 1) корсунскіе (греческіе кресты), 2) русскіе кресты и образки цотатарской эпохи—съ X до половины XIII в. и 3) съ XVI по XVIII в.; большинство изъ изданныхъ относится ко второй группѣ, и здѣсь есть очень рѣдкіе и замѣчательные по работѣ экземпляры. Изданіе это будетъ служить незамѣнимымъ справочнымъ руководствомъ для всѣхъ интересующихся даннымъ предметомъ.

—

Каталогъ собранія В. В. Тарновскаго въ Кіевѣ, давно начатый, повидимому скоро появится въ свѣтъ; текстъ и отлично исполненные фототипіей таблицы съ изображеніями предметовъ уже почти закончены печатаніемъ; съ нетерпѣніемъ ждемъ выхода этого изданія, обѣщающаго дать богатый матеріалъ, какъ для мѣстной археологіи, такъ и для бытовой исторіи козацкой эпохи, такъ какъ по отношенію къ послѣдней собраніе В. В. Тарновскаго является единственнымъ по богатству и рѣдкости собранныхъ предметовъ.

М. К.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Въ теченіе октября—декабря въ редакцію вновь поступили слѣдующія пожертвованія: 1) И. П. Деревянко—2 р. 15 к. 2) С. А. Е—ова—50 к. и 3) П. Д—каго—25 коп.,—всего 2 р. 90 к., что вмѣстѣ съ прежними 877 р. 57 к. (см. № 10), составитъ 880 р. 47 к. которые и отправлены въ Полтаву.

Библіографія.

Časopis Musea království českého. 1897 и 1898 годы, тт. 71 и 72. Red. Ant. Truhlář, profes. akadem. gymnasia v Praze.

Подъ редакціей г. Тругларя, извѣстнаго знатока чешской литературы, оффиціальное изданіе чешскаго музея, существующее уже 72 года, продолжаетъ выходить книгами, полными такого же глубокаго интереса и значенія, какъ и прежде; дѣло, очевидно, находится въ хорошихъ рукахъ и ведется съ большою любовію и знаніемъ. Въ указанныхъ томахъ имѣется нѣсколько работъ, небезъинтересныхъ и для русскаго читателя; таковы, напр., статьи г. В. Францева (о пребываніи русскихъ войскъ въ Чехіи во время наполеоновскихъ войнъ; приводится, между прочимъ, свидѣтельство Рулика о томъ восторгѣ, который былъ вызванъ въ русскихъ и чехахъ возможностью взаимнаго пониманія, даже когда каждая сторона говорила на своемъ языкѣ), г. В. Вондрака (о новѣйшихъ работахъ по вопросу о дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія, главнымъ образомъ по поводу работы г. Фридриха «Ein Brief des Anastasius bibliothecarius an den Bischof Gaudericus von Velletri über die Abfassung der «Vita cum translatione s. Clementis papae» Eine neue Quelle zur Cyrillus und Methodius-Frage; **оттискъ изъ** Sitzungsberichte der philos. philol. histor. Classe der k. bayer. Akad. d. Wiss. 1892. Heft. III, 393—442). **Но особенный интересъ возбуждаетъ статья извѣстнаго знатока червоно-русской жизни Фр. Рѣгоря, чьи путевыя замѣтки по Галиціи были помѣщены въ извлеченіи въ „Кіевской Старинѣ“ за 1896 г. Статья эта, называющаяся „Календарикъ изъ народной жизни лем-**

ковъ. Къ галицко-русскому народовѣдѣнію» (353—376 стр.), состоитъ изъ 47 большихъ и малыхъ, иногда въ нѣсколько строкъ, замѣтокъ о разныхъ праздникахъ въ году и сопряженныхъ съ ними обычаяхъ, обрядахъ, пѣсняхъ и т. п. Таковы, напримѣръ: Новый рôкъ, Василевъ день, Щедрый вечеръ, Пущанья, Великій пôстъ, Понедѣлокъ хромый, Теплый Олекса, Благовѣщенье, Страстный четвергъ, Велыка пятныця, Велыкдень, Задушна субота, Святый Юръ, Русала, Купало, Маковея, Успеніе, Николая, Ламаный вечеръ (вечеръ предъ Щедрымъ днемъ), Святый вечеръ, Рôздво и друг. Особенно любопытныя въ отношеніи языка и содержанія пѣсни приведены въ замѣткѣ о русалкахъ „За селомъ коло лиса“ и о Купалѣ. Приводимъ эту последнюю, какъ болѣе короткую:

На Яна, на Яночка,
Палыть ся намъ соботонька.
А вы хлопци выйдить на ню
Спечемо вамъ чорну китку.
Чорна китка не салена, не мащена,
Лемъ (только, лишь) попелцемъ прыпряшена.
А на Яна на Курделя,
Зарызалы дивкамъ теля;
А на Яна на Палача,
Зарызалы хлопцамъ гача (?)
А на Яна на Купала,
Санця кабатъ залыпала.
Не могла го одопраты,
Мусивъ Ваня помогаты,
Не́могла го окрутыты
Мусивъ Ваня полюбыты.

Приведемъ также кстати нѣкоторые обычаи и повѣрья, связанные съ тѣми либо другими днями. На Спаса, т. е. въ день Преображенія Господня, 6 августа, женщины предъ обѣдней сбиваютъ масло, которое святится только въ день Успенія Пресвятыя Богородицы вмѣстѣ съ цвѣтами и другими растеніями. На Спаса не годится ходить въ лѣсъ за орѣхами:

Не ходы на орихы на Спаса
Бо ти окрутытся коло ногы колбаса.

Въ пищу употребляютъ въ этотъ день преимущественно вареныя стручковыя растенія.

Въ день Ильи подвѣшиваются торжественно нѣсколько картофельныхъ высадокъ, чтобы картофель уродился крупнымъ. Предъ этимъ днемъ сажается рѣпа.

Въ день Покрова, 1 октября, дѣвушки, жаждущія замужества, обращаются къ своей покровительницѣ Покровѣ съ слѣдующею мольбою:

Свята Покровонько,
Накрый мою головоньку
Якомъ такомъ шматыномъ,
Штобы-мъ была газдынёмъ (хозяйкою),
Якомъ такомъ онучомъ,
Най ся дивкомъ не мучу.

О днѣ св. Екатерины (24 ноября) существуетъ такая примѣта: если въ этотъ день морозно на дворѣ, то на Іорданъ будетъ тепло, и наоборотъ. Въ день св. Николая (6 дек.) женщины приносятъ въ церковь этому святому деньги, хлѣбъ, пѣтуховъ и кроликовъ. Хлѣбъ, называемый *осухъ*, складываютъ предъ образомъ св. Николая, а въ случаѣ недостатка мѣста у престола за иконостасомъ. Хлѣбъ этотъ дѣлится между членами причта, участвующими въ чтеніи акафистовъ святому; кроликовъ же и пѣтуховъ запираютъ въ «бабинцѣ» (мѣсто у церковныхъ дверей, гдѣ стоятъ во время богослуженія женщины). Пѣтушиный крикъ, если онъ послышится оттуда, пророчитъ множество свадебъ и плодородіе куръ къ всеобщему удовольствію женскаго населенія.

А. С—ъ.

Новые художественные журналы. а) *Искусство и Художественная Промышленность.* 1898 №№ 1—3 Октябрь—Декабрь.—б) Міръ Искусства. 1898. № 1—2.

Послѣ длиннаго промежутка времени, въ теченіе котораго у насъ не было журналовъ, посвященныхъ изобразительнымъ искусствамъ, конецъ прошлаго года ознаменовался почти одновременнымъ выходомъ двухъ новыхъ художественныхъ журналовъ.

Ранѣе появился журналъ «Искусство и Художественная Промышленность», издаваемый съ октября обществомъ поощренія художествъ подъ редакціею секретаря этого общества Н. П. Собко, а ав-

тора «Словаря русскихъ художниковъ», который началъ выходить нѣсколько лѣтъ тому назадъ и повидимому никогда не окончится по той причинѣ, что составитель его, не съумѣвъ отличить существенное отъ несущественнаго, важное отъ ненужнаго, слишкомъ растянулъ и осложнилъ свой трудъ. Вслѣдъ затѣмъ другой журналъ «Міръ Искусства», ведущій свое существованіе съ 1 января 1899 г., также поспѣшилъ выйти въ ноябрѣ двойнымъ номеромъ (т. е. за январь 1899 года). Этотъ журналъ издается кн. М. К. Тенишевой и С. И. Мамонтовымъ подъ редакціей С. П. Дягилева, который до сихъ поръ былъ извѣстенъ, какъ устроитель разныхъ выставокъ и авторъ нѣсколькихъ статей по искусству.

Первый журналъ, во вступительной отъ редакціи статьѣ, своею цѣлью ставитъ распространеніе въ массахъ публики возможно точныхъ и вѣрныхъ понятій и знаній по художественной части какъ прежняго, такъ и нынѣшняго времени, знакомство ея со всякими новыми идеями и принципами въ той же области, борьбу какъ со старою рутиною, такъ и съ новѣйшими вредными направленіями въ той или другой области искусствъ и художественныхъ промысловъ у насъ и за границею, наконецъ, развитіе въ обществѣ идеи о народности въ художествѣ и промышленности въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, причемъ заявляетъ, что будетъ стараться о возможно большемъ и своевременномъ сообщеніи свѣдѣній относительно состоянія и развитія названныхъ отраслей знанія въ провинціи.— Второй журналъ, въ объявленіи и подпискѣ, излагаетъ, что въ немъ художественный отдѣлъ посвящается произведеніямъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ мастеровъ всѣхъ эпохъ исторіи искусствъ, насколько означенныя произведенія имѣютъ интересъ и значеніе для современнаго художественнаго сознанія, а въ отдѣлѣ художественно-промышленномъ особенное значеніе придается вопросамъ самостоятельной русской художественной промышленности, причемъ обращено особенное вниманіе на великіе образцы стараго русскаго искусства, и что въ обоихъ отдѣлахъ статьи будутъ главнымъ образомъ посвящены вопросамъ художественной критики.

Оба журнала имѣютъ одинаковый форматъ и изданы съ небывалой въ нашихъ художественныхъ журналахъ роскошью. Особенно въ этомъ отношеніи пріятно поражаетъ первый журналъ, въ которомъ есть въ высшей степени изящно исполненные снимки.

По направленію же журналы рѣзко отличаются одинъ отъ другого. Въ журналѣ «Искусство и Худож. Промышленность», какъ можно судить по содержанію вышедшихъ номеровъ, главнымъ дѣятелемъ, дающимъ тонъ журналу, является В. В. Стасовъ, взгляды котораго по разнымъ вопросамъ искусства достаточно извѣстны изъ многочисленныхъ статей его.

А какіе взгляды и мнѣнія найдутъ себѣ мѣсто въ журналѣ «Міръ Искусства», открывается изъ передовой статьи редактора, озаглавленный «Нашъ мнимый упадокъ», въ которой онъ говоритъ: «Насъ назвали дѣтьми упадка, и мы хладнокровно и согбенно выносимъ безсмысленное и оскорбительное названіе *декадентовъ*». Изъ этого признанія, равно какъ изъ многихъ подробностей и изъ нѣсколькихъ весьма странныхъ рисунковъ, помѣщенныхъ въ первой книгѣ журнала, начиная съ курьезныхъ и непонятныхъ рисунковъ на обложкѣ журнала,—надо заключить, что названный журналъ будетъ выразителемъ того направленія въ искусствѣ, которому даютъ названія «декадентизма» или направленія «конца вѣка».

Къ южнорусскому краю въ журналѣ «Искусство и Художеств. Промышленность» имѣютъ отношеніе: а) письма изъ Харькова *Е. К. Р—на*, и изъ Одессы *А. П.* со свѣдѣніями о художественной жизни этихъ городовъ, о существующихъ въ нихъ рисовальныхъ школахъ, объ устройствѣ музеевъ и о художественныхъ выставкахъ,—б) заключающіяся въ статьѣ Стасова о В. М. Васнецовѣ свѣдѣнія о дѣятельности этого художника по украшенію Владимірскаго Собора въ Кіевѣ,—в) рецензія изданія Кульженка «Соборъ св. кн. Владиміра въ Кіевѣ въ изложеніи А. Д. Эртеля и В. Г. М.»,—г) снимки внутреннихъ видовъ этого собора,—д) снимки съ заставокъ въ старинныхъ южнорусскихъ рукописяхъ.

Въ журналѣ Міръ Искусства», къ которому, по всѣмъ видимостямъ, намъ придется обращаться гораздо рѣже, чѣмъ къ первому журналу, нѣтъ ничего относящагося къ южно-русскому краю, кромѣ снимка съ картины В. М. Васнецова «Несторъ Лѣтописецъ».

Н. Ш.

Симоновъ М *(Первый директоръ Лубенской гимназіи) Замѣтки къ юбилейной по случаю двадцатипятилѣтія Лубенской гимназіи запискѣ.* Кіевъ. 1898. стр. 39.

Въ № 7—8 «Кіев. Старины» за 1898 г. намъ пришлось отмѣтить появленіе исторической записки въ Лубенской гимназіи, составленной по поводу 25-лѣтія ея существованія. Еще тогда нѣкоторыя мѣста этой записки, особенно извлеченія изъ отчета гимназіи за 1877—1878 годъ, вызвали у насъ недоумѣнія. Брошюрка г. Симонова проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на причины тѣхъ нестроеній, которыя пришлось пережить Лубенской гимназіи въ теченіе немногихъ лѣтъ ея существованія. Появленіе этой брошюрки вызвано тѣми обвиненіями, какія взведены были на г. С—ва, какъ въ отчетѣ гимназіи за 1877—1878 г., такъ отчасти и въ самой юбилейной запискѣ. Въ началѣ брошюры г. С—въ разсказываетъ о томъ, какъ онъ попалъ въ директора Лубенской гимназіи и почему оставилъ директорство (въ 1877 г. С—въ былъ выбранъ предсѣдателемъ Лубенской земской управы, и такъ какъ Министерство народнаго просвѣщенія нашло неудобнымъ совмѣщеніе этой должности съ должностью директора гимназіи, то г. С—въ и оставилъ управленіе гимназіей). Переходя затѣмъ къ разбору взведенныхъ на него обвиненій, г. С-въ выясняетъ свою точку зрѣнія на переводы учениковъ изъ класса въ классъ. Переводились ученики на основаніи изданныхъ М—вомъ Народнаго Просв. правилъ, причемъ, согласно циркуляру М—ва, педагогическій совѣтъ допускалъ въ иныхъ случаяхъ переводъ въ высшій классъ даже и при нѣкоторыхъ непереводныхъ отмѣткахъ, коль скоро убѣждался, что слабое знаніе по данному предмету не помѣшаетъ ученику успѣшно проходить курсъ слѣдующаго класса. Благодаря этому, избѣгали безполезнаго, иногда и вреднаго задерживанія учениковъ въ томъ же классѣ по чисто формальнымъ причинамъ, избѣгали и выбрасыванія учениковъ изъ заведенія, если они пробыли уже два года въ классѣ. Нельзя не согласиться, что такое снисхожденіе не было ошибкой. Далѣе г. С—въ подробно разбираетъ приведенную въ запискѣ запутанную и довольно таки безграмотную цитату изъ отчета гимназіи за 1877—1878 учеб. годъ и дѣлаетъ поясненія къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ мѣстамъ юбилейной записки.

Грустное впечатлѣніе производитъ разсказъ о судьбахъ Лубенской гимназіи. Ревизія установила, что ученики распущены—свали-

вается вина на прежняго директора, и начинается безпощадное «подтягиваніе»; оставшіеся послѣ подтягиванія ученики начинаютъ разбѣгаться сами, гимназіи грозитъ опасность остаться безъ гимназистовъ; тогда система мѣняется: дѣлаются всяческія послабленія, и снова ревизія застаетъ заведеніе въ такомъ печальномъ состояніи, что составитель записки считаетъ счастливымъ исходомъ, то обстоятельство, что гимназіи вовсе не закрыли.

Казалось бы, давно уже признано, что въ дѣлѣ воспитанія больше всего надо избѣгать рѣзкихъ переходовъ отъ снисходительности къ суровости и наоборотъ, а примѣняется это элементарное педагогическое правило далеко не всегда.

Н. Т.

Slovanský přehled. ročnik I, čislo 3 (Prosinec).

Въ этомъ номерѣ симпатичнаго чешскаго журнала, о которомъ мы говорили въ предыдущихъ книжкахъ [1]), помимо другихъ матеріаловъ, представляющихъ по своему содержанію огромный интересъ, для насъ въ частности особенный интересъ имѣетъ все то, что относится къ нашей народности и ея литературнымъ проявленіямъ. Въ этомъ смыслѣ, на первомъ мѣстѣ можно поставить статью упоминавшагося уже въ предыдущихъ №№, сочувствующаго намъ чешскаго писателя Францишка *Ређоря* (Řehoř)—Jubilejni slavnosti rusinske. Разсказавъ довольно обстоятельно біографію поэта, авторъ счелъ нужнымъ упомянуть о юбилейныхъ торжествахъ, бывшихъ въ Галиціи, потому что въ нихъ—по его словамъ — „отражается до извѣстной мѣры степень развитія народной и духовной жизни въ Галицкой Руси и способъ, какимъ оно проявляется“.

Слѣдуетъ также отмѣтить въ отдѣлѣ *хроники* сообщеніе о юбилеѣ 25-лѣтней дѣятельности И. Франка и о торжественномъ его празднованіи во Львовѣ; объ основаніи во Львовѣ же «Руско-українскої спілки видавничої»,—издательской организаціи, которая вмѣстѣ съ тѣмъ беретъ на себя и книготорговлю.

---

[1]) № 10 и 11 въ отдѣли библіографія.

Небезъинтересно также отмѣтить въ отдѣлѣ «литературы, науки и искусства» сочувственныя рецензіи на альманахъ «Січ», (виданъ въ память 30-лѣтія основанія общества «Січ» въ Вѣнѣ), на поэму Шевченка «Гайдамаки»,—изданіе М. Білоуса (въ Коломиї),—съ біографіей и нѣсколькими рисунками; упоминаніе объ основаніи русинами перваго «Товариства для розвою руськоі штуки»,—явленіе, съ котораго «начнется новая эпоха въ развитіи русинскаго искусства».

Однимъ словомъ, повторяя то же самое, что и раньше нами говорилось, мы можемъ только пожелать уважаемому журналу съ новаго года дальнѣйшаго процвѣтанія на благо всѣхъ славянскихъ націй и чешской въ особенности.

В. Д.

странной), и *научной хроники*, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1899 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ *Извѣстій* безъ пересылки *шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ*, а съ пересылкой *семь рублей*. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе *Университетскихъ Извѣстій* 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредствено въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ В. Иконниковъ.

Въ 1899 году „Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ «Извѣстій» составляютъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволожья, Средней Азіи и Сибири);

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словаря инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ „Извѣстіяхъ“ принимаютъ участіе: проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Аулiэ-Ата), Г. Ахмаровъ, Ш. Г. И. Ахмеровъ, проф. В. А. Богородицкій, проф. Е. Ѳ. Будде, К. В. Виклюндъ (Упсала), В. Н. Витевскій, А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), А. А. Диваевъ, М. Е. Евсевьевъ, И. А. Износковъ, Н. Ѳ. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), акад. В. В. Латышевъ, В. К. Магницкій, Н. М. Марьяновъ (Минусинскъ). В. А. Мошковъ (Варшава), еписк. Никаноръ (Смолен.) Н. Н. Пантусовъ (Вѣрный), Н. М. Петровскій, П. А. Пономаревъ, Г. Н. Потанинъ (С.-Петербургъ), проф. И. Н. Смирновъ, Ѳ. А. Теплоуховъ (Пермь), В. М Терехинъ (Пенза), проф. А. А. Штукенбергъ, И. Н. Юркинъ и др.

Одной изъ основныхъ задачъ „Извѣстій“ является всестороннее изученіе Урало-Алтайскаго міра. Для посильнаго осуществленія этой задачи редакція „Извѣстій“ считаетъ необходимымъ держать своихъ читателей au courant всего, что является новаго въ этой области знанія, и пріобрѣла корреспондентовъ въ Гельсингфорсѣ, Буда-Пештѣ и Упсалѣ для отчетовъ о новостяхъ финской, венгерской и скандинавской литературъ.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 р. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Обществу Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

„Извѣстія“ выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОТЪ РЕДАКЦІИ

„Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстій".

„Варшавскія Университетскія Извѣстія" заключаютъ въ себѣ два отдѣла: оффиціальный и ученый. Въ первомъ отдѣлѣ печатаются: 1) сокращенные протоколы засѣданій Совѣта Университета, 2) обозрѣніе преподаванія по полугодіямъ и свѣдѣнія о личномъ составѣ Университета, 3) извлеченія изъ отчетовъ о состояніи и дѣятельности Университета, 4) отчеты профессоровъ и преподавателей объ учебныхъ командировкахъ, 5) актовыя рѣчи профессоровъ, 6) отзывы о диссертаціяхъ докторскихъ, магистерскихъ и pro venia legendi, 7) программы университетскихъ лекцій, 8) сочиненія студентовъ, удостоенныя награды золотою медалью и 9) отзывы о медальныхъ сочиненіяхъ. Во второмъ отдѣлѣ печатаются научныя статьи профессоровъ, преподавателей и другихъ лицъ, служащихъ при Университетѣ, а также вступительныя лекціи профессоровъ и преподавателей; въ зависимости отъ состоянія средствъ „Извѣстій", въ этомъ отдѣлѣ печатаются также курсы университетскихъ лекцій, диссертаціи и другіе научные труды большаго объема.

Въ прибавленіяхъ печатаются таблицы метеорологическихъ наблюденій и списки книгъ, поступающихъ въ библіотеку Университета, при чемъ эти списки издаются одинъ разъ въ годъ въ видѣ особаго приложенія къ майской книжкѣ „Извѣстій".

„Варшавскія Университетскія Извѣстія" выходятъ 9 разъ въ годъ (въ концѣ каждаго учебнаго мѣсяца) книжками въ размѣрѣ до 12 печатныхъ листовъ каждая. Годовая подписная цѣна—5 руб. съ пересылкою. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ профессоръ *Ѳ. Леонтовичъ.*

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

„**Кіевская Старина**“ выходитъ въ 1899 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности, прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1899 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается, по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „**Кіевская Старина**“, Кузнечная, № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой-либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно, по полученіи слѣдующей книжки, присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897 и 1898 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги журнала по **1 р.**

Издатель К. М. Гамалѣй. Редакторъ **В. П. Науменко.**